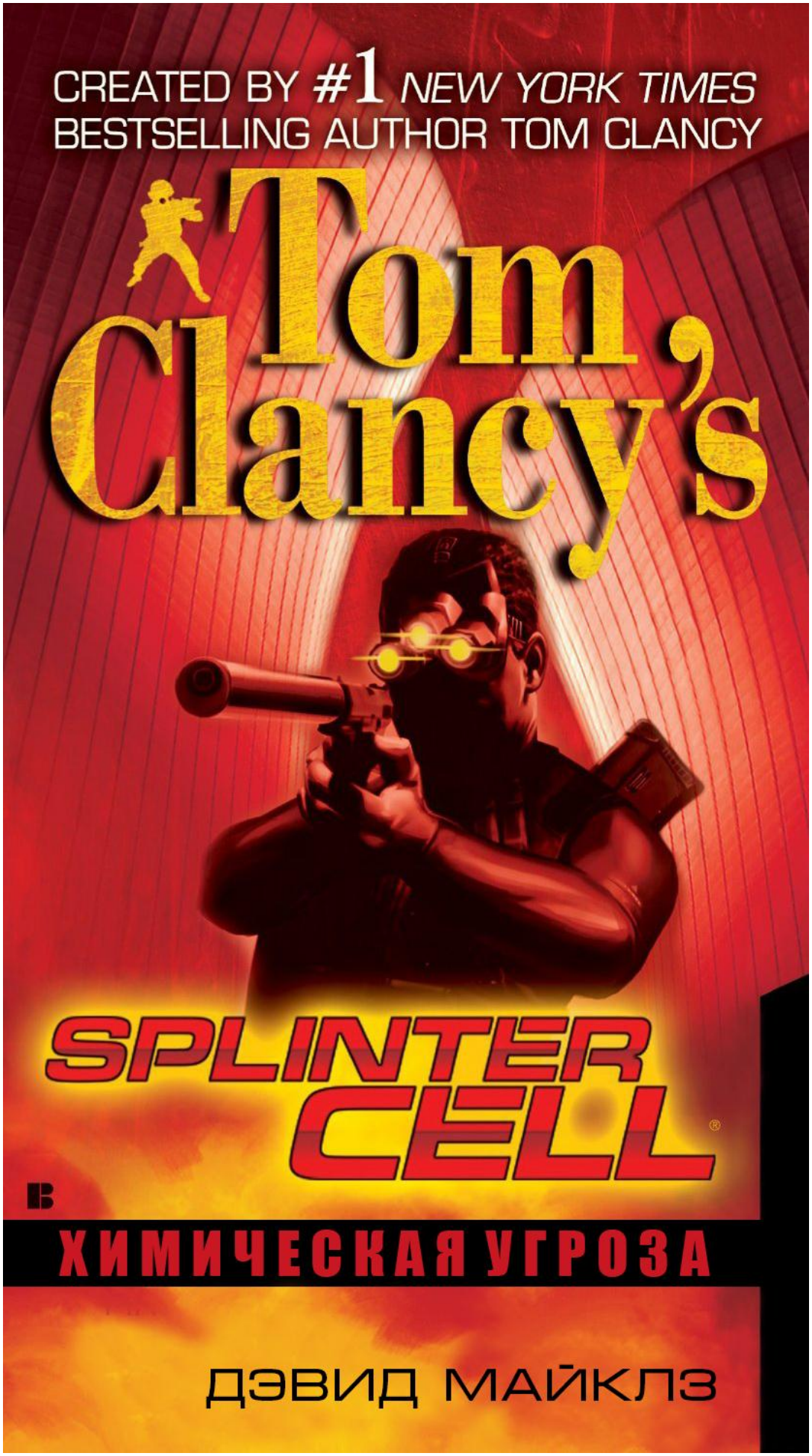
CREATED BY #1 NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR TOM CLANCY
Tom Clancy's
SPLINTER CELL
ХИМИЧЕСКАЯ УГРОЗА
ДЭВИД МАЙКЛЗ

Перевод осуществлен SplinterFanGroup:

Михаил Дулич (AwsoM), Ян Косаренков (iAn89), Роман Немцов (EvilSpark)

Редакция и оформление: AwsoM

БЛАГОДАРНОСТИ

Снова повторюсь: автор — "лицо" книги. Сердце, мышцы и нередко мозги, работающие над книгой за кулисами, невидимы и довольно часто остаются неизвестны.

Благодарю за помощь в создании замечательной книги "Tom Clancy's Splinter Cell: Fallout": Тома Колгана, Сэнди Хардинг, и всех из "The Berkley Publishing Group". Спасибо за то, что помогли мне не сплоховать.

Майкла Овица и Криса Джорджа. Спасибо вам за вашу веру.

Из Ubisoft: Джошуа Мейера, Ричарда Дански, Алексис Нолент, Оливера Генриота, Юридический Отдел Ubisoft, и всех остальные, кто приложил свою руку в создании Splinter Cell.

(Всем, о ком я забыл упомянуть в последней книге. Приношу извинения.)

Пэм Ахерн. Спасибо за вашу поддержку и преданность. Пэм, вы лучшая.

Тома Клэнси, без которого Splinter Cell не существовало бы.

И, конечно же, свою жену. Я счастлив, что ты у меня есть.

Дэвид Майклз/ Грант Блэквуд/

Tom Clancy's Splinter Cell: «Химическая угроза»

David Michaels/Grant Blackwood/

Tom Clancy's Splinter Cell: Fallout

1

САН-ФРАНЦИСКО, 2008 ГОД

Фишер знал, что за ним следят. Он понял это по очевидным признакам, но также он чувствовал это нутром. Чего Сэм не знал, это сколько их было, и когда они начнут действовать. Он уже забрал посылку прямо у них под носом, так что они наверняка не собирались позволять ему достичь зоны высадки. Но насколько близко дадут приблизиться?

Сэм остановился перед витриной магазина часов и начал рассматривать последнюю модель "Тиссот". Краем глаза он заметил мужчину, которого прозвал Хвостом 6.1 (один наблюдатель на шести часах), тот тоже остановился перед витриной, чтобы осмотреть товары. Мужчина был хорошо подготовлен, Фишер наблюдал за тем, как он достал сотовый телефон, набрал номер и сообщил:

— Нет, я смотрю сейчас на него... ага, точно тот, кого вы искали...

"Хороший хвост можно отождествить с колпаком, — напомнил себе Фишер. — Без этого наблюдатель имеет склонность излучать "ауру преследования", так что любой, даже с элементарными навыками контрнаблюдения, вычислит его".

— ...нет, один на Франклин Стрит... верно. Хорошо, пока.

В пятнадцати метрах за Хвостом 6.1 следует Хвост 6.2 (двое наблюдателей, мужчина и женщина идут, держась за руки, вторая позиция за первым хвостом), миновал своего соратника возле витрины магазина и продолжает идти, через несколько секунд проходит мимо Фишера, направляясь вниз по тротуару. Фишер мысленно изменил обозначение на Хвост 12.2 — теперь они находились впереди.

Последние два часа он держал воображаемый циферблат в голове, перемещая некоторые пешки, когда они меняли свои позиции и приближались к нему. Они были хороши, двигались плавно, продолжая держать Фишера под наблюдением, все время сменяли одежду, партнеров и поведение в надежде остаться незамеченными. Все было напрасно, он ни в коем случае не потерял бы их с тактикой переодевания. С другой стороны: знали ли они, что он их обставил? Скорее всего нет, если бы знали, то уже схватили бы его.

Это было бы смешно (они поступали, как были обучены, как и Сэм), если бы не было столь смертельно опасно. Они едва не поймали его две недели назад; если это произойдет в этот раз, то ему конец.

Фишер проверил часы. Все что ему было нужно — это еще десять минут.

Десять минут и последняя попытка оторваться.

Сэм отошел от витрины и продолжил путь вниз по тротуару, но замедлил шаг, позволяя паре впереди отдалиться от него. Тротуар и улицы были мокрыми от тумана с залива, и пелена кружилась вокруг уличных фонарей с радужным ореолом, которые, как казалось, сдвигались и мерцали, когда Фишер отдалялся от них или подходил к ним ближе. Вдали доносился унылый звон навигационных буев.

Впереди был виден вход в переулок — темный прямоугольник между двумя домами. Сэм выбрал его прошлой ночью по многим причинам: располагался между двумя уличными фонарями; заканчивался высоким забором с колючей проволокой; и, если Фишер правильно просчитал, то хвост впереди завернет за угол прежде, чем он достигнет входа в переулок. Зайдя в переулок, один или несколько наблюдателей последуют за ним, чтобы не выпускать его из виду — скорее всего, один человек на хвосте.

"Итак, десять секунд, чтобы добраться до входа, подождать секунд тридцать, появится ли его цель, — подумал Фишер. — Если повезет, у него будет сорок секунд, чтобы сделать то, что должен".

Не отрывая глаз от парочки впереди и прислушиваясь к стуку каблуков по тротуару за спиной, Фишер подстраивал темп ходьбы, выжидая, выжидая ... Парочка впереди повернула за угол. Фишер поравнялся с входом в переулок, сделал еще три шага, затем резко свернул влево и вошел в темный переулок. Ощутив, как темнота окутывает его, Фишер почувствовал облегчение. Большую часть своей карьеры, он работал непосредственно в тени, и привык считать ее своей ближайшей союзницей. Шпионская работа происходила наоборот, в основном на виду. В целом, это был иной вид игры. Это требовало некоторого привыкания.

Он пробежал половину переулка, и когда достиг темного прохода слева, нырнул в него. Жестяная крышка от мусорного ведра была прислонена к кирпичной стене так, как Сэм и оставил. Он схватил ее, сунул между ног, затем вытянул руки над головой и зацепился за нижнюю перекладину пожарной лестницы. Сэм вытянул себя на решетчатый помост и, перебирая ногами вправо, достиг первого пролета лестницы, и принялся подниматься наверх. На следующей лестничной площадке он взял мусорную крышку в правую руку как фризби, наклонился через перила, прицелился и бросил крышку. Она плавно полетела, снижаясь по дуге в переулок. Врезалась в забор с колючей проволокой на дальнем конце, с грохотом отскочила и влетела в мусорные ведра у противоположной стены.

Фишер тем временем бесшумно взбирался по пожарной лестнице по две ступеньки за раз. Он остановился, прислонился к стене и прислушался. Снизу раздавался цокот каблуков по переулку. Сэм взглянул вниз. Его одинокий "хвост", услышав шум, и решив, что цель убегает, попался на удочку.

Последняя часть задумки Фишера — бездомный, которому он заплатил $100, чтобы тот ожидал в переулке с другой стороны забора до тех пор, пока не получит сигнал, а теперь, играя свою роль, поплелся по переулку к выходу.

Фишер услышал отдаленное "Проклятье", затем увидел, как его преследователь поднес манжет пиджака к губам:

— Цель сбежала ... направляется на восток к Оберну ...

Хвост развернулся и бросился прочь из переулка.

"Молодец, — подумал Фишер и мысленно запустил новый таймер. — Две минуты. Не больше".

Через десять секунд хвост исчез за углом, синий фургон с красно-желтым плакатом "Водопроводные работы Джонсон и Сыновья", пронесся мимо входа в переулок и с визгом повернул за угол. Фишер подождал еще секунд пять, пока не затих звук двигателя, затем преодолел последние несколько ступенек на верхнюю платформу пожарной лестницы и поднялся на крышу. Это была усыпанная гравием, плоская и лишенная каких-либо особенностей, за исключением нескольких ржавых вентиляционных труб и одинокой, размером с телефонную будку, служебной дверцы в центре. Вдалеке он видел мигающие огни делового района Сан-Франциско, а также навигационные огни грузовых судов, направляющихся в гавань.

Фишер, осторожно, чтобы не хрустеть по щебню, пошел по крыше на запад, параллельно расположенному внизу тротуару, пока не достиг края. Подобно крышке от мусорного бака, алюминиевая лестница, которую Сэм обнаружил днем ранее, лежала на боку у водосточного желоба. Он беззвучно взял лестницу, и, держа вертикально перед собой, подпер ножки лестницы о карниз, затем схватил канатный шкив и начал удлинять лестницу вверх.

Опора лестницы лязгала по алюминиевым перекладинам, отдаваясь эхом по переулку и вдоль улицы. Фишер про себя поморщился, но продолжал тянуть. С шумом ничего нельзя было поделать; это было необходимо. Как только лестница полностью удлинилась, Фишер отклонился назад для противодействия и начал опускать ее через проход к следующему дому. Когда лестница опустилась ниже сорока пяти градусов, за дело взялась гравитация. Фишер в напряжении удерживал семиметровую лестницу. Перебирая руками, по сантиметру за раз, он

продолжал опускать, пока алюминиевая опора наконец-то не ударилась о противоположную крышу.

К северу от себя он услышал скрежет шин и отзвуки криков:

— Ни с места! Не двигаться, не двигаться ...

Затем тишина. Прошло тридцать секунд. Завелся двигатель. Заскрежетали шины.

Фишер позволил себе улыбнуться.

"Они дышат тебе в затылок, Сэм".

Спустя еще полминуты, и Фишер услышал, как он полагал, что фургон с сантехникой влетел за угол и с заносом остановился перед его спасительным переулком. Фишер наклонился, поднял конец лестницы, и затем с лязгом бросил ее на карниз. Затем развернулся на каблуках, пошел к служебной двери и приоткрыл ее. Наконец-то Сэм пошел к северному краю крыши и спрыгнул на платформу пожарной лестницы. Добравшись до третьей платформы, он услышал быстрый хруст гравия на крыше.

— Сюда, сюда ... по этой лестнице ... — кричал голос.

Затем второй голос:

— Здесь открытая дверь ...

Треск радиопомех, затем третий голос:

— Подразделения ... приказ ... перегруппироваться, возвращайтесь на улицу ...

Фишер подождал, пока не затихли звуки убегающих шагов по гравию, затем прижался к кирпичной стене, сделал два быстрых шага, и перепрыгнул через проход на противоположный балкон здания. Он присел на корточки, поднял окно, залез в пустую квартиру, затем закрыл за собой окно.

Две минуты спустя он уже вышел через парадный вход из здания и направлялся на север.

Через полчаса, Сэм сидел на лавочке в "Эмбаркадеро Плаза" с видом на залив, кушая ломоть хлеба из ржаной муки, и попивая кофе, когда фургон "Водопроводные работы Джонсон и Сыновья" остановился на обочине. Боковая дверь отъехала в сторону, показывая четыре затемненные фигуры, кучу мониторов и связевого оборудования. Из фургона вылезла фигура, подошла к Фишеру и остановилась перед ним.

Женщина, которую Фишер знал, как Джеки Фист была одета в синюю толстовку 1960-х годов с красным символом Зеркала Венеры. Она грустно ему улыбнулась и покачала головой.

— Ты сукин сын, Фишер.

Фишер усмехнулся.

— Я полагаю, что это значит — я прошел?

— Прошел? Дорогуша, последние два часа ты заставил побегать кругами десяток моих лучших наблюдателей. Как ты думаешь? Пошли, лезь в машину, заслушаем отчет.

2

ГОРЫ АЛАТАУ, КЫРГЫЗСКО-КАЗАХСТАНСКАЯ ГРАНИЦА

Военачальникам и их войскам было приказано собраться в полной боевой готовности незадолго до того, как стемнеет, в лагере, узком горном каньоне, окруженном скалами и заснеженными вершинами гор. Разделяя границу, как и прежде, лагерь уже в течение двух лет был штаб-квартирой бойцов сопротивления. Марионеточное правительство в Бишкеке не имело ни ресурсов, ни намерений, чтобы соваться в горы и оставило все попытки препятствовать различным способам бойцов сопротивления проникать на низменности и наносить ущерб.

Война длилась шесть лет, большую часть из которых эти люди и тысячи их последователей жили как звери в труднодоступных горных хребтах, разделяющих третью часть страны на севере, южнее столицы Бишкек. После событий 11 сентября, по принципу домино, запад объявил Кыргызстан рассадником мусульманского экстремистского терроризма в Центральной Азии, и с молчаливого согласия соседей на юге: Таджикистана и Афганистана, возглавляемая США коалиция, используя воздушные удары и спецвойска, свергла мусульманское правительство, поставив к власти умеренные малочисленные фракции.

Свергнутое правительство со своей армией, увидев неизбежную гибель, за месяцы до вторжения скрытно эвакуировало припасы и оборудование из столицы в горы на юге. Под руководством Болота Омурбая, радикального президента страны в течение последних трех лет, а заодно и командующего Освободительной армией Кыргызской Республики (ОАКР), правительство оставило столицу за несколько часов до того, как начался сброс бомб с лазерным наведением. Омурбай, уже почитаемый кыргызстанцами как отец современного Кыргызстана, быстро стал богоподобным образом, потому как он командовал и воевал рядом партизанами ОАКР, изнуряя спонсируемые США правительственные войска и сокращая любые мелкие доходы, которые те могли сделать за пределами крупных городов.

Проведя год в войне, Вашингтон решает, что пришло время обезглавить змею. За голову Омурбая была назначена награда. От рядовых новой правительственной армии до вооруженных ружьями крестьян, которые пострадали от Омурбая, народные массы направляются в сельскую местность, орудуя как загонщики для американского спецназа, который после трех месяцев охоты, обнаружил Омурбая, скрывающегося в пещере рядом с казахстанской границей. Омурбай был передан правительственным войскам.

Правительство Бишкека быстро расправилось с Омурбаем, признав его виновным спустя сорок один день после поимки. Приговор, смертельная казнь через расстрел, был вынесен на

следующий день, транслировался в прямом эфире перед десятками телекамер из каждого уголка земного шара. Болот Омурбай, Иосиф Сталин Кыргызстана, затем был бесцеремонно положен в деревянный гроб без опознавательных признаков и похоронен в тайном месте с грудой камней, обозначающих его могилу.

В течение трех недель после казни Омурбая, в Бишкеке и окрестностях было спокойно, не было никаких засад, минометных обстрелов, и перестрелок, которые ежедневно мучили Кыргызстан на протяжении последних пятнадцати месяцев.

А затем, как по сигналу старт, в первый день весны, ОАКР вернулась в боевой готовности, осуществляя согласованные атаки, которые вынудили основные правительственные войска вернуться на равнины, окружающие Бишкек, где армия перегруппировалась, окопалась, отразила атаку, заставив партизанов снова вернуться в горы.

Следующие пять лет бушевала война, иногда склоняясь в пользу сопротивления, иногда в пользу правительства, пока силы сторон не уравновесились, СМИ назвали ее "Качельной войной". Правительство США и партнеры коалиции, увязшие в Афганистане и Ближнем Востоке, могли предложить лишь минимальные ресурсы и деньги кыргызскому правительству, тем временем сопротивлением командовали бывшие полевые военачальники Омурбая, получавшие устойчивый приток денег, и устаревшее, но все еще эффективное советское оружие из Индонезии и Ирана.

Этот вечер, однако, был посвящен не стратегии, военачальникам поведали новости — хорошие новости, которые изменят ход войны. То, что будет оглашено здесь, одновременно повергнет в шок и воодушевит их.

Как только солнце скрылось за западными пиками, и низину покрыла тьма, три сотни боевиков собрались перед помостом, естественной возвышенностью в ущелье. Питаемые генератором "солнечные" прожекторы сияли по обеим сторонам помоста, освещая шестерых членов военного совета, сидящих полукругом с поджатыми ногами. Перед ними стоял Самет, старый друг и соратник Омурбая и де-факто лидер ОАКР.

— Добро пожаловать, братья, и спасибо, что пришли. Многие из вас совершили долгий путь, чтобы оказаться здесь и подверглись большому риску. Будьте уверены, ваше время, и усилия будут вознаграждены. Как вам известно, мы сражаемся за память так же, как и ради страны и Аллаха. Он, отнятый у нас, был светом в ночи, объединившим, скрепившим и закалившим нас.

Одобрительные возгласы раздались от боевиков. В воздухе замелькали АК-47 и РПГ, началась пальба в небо из пистолетов.

Самет подождал, пока стихнет ликование, затем продолжил.

— С его потерей, мы сражались от его имени и по воли Аллаха. Уверен, вы согласитесь, что эти годы были суровыми. Даже сильнейших из нас одолевали сомнения и усталость. Что ж, такого больше не будет, братья. Этой ночью мы возродимся.

Как по команде, с восточной части ущелья донеслись звуки ротора вертолета. Боевики, обученные бояться вертолетов, как и их афганские братья, научившиеся этому во время советской оккупации, начали кричать и толкаться, в надежде найти укрытие или же позицию для стрельбы из РПГ.

— Успокойтесь, братья, бояться нечего, — произнес по системе громкой связи Самет. — Это так и задумано. Смирно.

Толпа медленно успокаивалась и усмирялась, устремившись взором в восточное направление. Целую минуту рев роторов усиливался, пока пара мерцающих навигационных огней не появилась из темноты соседнего ущелья. Вертолет, старый советский Ми-8 (по классификации НАТО: HIP) с 12.7 мм носовой пушкой и 80 мм ракетами на подкрыльевых гондолах, проревел над землей, в девяти метрах над толпой перед тем, как повернул направо и завис перед свободным участком рядом с автопарком. С сильным потоком воздуха, вызванным ротором, Ми-8 приземлился на трехколесное шасси. Спустя несколько секунд мотор был заглушен, и ротор начал сбавлять обороты: сперва до приглушенного воя, а затем до полной тишины. Одну минуту ничего не происходило. Толпа находилась в восхищенном безмолвии, ожидая любого признака движения. Несколько мужчин, настолько хорошо были согласованы их воинские инстинкты, занервничали, схватились за оружие у груди. Все еще работающие навигационные огни Ми-8 мерцали голубым и белым светом в ущелье.

Наконец дверь отодвинулась в сторону, обличив темный прямоугольник. Прожектор, установленный над помостом, залил кругом белового яркого света бок вертолета. По-прежнему ничего не происходило.

И затем одинокая фигура появилась из темноты дверного проема вертолета. Несомненно, мужская фигура, высотой метр восемьдесят, широкоплечая, коренастая, с крепкими ногами. Капюшон покрывал его голову.

Шепот голосов пронесся в толпе.

Мужчина поднял руки на уровень плеч ладонями наружу, и толпа утихомирилась.

Мужчина потянулся к капюшону и снял его.

Люди открыли рты от удивления. Лицо перед ними было знакомо: волевой подбородок, ястребиный нос, черные усы...

— Приветствую вас, братья. Я вернулся, и потому я предлагаю вам вернуть страну. — Произнес Болот Омурбай. — Я спрашиваю вас: кто будет сражаться на моей стороне?

3

САН-ФРАНЦИСКО

Не смотря на то, что Джеки представила свою команду, назвав только имена, как только они перегруппировались на конспиративной квартире, Фишер по-прежнему был в состоянии наблюдения, у него ушло несколько минут, чтобы перестать думать о них, как о точках на циферблате. Хвост 6.1 — мужчину, который последний час упражнения упорно следовал за Фишером на шести часах, звали Фредерик, и Хвост 6.2.2 — держащуюся за руки пару, которая прошла мимо Сэма перед рывком в переулок, звали Реджинальд и Джуди. Большинство из оставшихся восьми лиц были знакомы, а несколько нет, и Фишер рассеянно удивился, неужели он пропустил их. Как бы он не надеялся, Сэм знал реальный мир.

На каждую увиденную крысу приходится ...

— Ладно, ребята, я думаю, можно с уверенностью сказать, что этой ночью Сэм научил нас нескольким трюкам. Поэтому, несмотря на то, что пострадало наше эго, выпьем за нашего кролика ...

Все как один, группа подняла стаканы с вином, пивом, и крепкой выпивкой, безмолвно салютуя Фишеру. Сэм улыбнулся, кивнул, и поднял бутылку пива "Куэрс". Тост был сердечным, и атмосфера была непринужденной, однако большую часть своей карьеры Фишер работал один, и поэтому, как и десятки других сюрпризов, этот поворот в карьере предоставил ему товарищеские отношения, которые требовали некоторого привыкания.

После того, как Джеки остановила фургон "Джонсон и Сыновья" и признала поражение, она, Фишер и команда перегруппировались на конспиративной квартире ЦРУ в Саусалито, через залив от государственного парка Энджел Айленд, для обсуждения завершенного упражнения. Из собравшихся, только Фишер и Джеки знали, что сегодняшнее упражнение было последним экзаменом для Сэма.

Основная часть его подготовки за последние три месяца было знакомым делом: оружие, рукопашный бой, скрытная передача информации, наблюдение; поэтому у Фишера не было больших трудностей в применении своих знаний к программе. К чему потребовалось время, чтобы привыкнуть, так это к тому, что многие приемы конспирации часто происходили средь бела дня и под пристальным наблюдением. Передать кому-нибудь сообщение в темном переулке — это одно, а сделать это на оживленной городской улице в полдень во время час пика с десятками наблюдателей, изучающими твое каждое движение, было совсем другим делом.

И все же, Фишер был не удивлен, когда обнаружил, что ему это нравится. Задача играть и выигрывать в шпионские шахматы только при помощи своего ума и хитрости была опьяняющей.

Сегодняшнее турне по туманным улицам Сан-Франциско было кульминацией недельного упражнения "живой огонь", предназначенного для проверки его способности проникать в незнакомый город, организовать и запустить сеть агентов, а затем после того, когда "ключ" — важнейшая часть информации от условного врага министерства обороны, окажется в безопасности, тайком эвакуироваться. Последний тест был понятен и даже прост: обработать тайник, где один из агентов поместил "ключ" и передать его связному на другой стороне города, и все под бдительным наблюдением команды секретной полиции Джеки.

Теперь, когда все стали друзьями, группа сидела за круглым покерным столом под скоплением подвесных светильников, которые отбрасывали мягкий галогенный свет на отделанную сукном поверхность.

— Скажи мне вот что, Сэм, — сказал Реджинальд. — Эта штука с лестницей на крыше ... Ты ударил ей по краю в последний момент, чтобы удостовериться, что мы услышим?

Фишер кивнул, Реджинальд усмехнулся и покачал головой.

— Отличный трюк.

— А как насчет квартиры? — спросила Джуди, потягивая бокал Шардоне. — Ты в последний момент понял, что она пуста или как?

— Проверил газетные объявления несколько дней назад.

— Где?

— Во время завтрака. В кафе на Слоун. Объявление было новым, поэтому можно было предположить, что квартира еще не сдана в аренду.

— Но ты ничего не обвел в кружок, не обвел, ты — хитрющая скотина, — сказала Джеки. — Мы подобрали ту газету, проверили ее.

— Черт, я больше не ношу с собой ручку.

Вокруг стола стоял смех. Фишер ничего не знал об этих людях, кроме их имен, но он предполагал, все они работают оперативными сотрудниками в Управлении операциями ЦРУ — реальная жизнь, непосредственное присутствие, тайные кражи, крадущиеся в тени оперативники из фильма и книги.

Все они, подобно Фишеру, узнают правила, работая и живя как профессиональный параноик. В этом случае, ручки часто считаются инструментами предательства, чем-то, что может оставить след твоего присутствия или намерений или даже мимолетного интереса. Неофициальная история ЦРУ, передающаяся из поколения в поколение от оперативников, полна рассказов о

сообразительных мужчинах и женщинах, которые погибли от отравления чернилами. В этой работе, воспоминание и напоминание скорее не роскошь, а необходимое условие долгой жизни.

— Бездомный, которому я заплатил ... Вы его ... — сказал Фишер.

— Поколотили? — сказала Джеки. — Нет. Но Фредерик рванул его за бороду, чтобы проверить фальшивая она или нет.

Снова смех.

— Я хотел спросить, вы не забрали у него сто баксов?

Это вызвало еще больший взрыв смеха. Когда все затихли, Джеки сказала:

— Нет, нет, мы не забрали. Мы же не варвары, Сэм. Бедняга обмочил свои штаны. Я не собиралась шарить по его штанам.

Обсуждение упражнения продолжалось еще полчаса, пока Джеки не задала вопрос:

— Есть какие-нибудь замечания с твоей точки зрения, Сэм? Как нам нужно себя вести?

Фишер пожал плечами, и сделал глоток пива.

— Давай, мужик, — сказал Реджинальд. — Мы послушаем.

Фишер взглянул на Джеки, она кивнула ему.

— Ладно. Фредерик, ты находился на шести часах почти всю ночь.

— Точно.

— Почти безупречно, но когда ты остановился у витрины магазина и сделал фальшивый звонок, ты нажал только четыре цифры — слишком мало для настоящего номера и слишком много для быстрого набора. Реджинальд и Джуди: Реджинальд, ты никогда не менял свою обувь. Та же пара "Найк" с черной потертостью на носке. Джеки, ваш фургон: это модель 2005-го года. В тот день, когда я заметил тебя, я проверил автопарк "Джонсон и Сыновья". Ни одной машины новее 2001-го года, и на всех логотип выкрашен, а не магнитный.

Фишер сделал паузы, почесал голову.

— Вот, что я думаю.

Все лица за столом уставились на него, разинув рты. Наконец-то, Джеки прервала тишину:

— Ну, я полагаю, что для тебя мы назовем это проходным баллом.

— Да ладно, мужик, ты заметил, сколько цифр я нажал на телефоне? — спросил Фредерик.

Фишер пожал плечами.

— Серьезно?

Фишер кивнул.

— Серьезно.

Поскольку Фишер и предпочитал быть сам по себе, а теперь, когда программа подходила к концу, он невольно удивился, если бы пропустил этот дух товарищества.

Экспериментальная трехмесячная программа, приведшая сюда Фишера — совместная авантюра Управления операциями ЦРУ и Третьего Эшелона под кодовым названием "ТОРЦОВКА" разработана, чтобы обучить оперативника-одиночку Третьего Эшелона "Splinter Cell" способам шпионской контрразведки "открытая вода" — в сущности, обучить Фишера и таких как он, каким образом вести себя средь бела дня без преимуществ теней, тактических костюмов, и оружия с глушителем.

Начальник Фишера, полковник Ирвинг Ламберт, выбрал Фишера в качестве подопытного кролика. Если Фишер выдержит программу, что, кажется, Сэм уже сделал, и сможет применить знания в деле, что еще предстоит увидеть, Ирвинг пришлет других "Splinter Cell" пройти программу.

По правде говоря, Фишер не нуждался в реальном полевом испытании, для того чтобы сказать Ламберту что то, чему он обучился в "ТОРЦОВКЕ" будет иметь неоценимое значение. Сэм всегда предпочитает работать один, и выбирает тень, а не солнечный свет, однако эта профессия редко подчиняется чьим-то предпочтениям. Мир тайных операций был изменчивым, как поездка на американских горках: хаос против порядка; отлично подготовленный план против неизбежных бедствий, как больших, так и малых. Конечно же, в любом случае решение будет ли Третий Эшелон продолжать участвовать в "ТОРЦОВКЕ" остается за Ламбертом, однако Фишер знал, что будет учитываться его рекомендация.

Мобильный телефон Джеки завибрировал. Она раскрыла его и сделала несколько шагов от стола. Послушав какое-то время, затем отключилась и сказала Фишеру:

— Позвони домой.

Фишер развернулся на стуле, вытащил мобильный телефон из кармана куртки, включил его, и набрал номер. После двух гудков ответил женский голос:

— Внутренний номер сорок два двенадцать.

— Это я, — ответил Фишер.

Хотя женщина узнала его голос, она следовала протоколу и выждала паузу, позволяя анализатору голоса подтвердить его личность.

— Подожди минуту, Сэм, — сказала Анна Гримсдоттир. — С тобой хочет поговорить полковник.

Через несколько секунд к лини подключился Ламберт.

— Сэм, "Гольфстрим" направляется на аэродром береговой охраны. Садись на него и возвращайся домой.

— Настолько сильно соскучился по мне, полковник?

— Нет, я только что получил сообщение от Государственного департамента. Человек, назвавшийся Джонсом Хопкинсом, попросил встречи с кем-нибудь из ЦРУ. Это Питер, Сэм. Он в плохом состоянии. Ты должен ехать.

Фишер почувствовал, как в груди заколотило сердце.

Питер.

— Выдвигаюсь.

4

АБЕРДИНСКИЙ ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН, РАЙОН ЭДЖВУД, МЭРИЛЕНД

Фишер остановился у поста охраны, опустил окно, и протянул водительские права охраннику, который проверил имя со списком на планшете. Стоял ясный осенний день с легким ветерком; в машине почувствовался запах горения листьев.

Охранник тщательно рассмотрел лицо Фишера, затем кивнул и вернул права.

— Направляйтесь прямо к администрации. Длинное белое здание с кирпичным входом. Вас встретят.

Фишер кивнул и проехал через ворота. До административного здания было меньше пятидесяти метров. Фишер остановился в покрытом тентом повороте и вылез из машины. У двери машины появился рядовой.

— Я припаркую для вас, сэр. Ваша компания ожидает внутри.

— Спасибо.

Фишер встретил Ламберта в вестибюле. Отделка была классической армейской: бледно-желтая линолеумная плитка, верхняя часть стены была окрашена в зеленый цвет, нижняя обшита панелями из темного дерева. Сильный запах чистящего средства "Пайн-Сол" висел в воздухе. За приемной стойкой сидела медсестра; она подняла глаза, когда вошел Фишер и кратко кивнула.

Фишер пожал протянутую руку.

— Что происходит, полковник?

За несколько минут до того, как "Гольфстрим" с Фишером приземлился на военно-воздушной базе "Эндрюс", Гримсдоттир позвонила Фишеру и сообщила об изменении планов. Питера перевезли в Подразделение Химической Защиты. "ПХЗ" — это отделение армейского Научно-исследовательского медицинского института химической защиты. Фишеру приходилось иметь дело с "ПХЗ" на протяжении многих лет, недавний визит был несколько месяцев назад, в качестве пациента после инцидента с "Трего".

Почему Питера перевезли, Гримсдоттир не знала или не хотела говорить, но так или иначе, Фишер знал, что это плохие новости. Госпиталь Джонса Хопкинса, в котором располагался Питер, был первоклассным; вероятность того, что состояние Питера было за пределами их способностей, беспокоила Фишера.

— С ним сейчас доктора, — сказал Ламберт. — Главврачу службы экстренной помощи госпиталя Джонса Хопкинса хватило одного взгляда на него, затем тот связался с "ПХЗ". Пока что они ничего не говорили, но раз они здесь ...

— Я знаю.

Фишер расшагивал по сторонам, остановился, и сжал переносицу большим и указательным пальцами. Он повернулся к Ламберту.

— Значит, мы подождем.

— Ага.

Вестибюль был пуст, они заняли оранжевые стулья фирмы "Наугахайд" недалеко от стойки. На подлокотнике стула Фишера были слова, написанные выцветшей шариковой ручкой:

"Армейский метод: поторапливайся и ожидай".

Фишер тихо усмехнулся.

— Что тебя рассмешило?

— Помнишь Фрэнка Стайлза, еще в Форте-Брегг? — спросил Фишер.

У него и Ламберта была история, уходящая в дни службы в спецвойсках и дальше, когда их отобрали для участия в экспериментальной программе, которая собрала специальных оперативников из армии, флота, ВВС и морской пехоты, переведя их в другое отделение сообщества спецвойск. В случае Фишера и Ламберта, они ушли из армейского спецподразделения "Дельта" в "Морские котики" ВМС.

Ламберт, ранее отметившийся, как руководитель по организации и логистике, позднее был назначен главой полевых операций Третьего Эшелона, включая всех оперативников "Splinter Cell". По настоянию Ламберта, Фишер подал в отставку в армии и присоединился к Третьему Эшелону.

— Стиляга Фрэнки. Ага, я помню. — Сказал Ламберт.

— Он всегда шутил, что когда он вернется, то первым делом возьмется за ранчо "Науга" и продаст их шкуры армии для всех этих проклятых стульев.

Ламберт засмеялся.

— И в кабинеты стоматологов.

— Ага.

Фишер наклонился вперед, упершись локтями в колени и вытянув шею. Спустя какое-то время он просил Ламберта:

— Ты видел его?

— Питера? Мельком, когда они засовывала его в скорую. — Ламберт остановился и прокашлялся.

— Что? — спросил Фишер.

— Они везли его в палатке, Сэм.

Это было логично. "ПХЗ" имеет дело с биологическими, химическими и радиоактивными инфекционными процессами. До тех пор, пока они не установили диагноз или заявили, что он не инфицирован, армия будет содержать Питера согласно процедурам уровня 4, укомплектованные костюмами биозащиты и пластиковыми барьерами с избыточным давлением. Будь Питер в сознании, он ужаснулся бы, наблюдая, как снуют вокруг него эти доктора в скафандрах и медсестры.

— Где они его нашли?

Ламберт откашлялся, колеблясь.

— Полковник?

— Мы все еще прорабатываем детали, но из того, что я понял, рыбацкая лодка обнаружила его на спасательном плоту в море Лабрадор, у берегов Гренландии. Он страдал от гипотермии, едва держался. Питера сначала отвезли в Нуук, а затем в Штаты.

— Гренландия, — прошептал Фишер.

Как такое могло случиться?

Удивлялся он.

Упал ли он за борт, или сбежал по своему желанию, если да, то почему?

— Какие-нибудь суда заявляли о пропавших без вести?

— Нет, — ответил Ламберт. — Я поручил Грим все разузнать, но, как и час назад, ничего нет.

Казалось, вряд ли исчезновение может пройти незамеченным. Что это может означать? Тут, кажется, есть два объяснения: либо Питер ехал зайцем, либо был выброшен за борт.

Прошел час, второй, и наконец-то доктор в темно-зеленом халате и квадратных очках с толстой, черной оправой, толкнул распашные двери рядом со стойкой. Он подошел к ним. Его волосы слиплись от пота.

— Доктор Селткинс. Вы здесь из-за ...?

Фишер кивнул.

— Как он?

— Хорошо, нам удалось стабилизировать его состояние, но я не знаю, как долго это продлится.

— Что с ним произошло? — спросил Ламберт.

— Пока что мы не знаем. Мы проводим тесты. Это инфекционный возбудитель, но тип его мы не знаем. Я склонен исключить биологический тип; его симптомы ... специфические — даже слишком специфические для грибковых, вирусных или бактериологических. Я предполагаю, что мы столкнулись с какой-то разновидностью химического или радиационного воздействия или обоих.

— Я хочу его увидеть, — сказал Фишер.

— Мы держим его согласно уровню 4 ...

— Я знаю. Дайте мне костюм. Я хочу видеть его.

Доктор Селткинс вздохнул, затем глянул на свои ноги.

— Доктор, если вам нужно разрешение ... — сказал Ламберт.

— Нет, с вами все понятно, — сказал Селткинс, затем глянул на Фишера. — Его состояние ... Не из приятных. Вы уверены, что хотите ...

— Дайте мне костюм, — повторил Фишер.

ФИШЕР уже надевал костюм уровня 4 и ненавидел каждый раз по типичным причинам. Он не страдал клаустрофобией и не боялся утечки воздуха в случае прокола костюма. Сэма беспокоило отсутствие свободы. Своему выживанию на протяжении многих лет он обязан многим вещам: неустанная тренировка и практика, великолепная физическая форма, сообразительность, слепая удача; но все они были бесполезны без свободы, свободы действовать быстро и легко. Способность реагировать в мгновение ока спасала ему жизнь столько раз, что Сэм, и вспомнить не мог. Костюм уровня 4 (круглый шлем, негабаритные сапоги, и огромные перчатки) оставлял чувство уязвимости новорожденного ребенка. Это порождало механический инстинкт, он знал, это иррациональное отвращение, которое проникло в его разум.

Две медсестры сначала отвели Фишера в раздевалку, где тот переоделся в цельный костюм с перчатками и мягкой обувью, затем по переходному шлюзу вошел в нишу, где ему помогли надеть биозащитный костюм уровня 4. Медсестры осмотрели его от головы до ног и, убедившись, что зазоров и разрывов нет, подключили Сэма к системе кислородного обеспечения — набору шлангов, которые свисали на шарнирах с потолка. Фишер услышал, как поток воздуха зашипел в костюме, почувствовал, как он наполняет его шлем. Кислород, настолько прохладный, что Сэм почувствовал, как по шее пробежали мурашки, имел металлический привкус.

Одна из медсестер проверила датчик на его руке и сказала: "Приточная вентиляция", и они повели его ко второму переходному шлюзу. За стеной из плексигласа, под холодным светом дневных ламп, Сэм увидел кровать с фигурой, лежащей на ней. Лицо Питера было отвернуто в другую сторону; Фишер видел только ухо, изгиб челюсти, и прозрачную носовую трубку канюли, извивающуюся по щеке в ноздри.

Еще одна фигура в биозащитном костюме, доктор или медсестра, как полагал Фишер, стояла рядом с кроватью, считывая показания жизненно важных органов с монитора и записывая показания в планшет.

Фишер почувствовал похлопывание по плечу.

— Вы готовы, — сказала медсестра. — Когда дверь шлюза закроется, откроется следующая. На вашем запястье находится аварийная кнопка.

Фишер посмотрел вниз, увидел квадратную, размером со штамп красную кнопку под откидной пластиковой крышкой.

— Если будут трудности, нажмите ее, и мы прибудем к вам в течение шестидесяти секунд. Вы поняли?

Фишер кивнул.

— Шлюзы управляются изнутри. Когда будете готовы выйти, подойдите к шлюзу и поднимите вверх большой палец. Мы выпустим вас.

Не пытайтесь выйти насильно.

Если же вы это сделаете, нам придется закачать успокоительное через вашу систему кислородного обеспечения. Вы поняли?

Фишер снова кивнул.

Он снова почувствовал похлопывание по плечу, затем спустя мгновение, услышал свист закрывающейся двери шлюза.

Послышался приглушенный шум вентиляторов, возвращающих избыточное давление в шлюзе.

Дверь впереди отъехала в сторону.

Осторожно ступая, Фишер подошел к койке. Над головой он услышал металлический скрежещущий звук, и через какое-то время он понял: кислородная система, движущаяся за ним по рельсам. Когда Сэм подошел к койке, фигура в костюме подошла к нему.

Сэр, мы содержим его на достаточно большой дозе обезболивающих, — сказала женщина, ее голос приглушенно звучал в шлеме. — В основном он все понимает, но не удивляйтесь, если все изменится. Он, то приходит в себя, то снова бредит.

— Ему больно, — сказал Фишер. — Сильно?

Она колебалась.

— Трудно определить, но мы полагаем, что уровень боли значительный.

Значительный уровень.

Фишер никогда не любил эвфемизмы, хотя его работа изобиловала ими; они затуманивали реальность и подпитывали иллюзии.

— Пожалуйста, не прикасайтесь к оборудованию, внутривенным трубкам или ЭКГ проводам.

— Хорошо.

— Если я вам потребуюсь, я буду рядом.

Боковым зрением Фишер увидел, как проскользнула медсестра. Ее кислородная система скрежетала по рельсам еще несколько секунд, затем все стало тихо. Фишер подошел ближе к кровати, почувствовал, как его бедра коснулись матраца. Питер лежал на спине, руки были

сжаты в кулаки на груди. Указательный палец на правой руке дергался в постоянном ритме, как будто бы выбивал послание кодом Морзе. Его ногти были темно-синего цвета.

— Питер, это я, — сказал Фишер. — Это Сэм. Питер, ты меня слышишь?

Питер застонал. Его грудь поднялась, и откуда-то из глубин легких послышался мокрый грохочущий звук. Розовая жидкость вытекла из уголка рта Питера, скатилась по подбородку на грудь.

"О, Боже... Питер, что с тобой произошло?"

— Питер, это Сэм. Приди в себя, мудила, очнись.

Мудила[1], грубо переводимое слово. С русского на английский оно переводится как "тупица", было любимым прозвищем Питера для тех, кто испытывал его терпение, что долгие годы делал Фишер, но чаще всего непреднамеренно.

Глаза Питера открылись, и его опухший и серый язык высунулся, чтобы облизать потрескавшиеся губы. Это выглядело, как болезненное усилие, он повернул лицо к Фишеру.

С большим трудом Фишер не показал свою реакцию, и в тот момент он осознал, что независимо от диагноза Селткинса, Питер — покойник.

Волосы Питера, когда-то густые и черные, выпадали клочьями, оставляя за собой мозаику бледного, покрытого синими венами черепа. То немногое, что осталось от волос выглядело хрупким и стало желто-белого цвета. Его лицо было сморщенным, а кожа, тонкая как бумага и почти прозрачная, прилипла к щеке и челюсти, как будто бы его лицо было упаковано в целлофан. Когда-то голубые глаза Питера, были бесцветными, за исключением узора изломанных, кровавых капилляров. Зрачки были как черные булавочные уколы. Сухожилия, вены и артерии выступили на шее; словно руки скелета обхватили горло, непрочно удерживая его голову. Никакой Голливудский колдун по спецэффектам не смог бы создать то, во что превратилось лицо Питера.

Долгих пять секунд глаза Питера бессмысленно смотрели на Фишера, прежде чем Сэм увидел проблеск признания. Питер открыл рот, показывая почерневшие десна, и что-то прошептал. Фишер стал на колено у койки, взял руку Питера и сжал ее, затем наклонился, чтобы лучше слышать. Кожа на кончиках пальцев Питера была ободрана, ногти на некоторых пальцах оторваны.

— Что, Питер? Повтори.

— ... снова видеть тебя, мудила.

---

[1] **Фишер по-русски говорит слово "мудила".**

ФИШЕР провел еще десять минут с Питером, прежде чем тот потерял сознание. Сэм подал знак, что готов выйти, и та же медсестра провела его через шлюзы, помогла снять биозащитный костюм, а затем оставила его в раздевалке. Через пять минут он снова был с Ламбертом и доктором Селткинсом.

— Сколько ему осталось? — спросил Фишер.

— Сложно сказать.

— Попытайтесь, — сказал Фишер с металлическим оттенком в голосе.

Селткинс развел руками.

— Дни. Максимум три. Диагноз не имеет значения. У него уже обширная полиорганная недостаточность; мы уже прошли точку невозврата. Лучшее, что мы можем сделать — обеспечить ему комфорт.

— Сделайте, — сказал Фишер. — Я еще вернусь.

Фишер и Ламберт развернулись, чтобы уйти, но Селткинс остановил их с вопросом.

— Если вы не возражаете ... Я видел, вы держали его за руку. Вы его семья или друг?

Фишер выдержал паузу, глядя в пол.

— Наверное, и то и другое. Он мой брат.

5

ГОРЫ АЛАТАУ, КЫРГЫЗСТАН

ОМУРБАЙ целый час разговаривал с войсками, доведя их до исступления тем, что он провозгласил становление "нового дня для кыргызского народа, для ислама, и для обычаев их предков", а затем распустил всех праздновать.

Под выстрелы АК-47 и песнопения о своем воскресшем лидере и Аллахе, Омурбай ушел в палатку с Саметом и тремя наиболее влиятельными военачальниками, которые представляли тридцать две санжиры, или кланы в Кыргызстане. Эти люди, наряду с Саметом поддерживали ОАКР во время отсутствия Омурбая. Палатка была длинной и прямоугольной, стены были увешены тяжелыми гобеленами и завалены доверху стволами и боеприпасами, пол покрывали ковры различных размеров. В центре палатки находился поцарапанный стол из красного дерева, окруженный пятью стульями, над столом шипели три керосиновые лампы. Для защиты от холодного горного воздуха в каждом углу палатки стояли угольные жаровни.

Омурбай занял место во главе стола и жестом пригласил остальных присесть. Самет занял свое место справа от Омурбая. В палатку вошла прислуга и поставила перед каждым мужчиной керамическую кружку и графин теплого чалапа[2].

Омурбай улыбнулся и жестом пригласил им выпить.

Эти четверо представляли не только основную часть боевой силы ОАКР, но и, как неустанно твердил им Омурбай, сердце киргизского народа – истинного киргизского народа: Сары Багыш, Солто, Бугу, Адыгене, Дунган, Уйгур; теми чистокровными, что оказали сопротивление «Советской инфекции» и «коварной болезни Западного материализма и современности, которая отравляет нашу землю». Это были любимые темы Омурбая, но они были больше, чем просто сплачивающие лозунги. Это были, как он обещал, величайшие враги будущего киргизской родины и самого ислама.

Омурбай выждал, пока каждый выпьет из своей кружки, а затем произнес речь.

— Братья, приятно вернуться домой. Снова видеть ваши лица и чувствовать воздух нашей родины. Нам нужно многое обсудить, но я полагаю, что у вас ко мне вопросы, так что давайте решим их.

Несколько секунд вокруг стола стояла тишина, а затем один военачальник, лидер объединенных южных кланов или Ич Кылык, заговорил.

— Мой хан, простите меня, однако почему вы живы? Мы видели, как вы умерли.

---

[2] **Чалап - кисломолочный слабосолоноватый напиток.**

Омурбай улыбнулся.

— Достойный вопрос для начала. Ты видел иллюзию, мой друг. Я давно предвидел предательство, которое привело к тому, что меня поймали и подготовился. Человек, который умер, был верным сыном Кыргызстана, который добровольно стал мучеником.

Омурбай усмехнулся.

— Тот факт, что у него были мои прекрасные и красивые черты, была воля Аллаха.

Вокруг стола стоял смех.

Заговорил другой военачальник.

— Где вы были? Вы не доверяете нам свои секреты?

— Что касается первого вопроса, друзья киргизского народа — легион. А второго, доверие никогда не было проблемой, мой друг. По правде, было как раз наоборот. Я знал, что наша родина останется в безопасности в ваших руках, пока я не вернусь. Затишье было необходимым злом, и скоро вы увидите почему.

— Сегодня начинается новое будущее киргизского народа, с моим возвращением и вашей преданностью. Через несколько недель, по милости Аллаха, наша родина будет возвращена нам и станет на новый истинный курс.

— И что это за курс? — спросил другой военачальник.

— Древние обычаи, — ответил Омурбай. — Обычаи Манаса[3], прежде чем наша земля была осквернена порочностью, технологиями и Западной идеей. Я наблюдал издалека, мои старые друзья. Я видел, как зараза распространяется по нашей стране, начинаясь в городах с рекламными щитами, мигающими вывесками и танцевальными заведениями. Наши люди утратили свои обычай, но вот, что я вам скажу: я принесу исцеление.

— И это?

Омурбай помахал ему пальцем, как будто делая замечание ребенку.

— Терпение. Скоро все станет ясно.

Омурбай откинулся на спинку стула и безмолвно окинул взглядом каждого мужчину, затем внезапно хлопнул ладонями по столу. Графин с чалапом опрокинулся, разливая содержимое по скатерти.

— Перейдем к другим делам, — объявил Омурбай.

Он встал и начал расхаживать вокруг стола, кладя руку на плечо каждому военачальнику по очереди, наконец—то остановившись за Саметом.

---

[3] **Мана́с - герой одноимённого киргизского эпоса; богатырь, объединивший киргизов.**

— Как вам известно, Самет добросовестно заменял меня во время моего отсутствия. Вы преданно следовали за ним, и за это спасибо вам. Киргизский народ из земли сорока племен, спасибо вам. Однако я все же разочарован.

Омурбай остановился за стулом, положив обе руки ему на плечи.

— Почему, мой хан? — спросил военачальник Ич Кылык.

— Как я вам уже говорил, зараза, поражающая нашу землю, коварна. Никто не застрахован. Не вы, не я, не самый усердный и преданный солдат. Даже Самет, преданный киргиз, потерпел неудачу. Не так ли, Самет?

Самет вытянул шею, чтобы посмотреть на Омурбая.— Я не понимаю, мой хан. Каким образом я тебя подвел?

— Словом, Самет. Ты подвел меня словом. Я узнал это от доверенного источника, когда ты был замечен в Бишкеке — ты отзывался на старое советское имя, Сатыбалдиев.

— Нет, мой хан, это не правда ...

Из складок пиджака Омурбая показался длинный, изогнутый нож. Плавным движением, он потянулся через горло Самета, воткнул острие ниже уха, и аккуратно протянул его по гортани. Выкатив глаза, Самет беззвучно открыл рот. Кровь хлынула из раны на скатерть. Его голова, практически отрезанная, наклонилась в сторону, он повалился вперед, ударившись лбом о стол из красного дерева. Еще секунд десять тело Самета дергалось и тряслось на стуле, затем замерло.

Омурбай воткнул кончик ножа в стол и посмотрел вокруг стола.

— Зараза, о которой я говорил, друзья мои ... Не знает границ.

Он повернулся к своему стулу, уселся, налил себе еще чалапа и сделал глоток.

— Теперь, — сказал он, — перейдем к делу.

6

СИТУАЦИОННАЯ КОМНАТА ТРЕТЬЕГО ЭШЕЛОНА

ФИШЕР не знал настоящее имя и происхождение Питера, пока ему не исполнился двадцать один год, когда его мать и отец усадили его все рассказать. Питер, его приемный брат, был на самом деле Петр Лимонович, единственный сын ныне покойного друга отца Сэма. Это произошло, когда Питеру исполнилось восемнадцать лет и их отец, вышедший на пенсию из Государственного департамента США, рассказал им всю историю.

Питер был сыном человека по имени Иван, майора КГБ в бывшем СССР, их аналог ЦРУ Соединенных штатов; и отец Фишера, профессиональный дипломат, был вовсе не дипломатом, а двадцати пяти летним ветераном, оперативным сотрудником в ЦРУ.

Все это произошло, когда Фишер достаточно подрос, чтобы помнить, что отец отсутствовал длительный период. Специалист по перемещению агентов и дезертирству, его отец был направлен в Москву.

Был 1968 год, разгар холодной войны, его отец объяснял, что это были годы захвата Северной Кореей американского судна "Пуэбло", жестокое вторжение Советской армии во время чехословацкой революции, космическая гонка — события, которые для Сэма были только смутными воспоминаниями.

Майор Иван Лимонович вступил в контакт с заместителем начальника ЦРУ и на протяжении следующих нескольких недель не скрывал своих намерений, что собирается шпионить для США. Известное в лексиконе контрразведки как "выкуп невесты", означает, что Иван и новорожденный сын, Петр (жена Ивана умерла при родах), будут тайно переправлены из России через два года. ЦРУ дало свое согласие, и отец Фишера был назначен главным руководителем Ивана.

В течение следующих двух лет, Иван снабжал Соединенные штаты бесценной информацией, приведшей к освобождению команды "Пуэбло" и подробностями Советского ядерного арсенала, которые впоследствии стали очень важными в подписании ОСВ-I — первая серия советско-американских переговоров об ограничении стратегических вооружений. Как часто случается в мире шпионажа, отец Фишера и Иван стали друзьями.

По прошествии двух лет, отец Фишера предпринял меры, чтобы тайно вывезти Ивана и его сына из страны, только в последнюю минуту планы пошли наперекосяк. Во время перестрелки на границе с Финляндией, Иван Лимонович был убит Советскими пограничниками,

преследовавшими его, отцу Фишера удалось проскользнуть через границу вместе с юным Петром.

Приехав домой, Фишеры сделали то, что им казалось единственно верным: усыновили Петра и вырастили вместе с их сыном Сэмом. Петр, будучи слишком юн, чтобы знать русский или иметь акцент, со смутными воспоминаниями об отце, быстро превратился в типичного американского мальчика.

ТРЕТИЙ ЭШЕЛОН

Доктор Селткинс оказался прав. Через два дня после приезда в Отделение по уходу за пострадавшими от химического оружия, Питер умер. Фишер, который провел у койки Питера в воздухонепроницаемой больничной палате столько времени, сколько ему позволили, ушел в столовую быстро позавтракать, когда прозвучал аварийный код. Вернувшись, он увидел доктора Селткинса, который выходил из шлюза и трех медсестер у кровати Питера, убирающих капельницы и провода монитора от уже бездыханного тела.

Все еще не имея диагноза, армия предприняла меры предосторожности и самолетом переправила тело Питера в Уматилльский объект по уничтожению химического оружия в Орегоне, где оно было кремировано в закрытой кремационной печи, затем помещено на хранение в недрах объекта в специально разработанном свинцово-керамическом композитном контейнере.

ФИШЕР с силой провел своим удостоверением по ридеру ситуационной комнаты. Послышался приглушенный писк, ридер зажегся зеленым огоньком. Фишер толкнул дверь.

Ситуационная комната была оформлена в теплые тона с оттенками коричневого и освещалась мягким галогенным светом, почти всю комнату занимал длинный, ромбовидный тиковый конференц-стол. Вдоль стен висели сорока двух дюймовые информационные ЖК-панели с высоким разрешением и мониторы, которые можно было настраивать для отображения различной информации, начиная с погоды, местных и зарубежных новостных вещаний, радиолокаторов, практически все, что может быть оцифровано и передано. Четыре компьютера, каждый с вычислительной мощностью, способный управлять электрическими структурами небольшой страны, были установлены по бокам стола.

Фишер много раз называл Третий Эшелон своим профессиональным домом. Сверхсекретное ответвление Агентства национальной безопасности, Третий эшелон и его коллекция оперативников-одиночек Splinter Cell был связующим классом: мостом между миром сбора разведданных и тайными операциями.

Оперативники Splinter Cell были завербованы из спецподразделений ВМФ, армии, корпуса морской пехоты и ВВС, а затем переформированы в лучших секретных солдат, способных выжить и преуспеть в наиболее неблагоприятных условиях. Неофициальное кредо Третьего Эшелона — "не оставлять следы". Третий Эшелон совался туда, куда не лезло ни одно из правительственных агентств, а затем исчезало, не оставляя за собой ничего, что могло бы привести к США.

Само по себе наиболее секретное из правительственных организаций, Агентство национальной безопасности размещалось в нескольких километрах от Лорел, штат Мэриленд на военном посту, названном в честь генерала Джорджа Гордона Мида после Гражданской войны. Некогда учебный лагерь и лагерь для военнопленных в ходе Второй мировой войны, с 50-х Форт-Мид является штаб-квартирой АНБ.

Ответственное за сбор и эксплуатацию радиоразведки, АНБ могло и перехватывало практически каждую форму связи на планете от сигналов мобильных телефонов до СВЧ излучений и крайне низких частот от субмарин на глубине шестисот метров.

Ламберт и Анна Гримсдоттир сидели вместе с краю конференц-стола, попивая кофеёк. Три монитора за их спинами были настроены на беззвучные трансляции "MSNBC", "CNN" и "BBC World".

Фишер схватил кружку из соседнего киоска кофе, налил и сел за стол.

— Доброе утро, — сказал Ламберт.

— Сомневаюсь, — сказал Фишер, делая глоток.

Кофе был горячим, практически горьким, с привкусом соли. Должно быть его делал Ламберт.

— Когда ты вернулся? — спросила Гримсдоттир.

Так как у Питера не было семьи, кроме Фишера, и его останки, наверняка, навсегда останутся взаперти в недрах Уматиллы, Сэму пришлось, вместо похорон и поминок, сопровождать его в рейс до Орегона и стоять рядом, когда технический персонал засовывал тело в кремационную печь.

— Несколько часов назад, — ответил Фишер.

— Тебе не стоило приходить, — сказал Ламберт.

— Да, не стоило. Нам что-нибудь известно? Есть что-нибудь от Селткинса?

Даже, когда Фишер сел на самолет в Орегон, лабораториям "ПХЗ" еще предстояло определить, что же убило Питера.

Гримсдоттир вытащила из стопки папку и сунула ее через стол Фишеру. Она не сказала ни слова. Фишер несколько секунд смотрел ей в глаза, пока она не отвела взгляд.

"Очень плохие новости", — подумал Фишер.

Официальная должность Гримсдоттир — специалист по компьютерам/радиоразведке, однако Фишер привык думать о ней как о фри сэйфти[4]. Оперативникам на задании она предоставляла техническую и информационную поддержку и в ходе миссий она была, по крайней мере для Фишера, тем голосом в ушах, который представлял собой его спасательную ниточку возвращения в Третий Эшелон и реальный мир. Фишер еще не видел достаточно сложной компьютерной проблемы, чтобы Гримсдоттир ее не разрешила.

Фишер открыл папку и пробежался по отчету "ПХЗ". Наконец-то, он поднял глаза и сказал:

— Во имя Господа, что такое PuH-19?

— Гидрид плутония -19, — ответил Ламберт. — Это отрицательный ион водорода, который присоединяется к плутонию-239 вследствие воздействия чистым кислородом. Обычно поставляется в виде мелких частиц — наподобие муки, но почти в тысячу раз меньше.

— Практически газ, — добавила Гримсдоттир. — Вещество пирофорное, иначе говоря, оно самовоспламеняется. Точка воспламенения ниже комнатной температуры; оно также реагирует с водой и даже с влажным воздухом. На самом деле, вещество очень чувствительно, единственный безопасный способ — содержать его в азотной или аргоновой среде.

— Звучит мило, — сказал Фишер. — Инфекционный?

— Нет, если вещество попало в тело, — ответила Гримсдоттир. — Частицы гидрида оседают в тканях и органах и начинают ... растворять их. Прости, Сэм, иначе сказать нельзя.

— Все в порядке. Откуда взялся PuH-19?

— Плутоний — основа для производства оружия.

— И это хорошие новости, — сказал Ламберт. — Это резко уменьшает список, где Питер его подцепил.

"Где, возможно, но не каким образом", — подумал Фишер.

Спустя десять лет после того, как Питер — следователь Министерства юстиции, подал в отставку в протест во время скандала Гонзалес-гейт и стал работать на себя в качестве консультанта по безопасности. Хотя, конечно же, Питер намекал Фишеру, чем зарабатывает на жизнь, они никогда это не обсуждали, и никогда не обсуждали особенности бизнеса Питера. Фишер давно подозревал, что природа их работы была схожей.

— Что-нибудь еще? — спросил Фишер.

— Вещество почти в сто раз смертоноснее плутония. Крупицы PuH-19 размером с головку карандаша достаточно, чтобы убить полную комнату людей — вот почему его производство и

[4] **Фри сэйфти - (американский футбол) – игрок команды защиты, в его обязанности входит защита от дальних пасов, а также он является последней надеждой команды, если игрок с мячом прошел всех остальных игроков задача Фри Сэйфти остановить его.**

хранение было запрещено во всех странах мира, кроме двух: России и США, — сказала Гримсдоттир.

Фишер закрыл файл и медленно сунул его через стол Гримсдоттир. Он взглянул на Ламберта и сказал:

— Нам нужно поговорить.

Анна поняла намек и извинилась. Когда дверь защелкнулась, Фишер сказал:

— Мне нужен отпуск или ...

— Так, Сэм, подожди секунду ...

— Или, если ты хочешь, у тебя на столе будет лежать мое заявление об отставке ...

— Не обязательно.

— Полковник, я собираюсь найти того, кто сделал это с Питером.

— Я знаю.

— И при этом нарушить много законов.

— Я тоже это знаю.

— И когда я найду их, я убью всех и каждого.

Ламберт положил руку на предплечье Фишеру.

— Стой. Сделай вдох. Я серьезно, Сэм, сделай вдох.

Фишер сделал вдох.

— Пока ты летел на самолете с телом Питера, я был в Лэнгли, — сказал Ламберт. — Нам дали зеленый свет директора ЦРУ и национальной контрразведки. Задание наше. Найти где и каким образом Питер был инфицирован, отследить источник, и выяснить осталось ли еще вещество. Кофейная кружка PuH-19 может убить все живое в Нью-Йорке. Поверь мне, мы получили свободу действий.

— Им известно о моей связи с Питером?

— Ага. Пришлось немного потрудиться, но я убедил их, что ты остаешься объективным. Сможешь?

— Зачем спрашивать?

— Обычная формальность, но здесь ничего обычного нет. Нам нужны живые, разговаривающие тела, Сэм, понятно?

Фишер кивнул.

— Понятно.

— Превысишь полномочия, и я сниму тебя с этого задания в мгновенье ока.

— Я понял, полковник.

— Отлично. Брифинг через двадцать минут. У Анны для тебя есть зацепка.

Ламберт поднялся и пошел к двери. Остановился и обернулся.

— Сэм?

— Да?

— Я сожалею о Питере.

7

ПАРК ЛА ФОНТЭЙН, МОНРЕАЛЬ, КАНАДА

ФИШЕР свернул новый номер монреальской газеты на странице "Искусство и Жизнь" и перевел взгляд налево, не выпуская из виду свою цель.

Мужчина был человеком привычки, Фишер установил это за последние два дня. Тот же парк, та же скамейка, тот же пакет с ланчем: сэндвич из багета, яблоко, и пол-литровая бутылка молока. Поддерживать такую рутину — опасная тенденция для частного детектива, но в то же время, очевидная лень Джерри Пултса была на руку Фишеру.

Парк гудел монреальцами, собирающихся в одной из многих озелененных городских территорий. Последний снег сошел, и расцвели тюльпаны, полностью пришла весна, и местные жители пользовались ее преимуществом.

Площадью около трехсот шестидесяти тысяч квадратных метров и возрастом более 125 лет, парк Ла Фонтейн был не только самым большим зеленым местом города, но и одним из самых старинных. Он напомнил Фишеру Центральный пар Нью-Йорка, предостаточное количество холмов, прудов, велосипедных дорожек, детских площадок, теннисных кортов и кафе, превратило его в одно из мест встреч Монреаля. Вдалеке, над вершинами деревьев, Фишер видел ряд домов в стиле Второго Ампира, которые выстроились вдоль улицы Шербрук.

Пултс, бывший детектив Королевской канадской конной полиции, и хотя прошло десять лет после выхода на пенсию, выглядел худым и походил лет на пятьдесят, за исключением одной черты: несгибаемая левая нога, поддерживаемая тростью. Тем не менее, Фишер и не думал недооценивать этого человека. Гримсдоттир поработала своей кибер-магией и взломала базу данных сотрудников Королевской полиции. У Пултса была долгая и выдающаяся карьера, последние три года которой он провел в академии Конной полиции в Реджайне, провинция Саскачеван, из-за пули, раздробившей ему бедро. Он был трижды награжден за храбрость, опытный стрелок, и в течение пяти лет был главным инструктором по рукопашному бою в Конной полиции в Торонто. На личном фронте, Гримсдоттир не раскопала ничего порочащего; на самом деле, Пултс и его жена, Мэри — школьная возлюбленная, были женаты уже тридцать семь лет. Трое детей, мальчик и две девочки, все добропорядочные граждане, не имеющие даже штрафа за парковку.

Если только Пултс не скрывал тайну, которую еще предстояло раскрыть, он выглядел на редкость чистым. Несмотря на это, его детективное агентство было неуспешным либо переживало кризис. За прошедшие два дня, Фишер не видел, чтобы Пултс с кем-то встречался,

он также не покидал офис, кроме как на ланч в парке и возвращался ночью домой. Расследование Грим финансового положения агентства показало небольшую активность, и личные счета Пултса были именно такими, какими бы ожидались от полицейского на пенсии.

Ниточка, которую обнаружила Гримсдоттир для Фишера, заключалась в последней покупке Питера на кредитную карточку неделю назад в "Брулери Сент-Денис", кафе в конце улицы Рэом. Тактичный расспрос в кафе с фотографией Питера привел к Джерри Пултсу.

Вопрос в том, какова была связь с Питером и привела ли она к его смерти?

ПОСЛЕ пяти минут форы, Фишер последовал за Пултсом обратно в офис, зажатый между вьетнамским рестораном и тайским рестораном/интернет кафе в четырех этажном здании на улице Сент-Андре. Фишер заскочил в сувенирный магазин через улицу и просматривал их выбор снежных шаров, и, наблюдая за зданием Пултса, пока не увидел его секретаршу, рыжая сорока пяти летняя женщина с золотыми серьгами размером с компакт-диск, вышла из парадного входа и направилась вниз по улице. Еще один человек привычки, которого нашел Фишер. Она и Пултс по очереди обедали в одно и тоже время каждый день.

Фишер пересек улицу, вошел в дверь здания, и начал подниматься по лестнице на третий этаж. Офис Пултса был первой дверью справа; рядом с дверью серебряная надпись на пластиковой табличке гласила: "ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО ПУЛТС". Фишер повернул ручку и вошел. В конце, позади стойки администратора, покрытой формайкой, зазвучал приглушенный звонок.

— Сейчас подойду, — крикнул Пултс.

Фишер прошел мимо стойки, повернул у ксерокса/кофейной комнаты, и остановился в дверном проходе. Пултс сидел на краю стола, сняв один носок и ботинок, обрезал ноготь на большом пальце. За Пултсом от пола до потолка находился книжный шкаф, забитый до отказа. Фишер заметил Геродота и Плутарха, десятки исторических книг о Второй мировой и Гражданской войнах, сонеты Шекспира, и собрание комиксов о "Трех балбесах".

Очевидно, что Пултс был хорошо начитанным и имел эклектический вкус. За книжным шкафом была полтора на два метра картина собаки, бишон фризе[5], полагал Фишер. Она была одета в костюм супермена со словом "СНЕЖОК" на груди.

— Эй, привет вам, — сказал Пултс, поднял глаза. — Я сейчас ...

— Все в порядке, — сказал Фишер. — Это не займет много времени. Пару недель назад в "Брулери Сент-Денис" вы обедали с человеком по имени Питер. Насколько я могу судить, вы были последним человеком, который видел его в живых.

Несколько секунд Пултс, прищурившись, смотрел на Фишера, быстро надел носок и ботинок, затем, хромая, обошел стол и плюхнулся в кресло.

---

[5] **Бишон фризе — французская маленькая порода собак из группы болонок.**

— Питер мертв?

Пултс выглядел искренне удивленным. Фишер кивнул.

— А кто вы?

Фишер уже обдумывал этот подход много раз. Чутье и персональное дело Пултса сказали Фишеру, что бывший детектив конной полиции был честным человеком. Если он был причастен к смерти Питера, то наверняка непреднамеренно. Кроме того, Пултс, будучи копом, всю жизнь выслушивал чушь от преступников, пытавшихся провести его. Лучшим шансом Фишера было просто выложить карты на стол и попросить помощи.

— Меня зовут Сэм. Я брат Питера.

— Да? Хм. Забавно, Питер никогда не упоминал, что у него есть брат.

— А мне никогда не рассказывал о частном детективе.

— Можете доказать?

— Что вы имеете в виду? Старую рождественскую открытку?

— Когда вы были детьми, у вас был кот. Как его звали?

"Интересно, — подумал Фишер. — Вопрос Пултса подразумевал больше, чем просто деловые отношения — дружбу".

— Лап, — сказал Фишер. — Сокращенно от Трилап. Он потерял правую переднюю лапу в ловушке на енота за нашим домом в лесу. Питер нашел его, прибежал с ним домой, и пристал к маме до тех пор, пока она не сдалась и не разрешила нам оставить кота.

— А как он остановил кровотечение?

— Он не останавливал. Это сделал я. При помощи резиновой трубки со своей рогатки.

Пултс улыбнулся, показывая щель между передними зубами шириной с ребро пятицентовика.

— Парень, я всегда любил эту историю. Расскажи мне, что же случилось с Питером.

Фишер так и сделал. После того, как он закончил, Пултс несколько секунд молчал. Он сложил руки на журнале регистрации, опустил подбородок и покачал головой.

— Я должен был пойти вместе с ним. Проклятое бедро ...

— Пойти куда? — спросил Фишер. — Начните с начала.

Пултс и Питер были деловыми партнерами, объяснял тот, практически два года. Для Питера он был связующим звеном с конной полицией и канадским преступным миром, который Пултс за два десятилетия изучил вдоль и поперек. Питер тайно платил ему и не разглашал их отношения.

— Он был крайне осторожен, — сказал Пултс.

— Это семейное.

— Тем не менее, у него было много крупных клиентов. Когда у него было что-то для меня, я это делал. Это было не часто, однако хватало, чтобы удерживать меня как рыбу на крючке.

— Что объясняет медленное продвижение вашего бизнеса.

— Ага. Я получаю приличную пенсию, правда, чтобы Питер ни подбрасывал, было легкой наживой. Хотя в последний раз был совсем другой зверь.

— Как так?

Пултс открыл верхний ящик стола, вытащил папку, и высунул из нее газетную вырезку. Протянул ее Фишеру, тот просмотрел статью, на которой была фотография женщины. У нее были длинные черные волосы, тонкие скулы, нос с небольшой горбинкой и сверкающие карие глаза. Фишер прочел заголовок картинки и в удивлении поднял глаза на Пултса.

— Кармен Хейс? Вы шутите?

Пултс покачал головой.

— Прайс, отец Кармен, нанял Питера найти ее.

Четыре месяца назад, двадцати восьми летняя дочь Прайса Хейса исчезла во время поездки в Монреаль. Наряду с тем, что Прайс Хейс имел дурную репутацию — насыщенный и своенравный, владеющий унаследованный состоянием, техасский нефтяной барон с фамилией такой же старинной как и у Сэма Хьюстона, его дочь Кармен, была известна лишь в своей области, гидрогеологии, науке о том, каким образом жидкость проходит и воздействует на камни. После окончания колледжа, Кармен работала в исследовательском отделе компании отца.

Как утверждал Прайс Хейс, его дочь отозвалась на приглашение корпоративных хедхантеров[6] встретиться с генеральным директором "Аконо Оил", японской фирмы, специализирующейся на глубинном исследовании и добыче нефти. На следующий день после приезда в Монреаль, Кармен исчезла. Посредством своего генерального советника, "Аконо Оил" заявила, что не делала подобного предложения Кармен, и ни один из корпоративных сотрудников в то время не находился в Монреале.

ФБР и конная полиция с усердием взялись за дело, переворачивая каждый камушек и каждую зацепку, большую и малую, но безрезультатно. Не было обнаружено никаких признаков Кармен. Ее след обрывался, когда утром она покинула отель. В течение первого месяца после исчезновения, тайну Кармен Хейс регулярно показывали по кабельным каналам новостей и таблоидным шоу.

— Мистер Хейс давил и тормошил каждого чиновника, которого он мог достать по ту сторону границы, — сказал Пултс. — Но они ничего не могли сделать. Прежде, чем он нанял Питера,

[6] **Хедхантеры - люди, занимающиеся поиском и переманиванием в компанию заказчика топ-менеджеров и руководителей высшего звена.**

Прайс прошел через троих частных детективов, некоторые работали в крупнейших и лучших агентствах в этом бизнесе.

— Как долго Питер занимался этим?

— Около месяца.

— И?

— И я думаю, он что-то раскопал. Питер мало мне рассказывал, и это меня беспокоило. Он сказал, что это для моего же блага. Питер искал человека по имени Олдрик Легард.

— Я уже слышал это имя, — сказал Фишер. — Квебекская мафия.

— Точно. Жестокий сукин сын. Лет пять-шесть назад он был человеком номер два.

Он и его босс обедали, заказав суп из турецкого гороха.

Босс уже почти поднес ко рту ложку супа, когда Легард вонзил стилет ему в глаз.

Босс уткнулся головой в суп, а Легард продолжил обед. Пустячное дело.

— Поэтому вам лучше не есть суп, — сказал Фишер.

— И много чего еще. Итак, Легард становится номером один и начинает сотрясать бизнес. У старого босса были контракты, союзы, элитные эскорт-услуги, и тому подобное. Легард похоронил все это и начал заново с героина, кокаина, и торговлей живым товаром.

— Извините?

— Белые девушки, подростки или почти совершеннолетние, в основном блондинки, переправлялись в Индонезию и на Ближний Восток для эротических танцев или секса, или того и другого. У Легарда весьма внушительная база клиентов. Он даже заказы принимает: рост, вес, цвет глаз ... ну вы понимаете. Легард также ...

— Сколько? — сказал Фишер.

— Девушек? — пожал плечами Пултс. — Да кто его знает? Большинство из них не зарегистрировано. Они исчезают, и никто не замечает, кроме их друзей, которые редко что-то сообщают, учитывая их отношение к полиции. Если бы мне пришлось угадывать цифру ... Ну, сотни...

— Господи, — сказал Фишер. — Что еще?

— Легард также тесно сотрудничает с Оттавой. Он по имени называет половину Палаты общин. Слух, конечно же, но это объясняет, почему его не заперли где-нибудь в какой-нибудь дыре.

— Значит, Питер подумал, что Легард похитил Кармен Хейс?

— Такого мое предположение, однако, она не соответствует профилю: брюнетка, почти тридцать. Большинство приобретений Легарда — беглянки или беспризорные дети. Я полагаю, Питер вычислил, что Легард заключил контракт похитить Кармен и доставить ее куда-то для кого-то. Необычный клиент. Если вы хотите кого-то похитить, почему бы не обратиться к тому, кто проделывал это много раз?

"Неожиданный поворот", — подумал Фишер.

У него не было ни малейшего понятия, что Питер занимался делом о похищении Хейс. Как исчезновение дочери нефтяного магната, канадский криминальный авторитет, и торговля живым товаром связаны с PuH-19 и смертью Питера?

Фишер заговорил:

— Хорошо, значит, Питер попросил вас навести справки по Легарду ...

— Ага, он искал способ подобраться поближе — уголок, который можно загнуть. Он никогда не говорил мне, почему заинтересовался Легардом, но предположение, что если Легард похитил Кармен, то ее, вероятнее, отправят тем же способом, который Легард использует для своих девушек.

— Вы сказали, что должны были пойти с ним, — сказал Фишер. — Что вы хотели сказать? Какое-то конкретное место?

— Одна из подставных компаний Легарда "Терребонн Экспортс". Консервирование и экспорт рыбы. У него достаточно кораблей и складов, все расположены вдоль Морского пути Святого Лаврентия и на полуострове Новая Шотландия. Питер полагал, что Легард использует корабли, чтобы тайно переправлять девушек за океан.

Это имело смысл. Была причина, почему корабли и порты были излюбленным местом контрабандистов, террористов и различных преступников. Порты практически не возможно полностью обезопасить, а корабли по своей природе представляли лабиринт углов и закоулков, сделанные на заказ для сокрытия контрабанды, трупов и живых людей.

Вопрос в том: последовать ли ему путем Питера и осмотреть склады Легарда, или же прийти к Легарду лично и спросить, но уже не так любезно, что произошло с Питером и почему?

По правде говоря, Фишер уже знал ответ прежде, чем задал вопрос.

8

СЕН-СЮЛЬПИС, КВЕБЕК, КАНАДА

Фишер услышал приглушенное хлюпанье, когда имплантированный позади уха подкожный приемник заработал. Затем, через несколько секунд:

— Ты меня слышишь, Сэм?

Фишер опустил бинокль и передвинулся назад, глубже в кусты. Ночь была прохладной, десять градусов по Цельсию, и стелющийся туман цеплялся за землю. Над головой он слышал периодический визг летучих мышей, охотящихся в темных верхушках деревьев за насекомыми.

Перед ним лежал километровый участок реки Святого Лаврентия, далее находилась деревня Сен-Сюльпис, а на ее окраинах — имение Олдрика Легарда, растянувшийся на двадцать восемь тысяч квадратных метров французский особняк, построенный на сорока тысячах квадратных метров из вяза и белого дуба.

Подход, который выбрал Фишер, казалось, был сделан специально для него. Этот участок реки Святого Лаврентия делили пополам Иль-де-Бушервиль, группа узких, покрытых деревьями островов, которые шли параллельно береговым линиям и были необжитыми за исключением десятка башен, увенчанных навигационными огнями, спроектированными для оповещения проходящих кораблей. Изрезанные сотнями мелких заливов и бухт, острова взывали к морскому котику в Фишере говоря, что это не только идеальное место проникновения, но также идеальный маршрут для бегства и уклонения. Если он попадет в беду и вынужден будет отступить в погоне, то география островов сработает ему на руку.

— Слышу и слушал бы вечно. — Сказал Фишер.

— Льстец.

Система связи Фишера, специально разработанная для Третьего Эшелона "ДАПРой"[7], пентагоновским аналогом отдела Кью из Джеймса Бонда, состояла из двух частей: подкожного приемника, который напрямую заставляет колебаться группу крошечных костей внутри уха, их называют косточки, или проще говоря, молоточек, наковальня и стремечко; вторая часть — передатчик, липкая заплата в форме бабочки известная как СВП или субвокальный приёмопередатчик, одеваемый вокруг горла чуть выше кадыка. Мастерски овладеть последним стоило больших усилий и требовало умения, которое Фишер назвал бы чем-то средним между шепотом и чревовещанием. Однако при всем этом, ему нравилась система связи; она позволяла общаться, когда плохие парни находились всего в полутора метрах.

[7] **DARPA - Defense Advanced Research Projects Agency (агентство передовых оборонных исследовательских проектов)**

— Я загружаю твой ОПСАТ, — сказала Гримсдоттир, ссылаясь на оперативную спутниковую связь.

Фишер привык считать ОПСАТ своим персональным карманным компьютером на стероидах. ОПСАТ надевался вокруг предплечья и служил не только шифрующим центром спутниковой связи, но и снабжал его изображениями и данными: от простых показаний погоды до спутникового отображения в реальном времени с помощью пятнадцати тонного спутника "Лакросс", формирующего радиолокационные изображения и находящегося на высоте шестисот сорока километров над поверхностью Земли. Более того, как и голос Гримсдоттир в ухе, ОПСАТ представлял для Фишера связь с реальным миром. Работая в одиночку, в местах заполоненными людьми, которые только рады и способны его убить на месте, было достаточно сложной задачей. ОПСАТ, спасительная информация и дружественный голос появлялись при нажатии всего нескольких кнопок.

— Загрузка данных завершена, — сказала Гримсдоттир.

Фишер приложил большой палец к экрану ОПСАТа. Горизонтальная лазерная линия красного цвета опустилась вниз экрана, когда биометрический ридер считывал его отпечаток.

// ... БИОМЕТРИЧЕСКИЙ СКАНЕР ЗАПУЩЕН ...
... СКАНИРОВАНИЕ ОТПЕЧАТКА ... ЛИЧНОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА ... //

ОПСАТ загрузился, показывая полупрозрачный экран черным, зеленым и желтым. Фишер нажал несколько кнопок, проверил базу данных и спутниковую связь, затем произнес:

— Готов выдвигаться.

На линии послышался голос Ламберта.

— Сэм, нужно подстраховаться; ты на союзной территории.

В этом случае, правила Фишера по вступлению в контакт были прямиком из руководства, и он знал их наизусть: "Избегать любого контакта. Не оставлять следов присутствия. Разрешено использование не летального применения силы, если контакт неизбежен. Летальное применение силы разрешено лишь в том случае, если необходимо сохранить задание и/или жизнь оперативника".

Перевод: "Быть невидимым и никого не убивать, если только задание не катится к чертям. Фишеру всегда нравились слова "Жизнь оперативника". Это было еще одним эвфемизмом: быть пойманным или убитым означало то же, что и провал миссии".

— Усек. Не втягивать Канаду в войну, — ответил Фишер. — Выдвигаюсь. Свяжусь с тобой по прибытию.

Решение Фишера направиться прямиком к первоисточнику (крестному отцу Монреаля, Олдрику Легарду) было не из трудных. Легард был не только самым лучшим вариантом, чтобы узнать, что же случилось с Питером, и почему, но также разыскать Кармен Хейс. Хотя тайна ее исчезновения вызвала интерес Фишера, его первоочередной заботой были более насущные дела. Независимо от того, предоставит ли визит к Легарду новые зацепки, он знал одно: было очевидно, что поиски исчезновения Кармен привели к убийству Питера, и потому, если Сэм повторит его шаги, то, в конце концов, выйдет прямо на людей, которые не только убили Питера, но и у которых есть PuH-19.

Фишер натянул маску и проскользнул на животе вниз по насыпи, а затем в воду. Он поджал ноги и оттолкнулся от илистого берега, продвигаясь вперед по каналу. Течение подхватило его, и грузовой пояс медленно потянул Сэма под воду. Он приставил мини-акваланг, который был примерно размером и формой руки весом в два килограмма, ко рту и сделал резкий вдох, чтобы активировать химический скруббер; в ответ легкое шипение и прохладный, металлический привкус воздуха хлынул ему в рот.

Погружаясь в воду, Сэм почувствовал, как холод обволакивает его. Спустя несколько секунд тактический костюм, начал быстро поглощать и перераспределять холод.

Фишер был предвзятым, он знал это, так как вещица спасала ему жизнь множество раз, но все же он считал, что его тактический костюм – официальное название Марк V костюм для тактических операций, и из всего, что выпустила "ДАПРА" был почти магический.

Черный цельный комбинезон, украшенный различными мешочками, карманами и ремнями, необходимыми для хранения и переноса всего снаряжения, внутренний слой тактического костюма был оснащен последним поколением "Гор-Тэкс"[8], а внешний был сделан из кевлара и "Кожи Дракона", первый в мире "подвижный" бронежилет. "Кожа Дракона" может остановить шрапнель и любую пулю мощной убойной силы, выпущенной с короткого расстояния со снайперской винтовки. "Гор-Тэкс" разработало костюм, чтобы поддерживать температуру тела Фишера при -26 и +43 градусах по Цельсию.

По-настоящему волшебной была камуфляжная часть. Наружный кевларовый слой был пропитан веществом под кодовым названием "Сигнус", которое вначале называли черной дырой. Жидкое полимерное волокно было матово-черного цвета, а также имело небольшую шероховатость для поглощения и рассеивания частиц света, хоть и на доли секунды. По существу, это не было невидимостью, однако Фишер обнаружил, что тени казались более глубокими, когда он носит тактический костюм. Завершением камуфляжа было использование в случайных местах беспорядочной компоновки сумочек и карманов, все они были различных

[8] **Гор-Тэкс — мембранная ткань, характеризующаяся водонепроницаемостью и стойкостью к износу.**

размеров и форм. В условиях тусклого освещения человеческий глаз старается отыскать движение, разность цветов и геометрические формы. Самым сложным из этого была геометрическая форма, но перераспределение и изменение размера карманов, позволяла очертанию тела стать неясным.

Он протянул руку и коснулся кнопки на маске. По обеим сторонам маски зажглись два встроенных неоновых фонаря, излучающих два красных луча толщиной с карандаш, и спроектированные так, чтобы сходиться непосредственно перед ним на расстоянии вытянутой руки. Сэм поднес ОПСАТ к лицу и изучил экран. Курс на противоположный берег, отмеченный зеленой параболической линией, учитывал течение реки и вероятности, которые исключали любые просчеты, приведет его менее чем к трем метрам от внешней стены поместья Легарда.

Плавно перебирая перепончатыми перчатками, он начал плыть.

9

КОГДА маршрут параболической линии на экране ОПСАТа сократился до нескольких миллиметров, Фишер выключил подсветку маски, и перестал плыть, позволяя инерции нести его вперед. Он опустил руки, пока не почувствовал, как его пальцы коснулись мягкого илового дна. Сэм всунул пальцы в грязь и, найдя точку опоры, потянул себя вниз, коснулся животом ила, а затем плавно двинулся вперед, сантиметр за сантиметром, пока верхних обод его маски не показался над водой. Он выждал, пока вода стечет со стекла, затем убрал ребризер и огляделся.

Он замер.

Менее чем в полутора метрах перед ним, на берегу стояла фигура, вырисовывающаяся в лунном свете. Фишер затаил дыхание. Медленно человек поднял руку и остановился. Засветился оранжевый кончик сигареты, затем снова наступила темнота. Фишер осматривал очертания человека, пока не нашел, что искал: на правом бедре мужчины из теней немного выступала передняя часть, переходящая в треугольный вид компактного пистолета-пулемета "Хэклер и Кох" SL8-6.

SL8-6 была гражданской версией штурмовой винтовки G36 немецкой армии.

Присутствие охранника ответило на один из вопросов Фишера; разведка Грим в отношении дома Легарда выявила присутствие от двенадцати до пятнадцати постоянно патрулирующих, проживающих в поместье охранников, однако она не говорила о том, как далеко заходили их патрули. Теперь же Фишер знал, что их патруль выходит за пределы стен по всему поместью Легарда.

Фишер оставался неподвижным, едва дыша, пока охранник наконец-то не закончил перекур.

Он бросил окурок в воду, затем повернулся и пошел обратно вверх по усаженной деревьями набережной к стене.

Фишер мысленно отсчитал шестьдесят секунд и затем с чрезвычайной медлительностью опустил маску под воду, снял ее и пристегнул к снаряжению. Из мешочка на груди он вытащил свои очки и надел их. Сэм нажал кнопку, и очки включились, испуская едва уловимый жужжащий гул, за которым последовал мягкий щелчок, обозначающий, что очки готовы к эксплуатации. Он переключил на ночное видение (НВ) и тьма стала серо-зеленым полем перед глазами. Вместо простых скоплений листвы, он мог различить отдельные кустарники, даже посчитать листики на ветке.

"Придется полюбить технологию", — подумал Фишер.

Но только, когда она необходима.

Он был и всегда будет старой закалки. Вещицы и устройства были полезны, но без тренированных рук и опыта применения, они были бесполезны. Нет замены для глаз, как и для ног на земле.

Он пощелкал по другим двум режимам очков: инфракрасный (ИВ) или тепловой; и электромагнитный (ЭВ) для электрических сигналов, которые варьируются от радиомаяков до невидимых электрических барьеров. Сэм остановился на каждом режиме, осматривая землю перед собой и вокруг, затем вверх по набережной до стены. Ничего не увидел.

Он посмотрел налево, вниз по течению, затем направо, вверх по течению. Примерно в ста метрах вдоль берега, Сэм увидел частную пристань Легарда, крытое строение выдавалось на десять метров в реку. С противоположной стороны пристани, к стапелям были привязаны четыре сине-белых спидбота "Baja 26 Outlaw" с двигателем "MerCruiser" в 600 лошадиных сил, предположил Фишер. Каждая лодка поставлялась с радиолокационной антенной, выступающей из кормовой части аэродинамического профиля.

Он выполз на животе из грязи и направился в высокую траву, растущую вдоль берега, пока не достиг плотной листвы, где он встал на колени. Проверка оружия. Его экипировка для этой миссии была стандартной: пистолет с двадцатью патронами калибра 5,72 мм, оснащенный анестетическими дротиками и глушителем; осколочные и разрывные гранаты; боевой нож "Сайкс Фэрбэрн"; а также штурмовая винтовка SC-20K калибра 5,56 мм, еще один подарок от "ДАПРА".

SC-20, изготовленная по схеме булл-пап[9], была чудом универсальности и компактности. При ведении огня SC-20, оснащенная глушителем с 97% эффективностью акустического гашения, испускала звук не громче, чем теннисный мяч, брошенный в пуховую подушку. Что действительно делало SC-20 особенной, так это модульная конструкция.

Подствольный спусковой механизм позволял Фишеру использовать разнообразное оружие и датчики, а именно: заряды аэродинамического кольца, липкие камеры и микрофоны, шоковые заряды (все они имеют свои прозвища "Липкая камера", "Липкое ухо" и "Липкий шокер") и газовые гранаты различной эффективности.

Все снаряжение Фишера, весом более восемнадцати килограммов, позволяло ему видеть, слышать, передвигаться, убивать и выводить из строя лучше любого другого оперативника на планете.

[9] **Булл-пап - схема компоновки, при которой ударный механизм и магазин расположены в прикладе позади спускового крючка.**

Он прошелся по каждому пункту, проверяя функциональность снаряжения, застегивая карманы и затягивая ремни, пока не удовлетворился, что все в порядке. Сэм еще раз бегло оглядел окружающий лес, затем встал на корточки и побежал к стене.

Он остановился и опустился на корточки под свисающими ветвями тсуги. В трех метрах впереди была стена, состоящая из мозаики черных, серых и коричневых булыжников. В верхней части стены на высоте трех метров находились конусообразные зубчатые треугольники из чистого стекла, как расположенные неравномерно зубы акул сверкающие в лунном свете. Фишер отметил отличный дизайн. Не было никаких выступающих краев, чтобы ухватиться руками или щелей для захвата крюком.

"Неужели такой человек как Легард, наживший врагов на своем пути наверх, успокоится обычной трехметровой, увенчанной осколками стеной?" — Фишер сомневался. — Как любил поговаривать его старый друг из морских котиков: «Лучше перестраховаться, чем сожалеть и умереть»".

Фишер шагнул за ствол, ухватился за самую нижнюю над головой ветку, взмахнул левой ногой, зацепился пяткой за ветку и подтянулся. Пригнувшись, он полез по ветке, пока не увидел сквозь листья верхнюю часть стены. Он переключил очки в режим ЭВ. Перед глазами предстало изображение крутящейся массы едва различимых темно-синих амебоподобных форм и тонких серых линий. Фишер осмотрел верхнюю часть стены. Чтение ЭВ больше походило на искусство, чем науку, подобно врачу, расшифровывающему рентгеновский или ультразвуковой снимок.

Современный мир был морем электромагнитных импульсов: линии электропередач, телефонные и телевизионные кабели, спутниковые передачи Интернета, и сигналы мобильных телефонов. Со временем Фишер овладел этим искусством, но все у него ушло целых тридцать секунд, чтобы обнаружить то, что он искал.

С постоянным интервалом то появлялись, то исчезали мелкие точки, идущие параллельно верхней части стены. Они были едва заметны, вспышки всего на долю секунды, однако Фишеру этого было достаточно, чтобы понять, что в верхнюю часть стены встроен пассивный датчик давления. Мелкие точки были слабыми электрическими импульсами, перемещающиеся по сенсорному кабелю в поисках обрывов. Обрежьте кабель, и электрические импульсы определят это и оповестят станцию слежения. То же самое произойдет, если надавить на кабель. Фишер осмотрел другую сторону стены в поисках камер или датчиков. Он ничего не заметил.

Сэм снова переключил на НВ. Над вершинами деревьев, возможно в шести километрах, он мог рассмотреть остроконечные линии крыш и мансардные окна дома Легарда. Подойдя ближе, как

раз с другой стороны стены, Фишер увидел кое-что еще: извилистый путь, проходящий по траве; однако листва оставалась нетронутой.

"Собаки", — подумал Фишер.

Пока что Грим права — Легард держит в своем имении бульмастифов, но она не знала, свободно ли они перемещаются или на пару с кинологами. Эта "звериная тропа" на подлеске говорила Фишеру о том, что собаки перемещаются свободно — возможно постоянно, но вероятнее всего только ночью. Предоставленные самим себе, собаки будут следовать своим обычным тропам на их территории.

— Собаки, — пробормотал Фишер. — Почему именно собаки?

Фишер любил собак (завел бы себе пару, если бы не его непостоянный график и длительное отсутствие), но и ненавидел их, особенно тех, что бегают вдвое быстрее человека, могут ухватить со свирепостью полузащитника НФЛ, и имеют острые клыки, достаточно крепкие, чтобы раздробить кость. Бульмастифы были особо опасными, не только из-за своего размера, который может достигать девяноста килограммов, но и потому что они действуют бесшумно. Не гавкают, не рычат. Также, на бегу собак почти не возможно застрелить, пока они не окажутся практически на вас. Фишер всегда предпочитал обходить их стороной, для его же и их безопасности. Если повезет, он сделает так и сегодня.

Насчет сетки датчиков давления на стене Фишер не беспокоился. Такие датчики были эффективны только тогда, когда нарушители не знают об их наличии. Со своего насеста на дереве он осматривал стену пока не нашел нужное место, примерно в пятидесяти метрах влево. Сэм спрыгнул и начал пробираться через деревья к тому самому месту, и прижался к стене. Из одного кармана он достал "Обезьянью Лапу" — миниатюрную кошку в форме футбольного мяча, усиленной "Трайвори" — отвержденный сополимер смолы из стекловолокна с прочностью растяжения до двухсот семидесяти килограмм. Это был явно низкотехнологичный инструмент, которым редко удавалось воспользоваться.

Работая по памяти, он отошел от стены назад, пока не увидел верхушку дерева, которую он отметил в голове, затем поднял руку и бросил кошку. Микроакселерометр внутри кошки распознал изменение скорости и вызвал срабатывание ряда пиропатронов. Едва кошка исчезла за стеной, утаскивая за собой трос толщиной с карандаш, Фишер увидел, как рукоятка кошки дернулась и зафиксировалась. Сэм услышал приглушенный треск веток, затем тишина. Он отошел на подлесок и выждал еще две минуты на случай, если шум привлек внимание. Ничего не происходило.

Теперь он выяснит, достаточно ли времени он проводил в спортзале. Трос кошки, завязанный узлами через каждые полметра, сам по себе был очень легким, чтобы передавить сенсорный кабель. Сэм собрал провисший трос в петлю, затем осторожно поднял свободный трос со стены и потянул. Держалось прочно. Затем он поставил правую ногу на стену, упершись левой для противодействия, при помощи троса, зажатого обеими руками, он поднял руки над головой и откинулся назад. Натянув трос, он поднял левую ногу с земли и поставил ее на стену рядом с правой, повиснув на стене под углом в сорок пять градусов. Его плечи мгновенно затряслись от напряжения. Трос, дрожащий под весом Фишера, повис в нескольких сантиметрах от осколков.
Вытянув руки над собой и жестко зафиксировав локти, Фишер слегка поднял правую ногу и плавно переместил ее на несколько сантиметров вверх, затем повторил то же самое левой ногой. Его руки горели от напряжения, по одному шагу за раз, он взбирался наверх, пока мыски его ботинок не поравнялись с краем стены напротив осколков. Теперь он начал подтягивать себя, перебирая руками, пока его тело не стало практически в вертикальном положении, балансируя ботинками на краю.

"Пришло время узнать, достаточно ли времени ты провел, практикуясь в падании со стены, старина Сэм".

Фишер сделал вдох, плавно переместил правую руку максимально вдоль кабеля вперед, и крепко сжал. Он согнул лодыжки и напряг икроножные мышцы. В одном прыжке, он рванул за трос и оттолкнулся ботинками. Сэм прыгнул вперед. Прижал голову к груди, свернулся в клубок и смотрел под руку, чтобы вовремя увидеть приближающуюся землю. Он развернул тело, перекатываясь через плечо во время удара. Сделав кувырок, присел на корточки и, перебираясь, направился в подлесок.
Сэм неподвижно сидел, полминуты переводя дыхание, затем нажал СВП и сказал:
— Я внутри.
— Не развалился? — спросила Грим.
— О, Грим, это больно.
— Статус.
— Чисто.
Как и в войсках специального назначения, Splinter Cell'ы использовали смесь стандартизированного радио протокола и родного языка для общения. В этом случае, "Чисто" означало, что нет никаких осложнений. "Спящий" означало летальный исход, противник; "Дремлющий" расшифровывалось как нелетальный исход, противник. "Пожар" подразумевал, что Splinter Cell втянут в открытую перестрелку, "Разрыв" означало, что он или она в опасности

и миссия на грани срыва. "Падение" значило, что он работает по принципу бегство и уклонение. Фишер еще ни разу не называл "Разрыв", однако он знал оперативников (друзей), которые называли, и нарушили правило номер один — не оставлять прослеживаемых следов, и без долгих разбирательств их отстранили из Третьего Эшелона.

— Я обновила твой ОПСАТ, — сказала Гримсдоттир. — Есть несколько снимков сложной местности на пути к следующей точке следования. Сколько же денег у этого парня?

Фишер не знал, и ему было без разницы. Если Олдрик Легард хотел личный речной порог для спуска на байдарке, так тому и быть. Фишер был только рад потакать чужим капризам ради своего преимущества.

— Направляюсь ко второй точке следования, — сказал Фишер.

10

Без всякого ограничения по времени, за исключением приближающегося через восемь часов рассвета, Фишер не спеша пробирался через лес, окружающий дом Легарда. Повсюду, где он пересекал дозорную тропу бульмастифов, он устанавливал "Липкое ухо" на ближайшее дерево, затем отмечал его на карте ОПСАТа. Установив с десяток "Ушей", Сэм залез на дерево и устроился поудобнее. Собаки вели себя жутко тихо, однако сосредоточившись, Фишер смог распознать их признаки, слабое пыхтение при движении по тропе, хруст от лап на подлеске или клацанье когтей по выступающим корням, даже влажное сопение, когда одна из собак останавливалась и принюхивалась. К счастью, бульмастифы имели слабое обоняние, поэтому Фишер не беспокоился, что его выследят на ветке.

Несмотря не это, собаки дважды проходили мимо его дерева, и Фишер, затаив дыхание, наблюдал, как массивное создание проходит мимо и исчезает. Это не обычные бульмастифы, осознал он. Каждый весил, по крайней мере, девяносто килограмм, внушительная масса мышц с головой, размером с баскетбольный мяч.

"Хорошие песики", — подумал Фишер.

Пока что, охранники его не интересовали. При помощи очков НВ, Сэм насчитал восемь охранников, патрулирующих территорию вокруг поместья, однако их маршрут не уходил дальше двухсот метров от дома.

СПУСТЯ час, слушая и наблюдая, он был в состоянии различить схему передвижения собак при патрулировании территории. Как всегда в своем стиле, он пометил маршруты и время в ОПСАТе. Теперь собаки появлялись на экране в виде оранжевых треугольников, передвигающихся вдоль зеленых линий их маршрутов. Передвижения охранников были гораздо более беспорядочными, поэтому Фишеру оставалось только очертить приблизительным кругом поместье, где могли находиться охранники.

До сих пор Фишер не находил других датчиков. Ни камер, ни лазерных решеток, ни детекторов движения. Ничего. Сэм не был удивлен. Люди положения Легарда имеют тенденцию верить своей собственной прессе: кто осмелится проникнуть на мою территорию, а тем более совершить покушение? Никто не будет настолько глуп.

"Все к лучшему", — подумал Фишер.

Как и речной порог для спуска на байдарке, высокомерие и мания величия Легарда были слабостью, которой Фишер был очень рад воспользоваться.

Он выждал, пока следующая собака сделает оборот возле дерева Фишера, затем спустился и начал двигаться.

В своем расследовании Легарда Гримсдоттир смогла, как она выразилась, "выделить цифровым способом" чертежи сделанного на заказ французского загородного особняка Легарда. Хотя само по себе только это будет иметь неоценимое значение, когда Фишер проникнет в особняк, но сейчас его больше всего интересовало архитектурное направление хобби криминального барона — каякинг. Согласно ландшафтным архитектурным чертежам, сделанный искусственный речной порог для спуска на байдарке, вместе с валунами, водопадами, горками, проходил сквозь окружающие поместье деревья извилистую, пяти километровую убывающую петлю, которая начиналась и заканчивалась в закрытом туннеле, соединенным с бассейном/дендрарием площадью в две тысячи квадратных метров со стеклянным куполом. Речной порог Легарда, приводился в действие массивными насосами и пневматическими двигателями наклона плоскости, которыми можно регулировать течение и силу воды, по нажатии кнопки, изменялся от потока класса I до потока класса V.

Фишер не спеша продвигался от своего насеста на дереве к месту, как он назвал его "красная зона", внешнему периметру патрульного кольца охранников. Три раза он вынужден был останавливаться, потому как собака приближалась к нему. Застыв на месте, едва дыша, Фишер не мог проверить ОПСАТ, поэтому вынужден был просто прислушиваться к верным признакам приближающегося пса: случайное тяжелое дыхание или хруст ветки.

После часа прокладывания пути через деревья и тени, он достиг берегов речного порога Легарда, который в данный момент был установлен на скоростной поток. Если бы Сэм не знал, и эта часть порога не была бы отмечена слаломными флагами каждые шесть метров, Фишер бы ни за что не догадался, что смотрит на искусственный поток.

Он, пригнувшись, спускался по набережной к потоку, который располагался в метре ниже уровня земли, затем он вошел по пояс в воду и поплыл вверх по течению. Через двадцать минут и пятьдесят метров, Фишер сквозь высокую траву, растущую по берегам ручья, увидел первое мерцание прожекторов поместья Легарда. Теперь он заметил охранников. Сэм вытащил SC-20, затем переместился к противоположному берегу (на котором находилось поместье) и ползком полез вверх, пока его голова не коснулась травы, затем он медленно подался вперед и увидел угодья.

Поместье располагалось в ста метрах отсюда. Задний экстерьер был выполнен в традиционном стиле французского особняка при помощи белой штукатурки и коричневых, неотесанных столбов. К вершине каждой из восьми пик крыши были прикреплены галогенные прожекторы,

которые освещали либо газон, либо вымощенный камнем внутренний дворик, который простирался по всей длине дома до купола речного порога. Освещаемый изнутри тусклым желтым светом через тонированное стекло, купол возвышался с правой стороны поместья как аттракцион "Мир Диснея". Фишер сфокусировался на его основании и рассмотрел темный круг — выход речного порога из купола. Где-то с другой стороны должен быть такой же вход, где порог впадал в бассейн.

Фишер переключил очки в режим НВ и прищурил глаза, чтобы уменьшить блик, сфокусировался на одном из прожекторов. На ощупь Сэм отрегулировал систему наблюдения сбоку очков, перемещая темное кольцо на светлую точку от прожектора. Затем вновь сфокусировался чуть ниже прожектора. Вот ты где ... камера. Он осмотрел остальную часть газона и внутреннего дворика, насчитав трех охранников перемещающихся вдоль задней части дома.

Камера и прожектор оба вращались и были синхронизированы друг с другом, предположил Фишер. Камера следовала за прожектором.

"Стоит проверить еще одну догадку", — подумал Фишер.

Он быстро спустился по берегу к реке, нашел камень размером с мячик для сквоша, затем снова вернулся в траву. Сэм выждал, когда ближайший охранник приблизится к нему менее чем на тридцать метров, а затем швырнул камень. Он стукнулся в темный участок между прожекторами. Охранник повернулся на звук. Снял с пояса нечто, похожее на рацию и на несколько секунд поднес к губам, затем полез в карман и вытащил размером с большой палец прямоугольный объект, который он направил на ближайший прожектор. Тот начал вращаться, луч заскользил по траве, пока не достиг того места, где упал камень и остановился. Луч смещался несколько раз, скользя верх и вниз, влево и вправо, пока охранник, казалось бы, не удовлетворился, что все было в порядке, и направил пульт снова на прожектор, который снова начал вращаться в нормальном положении.

Фишер сидел неподвижно еще пять минут, затем поднес SC-20 к плечу, переключил селектор на "Липкую камеру", и прицелился в дерево, растущее в пятидесяти метрах вверх по течению. Он выстрелил. "Липкая камера" с мягким глухим ударом сжатого воздуха, сделав дугу, прилипла к стволу в двадцати метрах от земли, чуть ниже веток. При помощи сенсорного экрана ОПСАТа, Фишер плавно подвигал камеру влево и вправо, чтобы убедиться, что она надежно закреплена. Так и было. При полном увеличении, камера могла осматривать всю длину заднего двора поместья. Он установил ее на автоматическое панорамирование, затем вернулся к берегу, зачехлил SC-20, и снова направился вверх по течению.

Каждый шаг по течению приближал его не только к поместью, но и к охранникам, поэтому Фишер был осторожен, останавливаясь каждые десять шагов и осматривая экран ОПСАТа, запрограммированного передавать изображение с камеры в реальном времени. Охранники по-прежнему либо стояли на месте рядом с дверями поместья либо ходили по газону и внутреннему дворику.

Теперь поток начал подниматься вверх. Пока Фишер пробирался по воде от валуна к валуну, с каждым шагом приближаясь к куполу, градус подъема увеличивался, сначала от плавных двадцати до крутых сорока пяти градусов. Теперь поток двигался уже под действием силы гравитации, разбрызгивался вокруг него, выбрасывая вверх тучи брызг и пены. Иногда рука Фишера, нащупывая опору, опускалась на одну из механических наклонных плоскостей или обод одного из водопроводов.

В трех метрах от купола, Фишер уже вертикально взбирался через то, что по-существу было водопадом, вытекающим из выхода туннеля. Осторожно, стараясь оставаться позади завесы воды, он действовал в основном на ощупь пока, наконец-то, его правая рука не ухватилась за изогнутый нижний обод туннеля. Сэм остановился перевести дыхание, затем поместил левую руку рядом с правой и подтянулся до груди, поравнявшись с ободом. Он поднял колено и перекинул через край, затем уперся ногой в стенку туннеля и сильно оттолкнулся, закатывая себя внутрь.

Мгновенно его тело стало плотиной. Сэм почувствовал, как течение вздымается по спине и плечам, толкая к краю. Он уперся ладонями в одну стену туннеля, ногами в другую и выгнул спину, позволяя воде течь под ним. Перебирая руками и ногами, по-прежнему с изогнутой спиной над водой, он поднимался вверх по туннелю, пока не достиг устья, которое было наполовину погружено в бассейн купола. Облегченно простонав, Фишер скользнул головой вперед в воду. Он вынырнул и огляделся вокруг.

Изнутри купол, в самом деле, мог сойти за аттракцион "Мир Диснея". Ландшафт был выполнен в виде идеальной копии оазиса джунглей, купол имел свою собственную экосистему, которая дополнялась, усеивающими береговую линию валунами, папоротниками и миниатюрными водопадами, освещаемые снизу янтарными фонариками, которые отбрасывали волнистые тени на густые насаждения бамбука, свисающие над бассейном вплоть до самого дымчатого стекла, примерно в девяти метрах над головой Фишера. Откуда-то из листвы доносился пронзительный крик ночных птиц; Фишер не мог сказать были ли те звуки настоящими или записью. В любом случае, как и ожидалось, Легард не жалел денег на свое хобби.

Бассейн, примерно шестьдесят на шестьдесят метров, имел форму почки с неравномерно встроенными в стенки небольшими бухточками джакузи, размером два на два с половиной метра. Каждая бухточка отличалась своим собственным водопадом, который разбрызгивался по

воде и вытекал через узкое отверстие прямо в бассейн. В дальнем конце, под аркой из папоротников, Сэм увидел вымощенную природным камнем дорожку, окаймленную маленькими фонариками.

"Выход", — подумал Фишер.

Он нажал СВП и сказал:

— На точке следования четыре.

— Поняла тебя, — ответила Гримсдоттир. — Оправдало твои ожидания?

— Напоминает канадский аналог "Диснея". Выдвигаюсь.

11

ПРИГНУВШИСЬ, Фишер шел по вымощенной камнем дорожке, по мере продвижения, отключая фонарики при помощи функции электромагнитного подавления пистолета SC, пока не добрался до выходной двери из черного ореха – десяти панельного монстра с массивными черными коваными петлями с удлинёнными крыльями.

Из-за отсутствия времени для детального, предварительного обследования или пары глаз внутри, чтобы снабдить его информацией, Фишер знал, ему придется действовать по ходу дела. Он знал, что Легард был дома, но не более того. В поместье было восемь достаточно больших и роскошных спален, которые могли служить хозяйскими покоями, и еще двенадцать комнат, которые могли использоваться как места для отдыха, развлечения или оздоровления. Согласно исследованиям Гримсдоттир, Легард страдал бессонницей, поэтому Фишер не знал, где найдет его.

Он просунул гибкую оптоволоконную камеру под дверь; экран ОПСАТа показывал длинный коридор, выложенный коричневой травертиновой плиткой и марокканскими ковровыми дорожками, освещаемые настенными бра "Тиффани" в форме тюльпана. Сэм включил НВ, затем ИВ и не заметил никакого движения, он переключил на ЭВ и осмотрел коридор на признаки датчиков или камер. Ничего не было. Он вытащил камеру и попробовал повернуть дверную ручку. Было заперто, но, несмотря на внушительный вид двери, замок был простой, открывшись при помощи отмычек через двадцать секунд.

Он осторожно приоткрыл дверь на несколько сантиметров и заглянул внутрь. Все чисто. Фишер вошел внутрь, закрыв за собой дверь, и пошел вдоль коридора, к которому только с одной стороны примыкали четыре комнаты; с другой стороны были три узкие двери.

"Чуланы", — подумал Фишер.

Настенные бра тускло светили и располагались через каждые шесть метров; Фишер не трогал их. Слишком много сгоревших лампочек привлечет какого-нибудь охранника.

Первая комната — место для отдыха, заполненная разборными кожаными диванами, окружающие открытый камин и бар, была пустой, как и вторая — игровая комната, уставленная покерными и бильярдным столами, их покрытия из сукна светились под бильярдными светильниками.

Как только Фишер подошел к последней комнате, где заканчивался коридор и поворачивал налево, он услышал звуки повторного показа телевизионного шоу "Американский идол", наряду с которым слышались голоса двух или трех людей.

Справа от себя Фишер услышал спускающиеся по лестнице шаги. Фишер отступил влево, открыл дверцу шкафа, шагнул внутрь и закрыл дверцу. Он вытащил оптоволоконную камеру, просунул ее под дверь вовремя, чтобы увидеть пару шагающих сапог мимо шкафчика, которые сразу же исчезли в комнате с телевизором.

Телевизор утих.

Фишер приоткрыл дверь.

—...и как же там босс? — сказал один из голосов.

— Снова не может уснуть. Он наверху, играется в д'Артаньяна со своим спарринг манекеном, — ответил пришедший парень, предположил Фишер.

— Бруно наблюдал за ним.

— Бруно-везунчик...

Итак, у Легарда было еще одно увлечение: фехтование.

— Я схожу наружу, покурю.

Фишер снова прикрыл дверцу. Ноги прошмыгнули мимо двери и исчезли за углом. Фишер выжидал до тех пор, пока не услышал хлопок двери вдали.

Он выскользнул из шкафа и начал подниматься по лестнице.

Быстрое исследование второго этажа, который простирался на половину длины дома, выявило лишь спальни и уборные, поэтому Фишер перешел к третьему этажу. Первые три комнаты были для оздоровительных целей: площадка для гандбола, площадка для стрельбы из лука, и тренажерный зал с эллиптическими тренажерами, беговыми дорожками, альпинистской стеной, и комплекс силовых тренажеров "Сайбекс".

Когда он направился к четвертой комнате, он услышал звон стали о твердую древесину, а затем возглас, как в боевых искусствах "Ки-Йа". Фишер обошел четвертую комнату и присел возле пятой. Он просунул оптоволоконную камеру под дверь, и его взору предстала длинная белая комната с высоким потолком, освещаемая встроенными галогенными лампами. От пола до потолка простирались зеркала, располагавшиеся вдоль длинных стен, а между ними – полированный пол из клена. В шахматном порядке в центре зала стояли от шести до восьми манекенов для фехтования, как набитое пугало с деревянными руками, ногами и круглой головой изготовленной из черной вулканизированной резины. Фишер плавно сместил Оптоволоконную камеру и направил вверх на сводчатый потолок. На стыке стены и изогнутого потолка по всей длине располагался длинный ряд окон.

Фишер снова переместил камеру вниз, ворочая вперед и назад, пока не заметил в дальнем конце комнаты человека в черно-белой сетчатой маске и белом комбинезоне из металлического волокна, делающего выпады и удары в один из манекенов. Там же он увидел охранника, сидящего возле двери с "Хэклер и Кох" SL8-6 на коленях. Мужчина выглядел уныло, его плечи опускались, когда он то смотрел на фехтовальщика, то на свои ноги.

Фишер вытащил камеру и вернулся в предыдущую комнату, которая оказалась раздевалкой: четыре душевые кабины располагались вдоль одной стены, небольшая сауна и кедровые скамейки вдоль другой. Фишер выключил свет, подошел к окну, проверил его на наличие сигнализации и ничего не обнаружил, мягко открыл защелку и распахнул обе створки вовнутрь. Прохладный ночной воздух хлынул на него, вызывая дрожь по рукам и спине.

Над верхушками деревьев, он увидел Луну, прошедшую свою наивысшую точку и нисходящую по дуге. Сэм проверил часы. До рассвета добрых шесть часов.

За окном был каменный выступ не более пятнадцати сантиметров шириной. Фишер залез на подоконник и, пригнувшись, ступил на выступ и закрыл за собой окно. Осторожно, неторопливо, он поднялся, удерживая равновесие на пятках так, чтобы быть прижатым к стене. Грудью он чувствовал обнадеживающую прочность камня. Сэм провел кончиками пальцев по стене, пока кончики его пальцев не обнаружили щель в камне; он втиснул костяшки пальцев глубже, затем сделал шаг вперед, затем еще один и еще. Справа и вверху, менее чем в метре, он увидел идущую вверх водосточную трубу, под углом стыкующуюся с желобом карниза комнаты для фехтования.

Еще три шага привели его к изогнутой трубе. Он вытянул левую руку вверх, схватился за желоб, и медленно переложил вес на него. Когда Сэм перевел почти половину своего веса, труба издала слабый скрип, но не пошатнулась. Она была прочно вкручена болтами в камень, а не просто прикручена шурупами или проволокой.

"Боже, благослови прочные карнизы", — подумал Фишер.

Он крепко ухватился левой рукой за желоб, затем высвободил правую руку, вытянул вверх и ухватился далее по трубе. Ноги смахнули с уступа и теперь болтались в воздухе. Сэм дважды повторил движение: плавно перемещая левую руку и перехватываясь дальше правой, пока, в конце концов, не достиг открытой кромки желоба карниза комнаты для фехтования. На пальцах он подтянулся до уровня крыши, закинул ногу на желоб и залез наверх. Сэм лег плашмя на кедровую черепицу и несколько минут лежал неподвижно.

В ухе раздался голос Гримсдоттир.

— Фишер, мне удалось распутать беспроводной интернет-сигнал Легарда. У них стоят несколько приличных брандмауэров; это займет больше времени, чем я ожидала.

— И?

— И каждый компьютер — выделенная рабочая станция безопасности, кроме одного. Персональный компьютер на четвертом этаже, последняя комната в северо-восточной части. Мои предположения: это либо спальня, либо офис Легарда. Ты подключишься к нему, а я взломаю.

— Считай, что все сделано. Я свяжусь с тобой.

Фишер приподнялся на корточки и направился к окнам. Снизу они казались вертикальными, но на самом деле окна были наклонены внутрь. Фишер мягко скользнул защелкой ближайшего окна и приоткрыл его.

В шести метрах внизу, под ярким освещением галогенных ламп, он увидел Легарда, теперь уже без маски, перемещающего вдоль манекенов, нанося удары, делая выпады и быстрые движения, нанося каждому манекену смертельный удар, прежде чем перейти к следующему.

Легард был симпатичным мужчиной с длинными, спадающими назад черными волосами, вытесанными скулами, узкой челюстью и выдающимся подбородком. Он выглядел на десять лет моложе своих пятидесяти. Нанеся последнему манекену удар в горло, Легард медленно пошел через ряд манекенов, зажав рапиру подмышкой, широко улыбаясь.

— Что скажешь, Бруно, а? Разве на меня не приятно смотреть?

Охранник, уже сидящий прямо, ответил:

— Да, босс, потрясающе.

Улыбаясь, Легард снял перчатки и бросил их Бруно.

— Когда-нибудь ты увидишь в этом всю красоту, мой друг. Твои чувства притуплены тем, что мы делаем, да? Все эти свеженькие, красивые штучки ... сложно сосредоточиться на том, что действительно важно в жизни.

— Верно, босс.

— Как дела у нашего гостя?

— Одни жалобы.

"Гость? — Подумал Фишер. — Кармен Хейс?"

— Он изнеженный ученый, Бруно, лабораторная крыса. Чего же ты ожидал?

"Не Кармен".

— Было бы неплохо, если бы он перестал ныть. Я звонил в Бе-Комó. Через несколько минут они возьмут его на борт. Он скулил всю ночь, свернувшись калачиком в углу.

"Бе-Комó, — подумал Фишер. — В инструктаже Гримсдоттир был отмечен Бе -Комó, где располагаются один из портовых складов Легарда, вдоль реки Святого Лаврентия. Очевидно, они погрузили кого-то на борт одного из кораблей Легарда. Но куда его отправили?"

— Скоро мы избавимся от него. Можешь сходить и принести мне немного воды?

Бруно встал и шагнул через дверь.

Фишер не стал медлить. Он достал пистолет, переключил на дротики первого режима, затем приоткрыл окно еще на несколько сантиметров. Легард стоял у дальней стены, практикуя позы для фехтования перед зеркалом. Фишер прицелился и выстрелил. Дротик попал прямо в затылок Легарда. Он издал слабый вздох, шатаясь, сделал несколько шагов вперед, размахивая оружием и смотря куда опереться, затем он рухнул на зеркало, сползая на пол.

Фишер убрал в кобуру пистолет, открыл настежь окно, зацепил "Обезьянью Лапу" к подоконнику, затем отпустил шнур на пол и опустился вниз. Быстрым рывком шнура высвободил "Обезьянью Лапу", смотал и положил в рюкзак, затем подбежал к зеркальной стене, где лежал Легард. Панель возле двери контролировала освещение, предположил Сэм. Он клацнул все четыре выключателя. В помещение потемнело. Сэм прижался к стене, резким движением головы опустил визоры, и включил режим НВ. Фишер снял со своего ремня свинцово-кожаную дубинку и затаился, уставив взор на дверь. Десять секунд спустя он услышал, как поворачивается ручка двери. Дверь распахнулась, отбрасывая асимметричный прямоугольник желтого света на кленовый пол. Тень Бруно продвинулась вперед него, затем показался он сам, после того как переступил порог.

— Босс? Эй, босс, с вами...

Фишер встал и двинулся вперед. Подняв правую руку, он сделал два быстрых шага навстречу Бруно и нанес удар запястьем. С глухим звуком дубинка обрушилась чуть ниже уха Бруно. Тот упал, и бутылка с водой, принесенная Легарду, покатилась по полу. Фишер подхватил тело Бруно, оттащил от света и опустил на пол. Он вытащил пистолет и стал ждать. Пять секунд, десять, затем тридцать. Никаких воплей тревоги. Фишер подкрался к двери и выглянул, в коридоре было пусто. Он закрыл дверь и запер ее.

Он убрал пистолет в кобуру и вернулся к Легарду.

Время побеседовать с нашим белым работорговцем.

12

SC пистолет Фишера был оснащен несколькими режимами дротиков, начиная низкой и заканчивая высокой дозой анестетиков. Третий режим дротиков будет держать восьмидесяти килограммового человека без сознания девяноста минут; второй режим на половину меньше; первый режим от пятнадцати до двадцати минут. Легард, как предполагал Фишер, весил около девяноста килограммов, его вырубит только на десять минут.

Его последние две минуты истекали. Прошло восемь минут, после того как Фишер выстрелил в него дротиком, Легард застонал, поднял голову с груди, и покачал ей. Он проморгал несколько раз, потом открыл глаза, и огляделся. Фишер прислонил его к зеркалу, подложив сзади один из манекенов и связав руки за спиной пластмассовыми наручниками. Бруно, после падения был награжден дротиком второго уровня и так же связан, поправка: кляп был сделан из его носков.

Потом, присев в нескольких шагах от Легарда, Фишер изучал криминального барона в серо-зеленом свечение очков НВ. В комнате стояла кромешная тьма, и только бледно-лунный свет пробивался через верхние окна. Остальные манекены Легарда, стоявшие в центре зала, подобно застывшим часовым, размножались в зеркалах, висящих на обеих стенах.

Легард сухо откашлялся, затем заговорил:

— Что... что происходит? Бруно, это ты? Бруно!

— Тише, — прошептал Фишер. — Повысишь голос снова, и я всажу тебе пулю в колено. Кивни, если понял.

Легард кивнул.

— Бруно вздремнул. А нам нужно поболтать.

— Кто ты такой, черт тебя подери? Разве ты не...

— Не знаю кто ты такой? Ну, конечно же, я знаю кто ты такой, мистер Легард.

Такие люди, как Легард были весьма предсказуемые. Сначала негодование, угрозы, затем заявление о себе.

— И чтобы сэкономить время, да, "я совершил огромную ошибку", что вторгся в твою обитель, и конечно, я понимаю, что ты сотворишь со мной такое, если поймаешь меня, и, нет, мне не нужны твои деньги и я не буду тебя отпускать. Я что-нибудь пропустил?

— Ты — труп.

— Мы уже это озвучили, — прошептал Фишер. — Нужно двигаться дальше.

— Двигайся на х...

Фишер прижал дуло пистолета к ступне Легарда.

— Будь паинькой, или будешь ласкать свою рапиру в инвалидном кресле. Понял?

— Да, я все понял.

— Отлично, вот как мы будем действовать: я задам тебе несколько вопросов. Я — детектор лжи. И поскольку, сейчас я само добро, я даю тебе шанс солгать мне два раза. После, начну делать тебе больно. Приготовился?

— Да...— проворчал Легард, не поверив словам.

— Расскажи мне о женщине по имени Кармен Хейс.

— О ком?

— Брюнетка, за тридцать, внешность ученого. Не очередная блондинка, которых ты продаешь. Она была похищена на улицах Монреаля четыре месяца назад.

Легард жевал свою нижнюю губу, как будто он был насторожен заданным вопросом.

— Извини. Не знаю ее.

— Это первая ложь. Хорошо, вернемся к ней чуть позже. Человек, о котором вы говорили с Бруно... — гость с плохими манерами. Кто он, и где он?

Легард покачал головой.

— Здесь никого нет. У меня не было гостей.

— Ты точно уверен?

— Да.

— Поверни голову на бок.

— Что?

— Поверни голову на бок. Быстро.

Легард выполнил требования.

Фишер сказал:

— Приподними подбородок.

Легард сделал так, как его попросили. Фишер выстрелил в манекен, пуля прошла чуть ниже подбородка Легарда.

Легард вздрогнул от страха, чуть наклонившись в противоположную сторону. Фишер снова поставил его прямо.

Легард ляпнул:

— Ты спятил, Боже мой, ты — псих.

— Тебе был дан шанс, — ответил Фишер. — Я задам тебе еще раз вопросы, хотелось бы получить ответ до того, как ты, искалеченный, будешь истекать кровью. Теперь отвечай с особой осторожностью. Расскажи мне о Кармен Хейс и таинственном госте в Бе-Комо́.

Легард начал говорить.

На самом деле пистолет Фишера имел четыре режима: с первый по третий, а затем четвертый режим, который был очередной магией, из мрачных залов и окольных умов "ДАПРА". Фишер

как-то прочитал техническое название дротика, его язык подвергся пытке из-за сложности произношения, поэтому он был рад, что ему дали кодовое название "Кран", которое, как он предполагал, должно было описывать химическое воздействие на кратковременную память человека — то есть вещество открывает воображаемый вентиль его/ее мозга и позволяет вытечь последним двадцати-тридцати минутам кратковременной памяти.

Есть два типа памяти, краткосрочная и долгосрочная; первая располагается в лобной и темной доле головного мозга, последняя располагается по всем частям мозга. Мост между ними – это часть мозга, которая преобразует кратковременную и долговременную память, регулируется гиппокампусом, как раз где "Кран" и должна применять свои магические свойства. Частично разбавленная химическим клеем, удерживающим гиппокампусовый мост, "Кран" создает слабое воспоминаний в сказочные сны, которые исчезают за несколько минут, после того, как цель придет в сознание.

Несмотря на поведение Легарда, Фишер не хотел убивать его. Парень определенно заслуживал покинуть наш мир (Фишер дал ему серьезно понять, что отплатит очередным визитом, как все это закончится), но смерть лишь расшевелит осиное гнездо неприятностей, особенно, если он контактировал с теми, кто доставил Кармен Хейс, и наплевать, на тех, кто привел второго заключенного, которого Легард назвал Кэльвином Стюартом.

Если Фишер собирался следовать по нити улик, которые привели к убийству Питера, то он нуждался в открытом источнике информации. Разумеется, Фишер мучительно осознавал, что путем сохранения целостности источника, он позволял Легарду отправлять зарубежным заказчикам неведомо сколько похищенных девушек.

"В следующий раз, — подумал Фишер, — еще один ночной визит".

Сэм быстро поразил Легарда дротиком третьего уровня и четвертого уровня, затем освободил его. То же самое он проделал с Бруно, затем вернул манекен в исходное положение и включил свет. В то время, когда мужчины очнуться удивленными, они уже ничего не вспомнят, что произошло за последние полчаса. Легард фехтовал; Бруно наблюдал. А потом... пустота, пока они не пришли в себя. И если Фишер сделал свою работу правильно, не оставив следов своего присутствия, и не было обнаружено неизбежного проникновения и облавы в системе безопасности Легарда, то их умы спишут все на случайность. В конце концов, Фишер был уверен, что Легард сказал ему всю правду. Он на самом деле похитил Кармен Хейс, но заказ пришел анонимно, через посредников, которым он доверял.

Цена была хорошей (500,000 долларов США), поэтому Легард взялся за дело. История похищения Кэльвина Стюарта та же: был похищен с улиц, после того, как его заманили в

Монреаль, с предложением фиктивной работы. Легард не знал о Хейс и Стюарте практически ничего, кроме того, что они "ученные или типа того", и он не знал,где они должны были быть в конечном итоге. Последняя жертва Легарда, Стюарт, должен быть поставлен, как и Кармен Хейс: в портовые склады Галифакса, Новая Шотландия. Группа людей в масках встретились с людьми Легарда и забрали Кармен под стражу – так же они поступят и со Стюартом, полагал Фишер.

"Но зачем? Кому нужны ученые и для чего? И какое отношение они имеют к смерти Питера? Слишком много вопросов и мало ответов, — подумал Фишер. — Возможно, его следующая остановка все исправит".

Фишер подключил СВП и сказал:

— Грим, у меня есть для тебя имя: Кэльвин Стюарт. Я думаю, где-нибудь, можно найти отчет о пропавших без вести. Мне нужно все, что возможно узнать.

— Поняла. Что-нибудь еще?

— Склад в Галифаксе, — Фишер дал ей сведения. — Они погрузили Стюарта на корабль в Бе-Комо́. Это моя следующая остановка. Где Берд?

— Бездельничает на тармакадаме[10] в Сен-Матьё-де-Белёй. Расчетное время прибытия в точки Чарли, десять минут.

— Свяжись с ним, скажи, чтобы готовился к вылету. Я перезвоню.

Фишер отключился, а затем выскользнул за дверь комнаты фехтования и поспешил в коридор к последней двери на восточной стороне, в комнате которой, как предполагала Гримсдоттир, находился только один персональный компьютер. Дверь была не заперта. Внутри Сэм обнаружил частный рабочий кабинет. Свет был выключен, за исключением одной подсветки в потолке, которая отбрасывала тусклую полоску света на пол из грецкого ореха.

Он нашел ПК (мощный "Алиенвар"[11]) на краю стола и подключил USB ОПСАТа в ПК-порт.

— Подключился, — сказал Фишер Анне.

— Поняла. Сканирую... хороший брандмауэр... хороший, но не достаточно. Так, я вошла. Произвожу загрузку.

Прошло тридцать секунд, а затем прозвучало:

— Готово, Сэм.

Фишер отключил USB.

— Я выхожу.

---

[10] **Тармакадам — бетонное дорожное покрытие в несколько слоев, из щебня и дегтя, здесь имеется в виду взлетно-посадочная полоса.**

[11] **Alienware — американская компания, производитель компьютерного аппаратного обеспечения.**

ДВАДЦАТЬ минут спустя он уже незаметно выскользнул из бассейна и спускался по камням к речному порогу для спуска на байдарке. Сэм посмотрел на восток и увидел на горизонте явный признак ало-розового цвета у границы свинцовых туч. Он знал, что это был обманчивый рассвет. Настоящий восход был по-крайней мере четыре часа назад.

"Если небо красно к вечеру, моряку бояться нечего, — подумал Фишер. — Если небо красно поутру, моряку не по нутру".

Это была старая морская поговорка, которая редко подводила. На самом деле, он чувствовал в воздухе запах озона. Приближался дождь.

Зная уже проторенный маршрут проникновения через окружающий поместье Легарда лес, Сэм просто следовал обратному курсу, на этот раз, двигаясь значительно быстрее, останавливаясь чтобы избежать собак и охранников. Спустя час он был у стены. Фишер присел и проверил ОПСАТ, чтобы убедиться в отсутствии собак, затем вызвал коммуникационный экран ОПСАТа, нажал на иконку самолета, затем выбрал из выпадающего меню команды: **ВЫЗВАТЬ** и **ТОЧКА ЭВАКУАЦИИ ЧАРЛИ.** Прошло пять секунд, и Фишер услышал в ухе:

— Понял. Вылетаю. Расчетное время прибытия десять минут. Конец связи.

Фишер перебрался через стену и направился к воде.

13

ФИШЕР лежал на животе, его маска омывалась прибрежными водами реки, в течение четырех минут, оценивая течение и наблюдая, как над вершинами деревьев собираются дождевые тучи, затем он оттолкнулся, проплыл сто метров по каналу и остановился. Течение мгновенно подхватило его, утаскивая вниз. Через три минуты и километр от поместья Легарда, Сэм услышал слабое жужжание двигателей самолета, спустя несколько секунд показалось плоское дно, округлого конусного носа V-22 "Оспрей", вылетающего из тумана вдоль южной береговой линии.

"Оспрей" снизился до шести метров, завис над Фишером, затем накренился, гондолы двигателя разворачивались из горизонтального положения в вертикальное, он замедлил ход и, зависнув, начал медленно смещаться назад, пока его хвост не оказался прямо над Фишером. Хвостовая рампа опустилась, выкатилась смотанная веревка и упала в воду рядом с ним. Фишер зацепился рукой за подвесной хомут и поднял большой палец, где, как он знал, на него была направлена камера ночного видения с высоким разрешением.

"Оспрей" поднялся выше и лебедка начала сматываться.

ПЯТЬ минут спустя, обсушенный, с кружкой кофе в руке, и переодетый в синий комбинезон, Фишер сел на пустое место инженера в задней части кабины и сказал:

— Итак, какое выдалось утро?

Пилот, беспечный южанин по прозвищу Берд, сказал:

— Превосходное, Сэм, а у тебя?

Фишер пожал плечами.

— Обычное. Привет, Сэнди.

Сэнди, второй пилот Берда, она одна из первых женщин, ворвавшихся в это типично мужское общество секретных операций, кивнула Фишеру в ответ.

— Сэм.

Берд был беззаботной персоной, Сэнди же напротив: неразговорчивой и деловитой. Фишеру нравилась Сэнди, однако он мог сосчитать на пальцах, сколько раз он видел ее улыбку. Вместе, Берд и Сэнди составляли гармоничную пару.

В последний вариант команды Берда (инженер/навигатор/грузчик "Оспрея") входил дипломированный вундеркинд из Аннаполиса по имени Франклин. Фишер не был уверен, было ли Франклин именем или фамилией, Берд окрестил его Франко, и оно прицепилось. У него была живая, простая улыбка и он мог играть в сложнейшие судоку, одним полушарием своего мозга и рассчитывать глиссады вторым.

На борту "Оспрея" Фишер был почти как дома, Берд называл его "Лулу" — привилегия капитана, и провел столько же времени на борту, как за рулем своего автомобиля. Представленный как самолет с вертикальным взлетом и посадкой и с укороченным пробегом, "Оспрей" был не только рабочей лошадкой Третьего Эшелона, он применялся для опасного проникновения и для спасательных миссий на "вражеских территориях", и на протяжении многих лет много раз спасал Фишеру жизнь.

— Доброе утро, Франко, — сказал Фишер.

— Доброе утро, сэр, — сказал Франко, нервно улыбаясь. Хотя Берд и Сэнди отрицали, Фишер подозревал, что новичку команды нарасказывали небылиц — что Фишер ест живых утят на завтрак и он виноват в катастрофе дирижабля "Гинденбурга" в 1937 году.

— Берд, как далеко до Бе-Комо? — спросил Фишер.

— Триста двадцать километров. Будешь там через сорок минут.

— Слишком долго, если прогноз Бруно был верен, Стюарта уже должно быть погрузили на борт какого-нибудь судна Легарда, направляющегося с ученым в Галифакс. Им нужно перехватить корабль в море.

Фишер схватил с перегородки наушники, надел на голову и повернул микрофон ко рту.

— Ситуационная комната на второй кнопке, — сказал Берд.

Фишер нажал кнопку.

— Ты там, Грим?

— Здесь.

— Как идут дела?

— Потихоньку. Босс Кэльвина Стюарта сообщил об исчезновении две недели назад. Стюарт физик по элементарным частицам в университете Торонто. Он работает на субсидии от Министерства энергетики США, стараюсь узнать точнее, но Министерство уклоняется от ответов. Что касается судна, то единственное во флоте Легарда, отплытие которого зарегистрировал портовый инспектор Бе-Комо — это сухогруз под названием "Госселина". Судно вышло из порта двадцать минут назад и направляется к проливу Гаспе. В данный момент оно проходит Пуант Де Мон.

Фишер быстро прикинул в уме. К тому времени, как он окажется на палубе "Госселина", будет четыре утра — самая темная часть ночи, и до начала дневного дежурства останется всего несколько часов. Он должен быстро двигаться.

— Все ясно, парни? — спросил Фишер.

— Вас поняла, — ответила Сэнди.

Франко, сидевший через проход от Фишера, уже согнулся над своим откидным столиком, нажимал клавиши навигационного компьютера.

— Сейчас я обновляю твой ОПСАТ чертежами и подробным описанием "Госселины". Я не могу сказать, где они держат Стюарта.

— У меня есть идея, как мы можем это выяснить, — ответил Фишер, а затем пояснил свой план. — Как только я окажусь на борту, мы встряхнем их. Берд, есть идеи, как доставить меня на борт?

— Я могу сбросить тебя в море чуть дальше ...

— Мало времени.

— Или я могу ... — Берд умолк в нерешительности.

— Что? — спросил Фишер.

— Или мы можем испробовать небольшой финт, который мы с Сэнди недолго практиковали.

— И сколько же испытаний вы с Сэнди провели?

— Хватает, чтобы достаточно уверенно сказать, что мы тебя не угробим, — сказала Сэнди.

— Ох, ладно, если достаточно уверенно ... Ладно, давайте-ка выслушаем.

Берд изложил план, и сказал:

— Ты в игре?

Когда Фишер сразу не ответил, Берд насмешливо шлепнул себя по лбу.

— Прости, я забыл, кого спрашиваю. Пойди, вздремни немного, Сэм. Я вызову тебя, когда будем в двадцати минутах.

Фишер вернулся в кабину, разложил одну из раскладушек и растянулся на ней. Он прикрыл веки, чтобы уснуть, однако Сэм знал, что быстро он не заснет, поэтому лежал неподвижно, размышляя и слушая гул двигателей "Оспрея".

"Питер мертв.

До сих пор, пока он не позволил себе остановиться и раскрыть свой разум, достоверное утверждение для него отсутствовало. Сэм ограничился и отбросил все мотивы: держа безжизненную и прохладную руку Питера, отчет о вскрытии, кремация и похороны. Он оградил себя от всего этого — еще один весьма важный навык в этой профессии. Умение ослаблять или отключать вообще любые эмоции, которые отвлекают от работы. Фишер чувствовал укол вины, хотя и неосознанно, рассматривал смерть Питера. Когда это казалось неуважительным и лицемерным, то Сэм мысленно разбирался с чем-то личным.

И что насчет обещания Ламберту? Первым желанием было взять отпуск и лично выследить убийц, и пока что этот позыв все еще остался где-то в голове, Фишер также понимал, что на кону были более важные вещи. Питер скончался от PuH-19 (гидрид плутония-19), вещество настолько смертоносное, что большинство стран Первого мира (даже те, которые неспособны производить ядерное оружие или электроэнергию) запретили его хранение.

Где же Питер отравился? Гримсдоттир говорила, что между последней покупкой Питера на кредитную карточку в Галифаксе и когда его выловили в открытом море Лабрадор, прошла неделя. Пока что наблюдение Гримсдоттир за северо-американскими и европейскими медицинскими сетями не выявил ни одного подобного Питеру случая. Это выглядело, как если бы Питер был единственным, кто подвергся воздействию PuH-19, что в свою очередь предполагало, что это было преднамеренно. Единственные страны, которые не подписали запрет на хранение PuH-19: США и Россия. Однако это не означало, что другие страны не производили PuH-19. И куда это его привело? Остается только один вариант: снова провести расследование Питера по исчезновению Кармен Хейс и надеяться, что оно приведет к источнику PuH-19 и тем, кто за этим стоит.

Так или иначе, куда бы ни привел его след или сколько бы времени это ни заняло, кто-нибудь да поплатится".

— Подъем, Сэм. Твоя цель на радаре. Восемнадцать минут.

Фишер открыл глаза; он не понял, как задремал. Открытая коробочка с эмоциями, в которую он положил смерть Питера, очевидно сработала.

— Я встал.

— Франко возвращается с помощью. Нет смысла волноваться, в этом деле мы используем его как подопытного кролика. Он в этом спец.

Фишер перевернулся вправо и опустил босые ноги на пол, через холодный, шершавый металл он ощутил гул двигателей "Оспрея". У края раскладушки появился Франко и протянул чашку кофе с питательным батончиком, завернутым в обычную белую обертку с черной, нанесенной сбоку, надписью "ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДОБАВКА, ОДНА ШТУКА, С/Н 468431". Батончик был толщиной с запястье Фишера и длиной как книжка в мягком переплете.

Фишер взял его и глянул на Франко.

— Принес добавку к кофе, не так ли?

— Еще один продукт "ДАПРА". Скоро на экранах: табельные батончики "Кит Кат".

Фишер усмехнулся.

— Франко, это была шутка?

— Э-э, ага ... мне так кажется. Тем не менее, я старался. А что, неплохо. Три батончика в день и вы получите все нужные питательные вещества и калории.

"Затем они подсунут обезвоженную воду", — подумал Фишер, уныло ухмыляясь.

— Когда будешь готов, — сказал Франко, — встретимся у рампы.

Фишер допил кофе, проглотил питательный батончик, который, по правде говоря, был вкусным, если до конца не разжевывать, затем надел тактический костюм и прикрепил лямку СВП вокруг горла.

— Проверка СВП, — сказал он Берду и Сэнди.

— Четыре минуты до спуска рампы, — ответил Берд.

Фишер пошел к рампе, где работал Франко, преклонив колено у лебедки.

— Готов?

— Да, сэр. Тот же принцип, как и при быстром спуске, за исключением высоты.

Фишер знал, что это было огромным преуменьшением. Стандартный быстрый спуск в режиме висения вертолета или "Оспрея" выполняется с высоты от пятнадцати до двадцати семи метров. То, что практиковали Берд и Сэнди, все еще находилось на экспериментальной стадии: высотно-динамический быстрый спуск — другими словами, быстрый спуск с высоты от ста двадцати до ста пятидесяти метров над движущейся целью. С этим существовало множество осложнений, главным образом — сила ветра и попадание в цель были двумя сторонами одной монеты. На высоте сто пятьдесят метров сила ветра на неудачника (также называемого червем), болтающегося на конце троса, была значительной и непредсказуемой, часто отводящая червя далеко назад и в стороны от самолета. Другая сторона монеты (попадание в цель) была опасной из-за того, что членов экипажа имеют либо неясное визуальной наблюдение за целью, в случае плохой погоды или темноты, либо его вообще нет.

Берд и Сэнди разрешили эти проблемы при помощи специально разработанного прозрачного обтекателя "Лексан", который должен был подвешен, закреплен, на тросе перед червем. Похожий изогнутый щит носит полиция во время подавления беспорядков, обтекатель снижает ветер и практически полностью уменьшает раскачивание. Проблема с попаданием в цель была решена двумя частями: первая, при помощи беспроводного передатчика, который обеспечивает видеосъемку в реальном времени через очки НВ Фишера прямо на монитор, установленный между Сэнди и Бердом; и вторая, при помощи устройства лазерного целеуказателя, закрепленного на запястье Фишера и указательном пальце, который не только передает желаемую точку приземления, но также и его позицию относительно ее. Что видел Сэм, то увидит и Берд; куда Фишер указывал лазерным целеуказателем, туда и направит "Оспрей" Берд. Сэм должен всего лишь смотреть и направлять, а затем отцепиться над целью.

Быстрый спуск с высоты был направлен на избавление от недостатка обычного спуска: шума. Вертолеты и "Оспреи" были шумными. Ошибиться было невозможно, когда оглушительный гул роторов приближается к вашей позиции на высоте пятнадцати метров над вашей головой, в режиме зависания вертолета для быстрой высадки войск. Для плохих парней шум был вес равно, что тревога раннего оповещения.

Проблема, которая могла осложнить данный спуск, заключалась в том, что судно Легарда, "Госселина", имело мощный навигационный радар с рабочим потолком в двести тринадцать метров. Берду придется проявить то, что Фишер называл "воздушной магией", или как это называл сам Берд — "ловкость крыла".

Франко закончил проверку снаряжения Фишера, затем похлопал ему по плечу.

— Две минуты до спуска рампы. Как ты себя чувствуешь, Сэм? — спросил Берд в наушник.

— Как червяк на ветру.

14

ФИШЕР почувствовал и услышал, что двигатели "Оспрея" замедлились, когда Берд снизил скорость и развернул гондолы на три четверти, чтобы снизить высоту, постепенно перемещая самолет в радарное облако "Госселины".

Фишер знал, что сейчас "Оспрей" должен находиться прямо над судном, в одном из слепых пятен радара — другие образуют кольцо диаметром почти триста метров вокруг корабля на предельно малой высоте, где сигнал радара затеряется в отражении от морских волн.

— Минута до спуска рампы, — прокричала Сэнди в ухо Сэма. — Мы выравниваем стабилизаторы. Приготовься.

Подобно вертолетам для спецопераций "Пэйв Лоу", это поколение "Оспрея" было оснащено блоком стабилизации в режиме висения. Когда он был включен, стабилизатор мог зафиксировать самолет или в определенном месте над поверхностью земли или вести самолет в этой позиции до назначенной цели, в нашем случае — "Госселине", которое покинуло Морской путь Святого Лаврентия и вошло в пролив Гаспе.

— Не опускается, — ответил Фишер.

"Пока что".

Он почувствовал знакомый и желанный трепет предвкушения/адреналина в животе. Он закрыл глаза и замедлил дыхание, сосредотачиваясь. Как и всегда, перед глазами появился образ лица его дочери Сары. Это было ритуалом для Фишера, критерий удачи, который он выполнял перед каждым заданием. Он открыл глаза.

"Соберись, Сэм. Пора работать".

Снаружи, через рев двигателей, он услышал стук расплескивающегося дождя по фюзеляжу.

— Прогноз погоды, Сэнди?

— Небольшие истинные ветра, от трех до пяти узлов с северо-запада; относительная скорость воздуха между нами и палубой цели — от пятнадцати до семнадцати узлов; проливной и затяжной дождь; температура девять градусов по Цельсию.

— Все учтено, — добавил Берд, — прямо-таки прекрасный день.

— Я уверен у них на борту есть кофе, — ответил Фишер. — Если увижу, то раздобуду чашечку.

— Высота сто сорок девять метров. Спуск рампы через тридцать секунд. Мы следуем за целью. По твоей команде, как выйдешь из двери, произойдет направление движения и провисание троса.

Огни кабины погасли, а затем снова засветились дружелюбно-красным светом ночного видения.

— Понял вас, сказал Фишер, и натянул капюшон тактического костюма, затем надвинул очки на глаза. У него в голове назрел вопрос. Он наклонился ближе к Франко, пристегнутого к защитному снаряжению перегородки, и сказал:

— Обтекатель ...

— Новое покрытие "Дождя-Х", по версии "ДАПРА". Вода должна отталкиваться и скатываться.

— Точно.

— Рампа опускается.

Через мгновение Фишер услышал жужжание двигателей рампы. Под сопровождение засасывающего свиста холодного воздуха, кромка рампы отделилась от изогнутого края хвоста фюзеляжа, и показался кусочек черного неба. Рампа продолжала опускаться, затем остановилось, открывшись полностью. Снаружи, Фишер увидел путаницу туч, мелькающих мимо люка; даль, в перерывах между тучами, мерцала огнями; суда двигались туда-сюда по реке Святого Лаврентия, появляясь отдельными пятнышками, города и трассы вдоль Морского пути походили на нити и клубки.

Франко снова похлопал его по плечу и выкрикнул:

— Приступим, как будешь готов.

Фишер кивнул, выполнил окончательную проверку снаряжения, затем развернулся лицом вперед, отошел назад к краю рампы, пока его пятки не висели в воздухе, согнул ноги и отпрянул назад.

По плану, Франко выпускал сто двадцать метров троса, который незаметно в темноте остановит Фишера в тридцати метрах над грот-мачтой "Госселины".

И хотя скорость истинного ветра была незначительной, относительная скорость Фишера при спуске была почти двадцать восемь километров в час, этого было достаточно, чтобы превратить вертикальный дождь в косой, рассекая ливень обтекателем как песок на ветру. Однако, как и говорил Франко, вода отскакивала и стела прежде, чем снизить видимость Фишера. Посредством ремней Фишер чувствовал, как трос гудит под натяжением, подобно порванной струне гитары.

— Трос остановлен и зафиксирован, — сказал Берд в микрофон. — Теперь все зависит от тебя, Сэм.

— Вас понял.

Фишер включил очки НВ и услышал очень слабый, знакомый гул. Все стало серо-зеленым. Под ногами, не более трети футбольного поля вниз, теперь он мог видеть верхушку мачты "Госселины" и серповидную тарелку, медленно вращающегося, навигационного радара.

Фишер нажал кнопку целеуказателя на запястье и вытянул указательный палец, целясь в корму судна. Он выбрал это место для проникновения в основном из-за погоды. В такой дождь, если на корме находился дозор, то, вероятней всего, он или она ушли бы к свисающему навесу на втором уровне кормовой надстройки. Это касается всех, делающих перекур. Сэм переключил очки в режим ИВ и осмотрел корму и надстройку на наличие термальных признаков человеческих форм. Никого не увидел.

"Боже, благослови погоду", — подумал он и снова переключился на НВ.

— Считываю показания указателя ясно, — сказала Сэнди. — Подтверждение назначенной точки цели — корма, средняя линия, шесть метров до кормы.

— Подтверждаю, — ответил Фишер. — Дайте мне восемнадцать метров троса.

— Восемнадцать метров, — повторил Франко. — Сейчас сматываю.

Фишер почувствовал, что падает в воздухе. Теперь он был позади грот-мачты. Практически невидимая из-за дождя, мачта с поперечными балками, появилась в поле зрения и, казалось, свободно возвышалась из темноты. Она поднималась на двенадцать метров над кормой и на шесть метров выше надстройки, практически неподвижная точка средней линии судна.

Фишер почувствовал толчок и остановился.

— Трос остановлен, — выкрикнул Франко.

— Подтверждаю, трос остановлен, — ответил Фишер.

Он снова осмотрел надстройку и корму и снова не увидел ни движения, ни тепловых признаков. Он знал, что нет смысла делать электромагнитное сканирование, при такой близости к навигационному радару "Госселины", все что Сэм увидит — это слепящий вихрь электромагнитных волн, которые на три дня обеспечат ему головную боль.

Он снова переключился в режим НВ. Вдоль надстройки он увидел тускло-желтое свечение, вырывавшееся из рулевой рубки по левому борту и ходового мостика по правому борту, отбрасывая тень на другой борт и одинокую фигуру, стоящую у перил. Наблюдательные посты за правым и левым бортами. Их внимание было сосредоточено вперед.

— Дайте мне девять ... — сказал Фишер.

Он остановился. На корме, открылась дверь надстройки, выявляя прямоугольник красного света. В прямоугольнике стояла тень человека.

— Игнорируйте последнюю команду. Зафиксируйте трос.

— Фиксирую трос.

Фигура замерла на несколько секунд, затем поднесла ладони к лицу. Фишер увидел пламя от зажигалки. Руки опустились, обнажая светящийся кончик сигареты.

— Внимание. Матрос на перекуре, — сказал Фишер.

Фишер болтался в воздухе, слегка покачиваясь на ветру, частично задерживаемый надстройкой судна, целых пять минут, пока, матрос, наконец-то, не докурил, а затем наклонился вперед и захлопнул дверь.

— Чисто, — радировал Фишер. — Подготовка к переброске.

Он услышал от Франко двойное хлюпанье, означающее "Вас понял".

Он осматривал корму для свободной зоны приземления. Туда. Клочок открытой палубы, огражденной швартовой тумбой, размером с бочку, возле перил левого борта и возвышающейся, застекленной рубкой управления кормовой лебедки. Фишер направил указатель в нужное место.

— Считываю расстояние до палубы.

— Двенадцать метров. Приготовиться. Рассчитываю вертикальное отклонение, — ответила Сэнди.

Находясь в кабине, Сэнди при помощи бортового компьютера считывала колебания палубы "Госселины" на волнах.

Ничто не привлечет ваше внимание или забота сломать лодыжки, как приземление на палубу, рвущуюся вам на встречу. Это как оступиться, когда вы думали, что была последняя ступенька на лестнице только чтобы найти еще одну под ногой — только намного хуже.

— Отклонение полметра, Сэм.

"Один метр в любом направлении", — подумал Фишер.

— По моему сигналу, резко сбросьте меня — десять метров.

— Вас понял, — сказал Франко. — Резкий сброс по твоему сигналу на десять метров.

Фишер наблюдал, как под ногами поднималась и опускалась палуба. Уголками глаз, за перилами левого и правого бортов, он видел вздымающиеся, закрученные белые края волн. На долю секунды Сэм ощутил волну головокружения; он сосредоточился на палубе, исключив периферийное зрение.

"Жди ... жди ..."

Палуба поднялась вверх, замерла, затем снова опустилась.

— Сигнал.

Он почувствовал, как живот накренился к горлу, когда Франко быстро смотал кабель. Через полсекунды Фишер резко остановился. Он стукнул по механизму быстрого отстегивания снаряжения, почувствовал что падает, приземлился носками на палубу, опустил плечо и сделал кувырок вправо за швартовую тумбу.

— Внизу, безопасно и чисто.

— Извлекаем кабель.

— Спасибо, что подбросили. — Сказал Фишер. — Я свяжусь, как встряхну их.

— К вашим услугам, босс, — ответил Берд.

Фишер сделал быстрый осмотр НВ/ИВ палубы вокруг себя, затем пригнувшись, побежал к надстройке и прильнул к ней. Прижавшись ладонями к алюминиевой перегородке, он передвигался, пока его плечо не прижалось к косяку люка, в котором он увидел курильщика. Сэм присел на корточки, приоткрыл люк и просунул оптоволоконную камеру. Линзы показали освещаемый красным светом коридор, длиной три метра, и оканчивающийся двойным лестничным проходом: один вел наверх, а другой вниз.

Согласно Гримсдоттир, экипаж "Госселины" насчитывал восемь человек: капитан, первый помощник капитана, рулевой, три грузчика и два инженера.

Было четыре двадцать утра. Большая часть экипажа должна спать, кроме первого помощника капитана, рулевого на мостике и одного инженера на дежурстве в машинном отделении. Важный вопрос состоял в том, кто же, если вообще кто-то, охранял Кэльвина Стюарта? Послал ли Легард телохранителя или двух присматривать за пленником? Скоро он выяснит.

Фишер извлек оптоволоконную камеру, затем вытащил пистолет, открыл наполовину люк, вошел внутрь и закрыл его за собой. Целую минуту Сэм сидел на корточках, прислушиваясь и осматриваясь, пока не убедился, что никого нет, затем зачехлил пистолет.

Он нажал на экран ОПСАТа и вызвал чертежи "Госселины".

Начерченная зеленым на черном экране, схема была полностью трехмерная, а функции ОПСАТа позволяли передвигать, вращать и приближать изображение. Он играл пока не нашел то, что искал: помещения экипажа, второй уровень, передняя часть корабля, прямо под рулевой рубкой.

Фишер подкрался к лестнице и посмотрел вниз — трюм, и ничего не увидел, поэтому он забрался на лестницу и поднимался наверх, пока его голова не поравнялась с палубой выше. Еще один коридор. Этот проход, в котором не было прямого доступа к верхним палубам и поэтому не предоставлялось возможности излучать свет, который суда могли принять за навигационные огни, освещался не красными лампами, а настенными бра, отбрасывающие на потолок и палубу полосы тусклого света.

По-кошачьи Фишер преодолел последние несколько ступенек, и направился в коридор. Он шел, считая двери. Их было десять, по одной на каждого члена экипажа и две свободные. Двери были равномерно распределены перегородками левого и правого бортов, пять дверей с каждой стороны, в центре перегородки левого борта находилась одиннадцатая дверь — шкаф уборщика. Как и опасался Фишер, на перегородках не было табличек, поэтому на то, чтобы найти комнату, в которой держат Стюарта, уйдет больше времени, чем у него есть. Самое время использовать хитрость.

Он направился в конец коридора, остановился перед последней дверью и присел. Из мешочка на голени он вытащил размером с большой палец цилиндр со сжатым воздухом увенчанный шарнирно-соединенной и длинноствольной насадкой, как те, что на банках "WD-40"[12].

Внутри, витающие в сжатом воздухе, были тысячи РЧИ-чипов[13] (радиочастотной идентификации), каждый размером с песчинку, по сути РЧИ — это порошок. Чудеса миниатюризации, первоначально РЧИ-чипы были разработаны для предотвращения убытков в американских розничных магазинах. Каждый продукт получает клейкую метку на которую закреплен РЧИ-порошок и каждых чип (зерно) оснащен 128-битной постоянной памятью, на которую специальным электронным лучом наносится уникальный идентификационный номер. Когда чип или насыпь чипов попадают в радиус действия детектора, считывается идентификационный номер и проверяется: куплен или еще не куплен.

Для Фишера, добрая "ДАПРА" продвинула идею РЧИ-порошка на шаг вперед, во-первых, покрыв поверхность каждого чипа силикатом, который действует как дуршинник[14], и цепляется за все и вся, а во-вторых, прикрепили к каждому зерну внешнюю антенну (крошечная полоска проволоки длиной в сантиметр и толщиной в человеческий волос), которая увеличивает радиус действия передачи до 6 метров.

Как всегда, Фишеру, конечно же, не понравилось официальное название "ДАПРА" для РЧИ-порошка, которое содержало много букв и цифр, подобно неправильно разрешенному уравнению, и назвал его "Прах вуду".

Он направил аэрозольный баллончик на палубу перед дверью и надавил насадку.

Сэм услышал слабое шипение.

Он снова пошел вдоль коридора, останавливаясь у каждой двери, чтобы покрыть палубу перед дверями порошком, дойдя до шкафа уборщика, он развернулся и направился в противоположный конец коридора, и снова повторил процедуру, отступая назад, пока не

---

[12] **WD-40 - торговая марка американского аэрозольного препарата**

[13] **РЧИ - технология передачи с помощью радиоволн информации, необходимой для распознавания (идентификации) объектов.**

[14] **Дуршинник — травянистое однолетнее растение.**

покрыл каждый дверной проход и вернулся к шкафу. Фишер открыл дверь, вошел внутрь и закрылся в нем.

При помощи ОПСАТа, он приближал и вращал чертежи "Госселины", пока экран не заполнил коридор; там, в черном пространстве между двумя условными перегородками, находилось несколько дюжин миниатюрных синих точек, каждая из которых постоянно, едва заметно пульсировала.

Он знал, что каждая точка представляет почти сотню РЧИ-чипов. Точки были разбросаны по коридору, три или четыре на каждую дверь.

— Покраска окончена. Встряхнем дерево, — сказал он по СВП.

— Вас поняла, — ответила Сэнди из "Оспрея". — Кнопка четыре. Десять секунд.

Фишер нажал на экран ОПСАТа, вызывая панель связи, затем переключил наушник на указанный канал. Целых пять секунд ничего, кроме помех слышно не было, а затем голос Сэнди:

— Грузовое судно "Госселина", это канадское патрульное судно береговой охраны "Луисбург", прием.

Тишина.

— Повторяю, грузовое судно "Госселина", это канадское патрульное судно береговой охраны "Луисбург", вы слышите, прием?

— Да, "Луисбург", это "Госселина", мы слышим вас.

— "Госселина", я в координатах ноль-пять-один, четыре морские мили. Подтвердите радиолокационный контакт.

Прошло десять секунд и послышалось:

— Вас понял, "Луисбург", мы видим вас. Чем мы вам можем быть полезны?

На самом деле существовал канадский катер береговой охраны "Луисбург, " и на самом деле он располагался в Гаспе, Квебек, но к незнанию капитана "Госселины", "Луисбург" находился в ста шестидесяти километрах к югу, патрулируя побережье Нью-Брансуика.

В шестнадцати километрах по правому борту "Госселины" на самом деле находилось японское грузовое судно, перевозящее DVD-плееры и плазменные телевизоры в Монреаль.

— "Госселина", вы находитесь в канадских территориальных водах. Лягте в дрейф и приготовьтесь к проверке.

— Эм ..."Луисбург", мы грузовое судно, порт приписки — Монреаль и направляемся в Галифакс. Могу я спросить причину проверки?

— "Госселина", лягте в дрейф и приготовьтесь к выборочной проверке, — резко повторила Сэнди. — Подтвердите согласие, прием.

— Вас понял, "Луисбург". Ложимся в дрейф. Конец связи…

"Отлично сыграно, Сэнди", — подумал Фишер.

Теперь, сделав встряску, пришло время посмотреть на результат. Если Стюарт был на борту и не был припрятан в укромных уголках судна и закоулках, то угроза Сэнди об абордажной вечеринке, наверняка вспугнет охранников, чтобы переместить его.

Фишер осторожно высунул оптоволоконную камеру из панели жалюзийного типа в нижней части двери и переключился на вид "рыбий глаз", чтобы видеть оба конца коридора.

Спустя две минуты активности не наблюдалось. Затем он услышал топот ног, спускающихся вниз по лестнице, где-то впереди и выше. Топот становился громче, пока звук шагов не вошел в проход за дверью Фишера. В передней части коридора появился человек. Фишер нажал ЗАПИСЬ на экране ОПСАТа, переключил линзы камеры на обычный вид и повернул ее так, чтобы сфокусироваться на человеке, который шагал по коридору. Тот остановился у четвертой двери по правому борту, скользнул ключом в замок, а затем толкнул дверь. Фишер услышал приглушенные голоса, затем крик, какую-то возню. Появилась та же фигура, теперь уже с пистолетом в правой руке и охапкой воротника Стюарта в левой. Руки Стюарта были связаны клейкой лентой спереди. Его захватчик то волок, то вел Стюарта по коридору, а затем они исчезли вниз по лестнице.

Фишер вытащил оптоволоконную камеру и изучил экран ОПСАТа. Большинство синих РЧИ-точек остались в коридоре, но четыре (почти четыре сотни чипов) сделали свою работу и прицепились к обуви захватчика Стюарта. Точки перемещались в корму и вниз.

"Да здравствует «Прах вуду»", — подумал Фишер.

Он перемотал видео оптоволоконной камеры туда, где похититель Стюарта вошел в коридор, затем, манипулируя временной шкалой и перематывая вперед-назад, пока он не добился чистого, хорошо освещенного изображения мужского лица.

— Ну, это неожиданно, — прошептал Фишер.

Лицо на экране было азиатским — корейским, если он не ошибался.

15

— Согласен, — произнес Ламберт в микрофон Фишера. — Это неожиданно.

Фишер сжал видео с оптоволоконной камеры и отправил в Третий Эшелон через зашифрованную пакетную передачу. Гримсдоттир быстро выделила лицо корейца, вытащив стоп-кадр из видео, и теперь пропускала его через базу данных АНБ (которая охватывала ЦРУ, ФБР, Национальную безопасность и Иммиграционный контроль) в поисках совпадения.

— Ты отслеживаешь их? — спросил Ламберт.

Фишер проверил ОПСАТ.

— Ага, погоди-ка ... Они остановились.

Пока он смотрел, скопление синих точек, обозначающих Стюарта и корейца, разделилось на две части, одна стояла неподвижно, а вторая двинулась вперед, в направлении мостика.

— Хорошо, я полагаю, что они его где-то оставили. Нужно выдвигаться. Сэнди предоставит мне двенадцать минут, прежде чем снова их поприветствует. Не могу знать, переместят ли они его снова, но предполагаю, что да.

— Согласен, — сказал Ламберт. — Пошел.

На ходу приближая и передвигая чертежи "Госселины", Фишер следовал скоплению РЧИ Стюарта тремя палубами ниже и глубже в недра судна, а затем в грузовую часть кормы.

Он оказался у входа в длинный, темный коридор, огражденный с обеих сторон контейнерами с лебедками для поднятия грузов, каждый размером с дом на колесах, а на двери, размером три на три метра, навесный замок.

Сэм рывком надел очки и переключил на НВ, а затем последовал за сигналом в конец прохода и остановился перед последним контейнером с левого борта. По схеме, синее скопление устойчиво пульсировало по другую сторону двери.

Фишер опустил колено перед дверью и приступил к работе.

Навесной замок был сложный, сопротивляясь отмычкам целых две минуты, прежде чем со щелчком открыться.

Он зацепил замок за пояс, вытащил пистолет и прижался к контейнеру, напротив петель. Ногой он распахнул дверь и выглянул за угол.

Там, скрючившись на полу металлического контейнера, находился Стюарт. Он выглядел спящим, как только Фишер вошел, Стюарт заныл и сильнее сжался в клубок, касаясь лбом коленей. Его трясло.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста ... — бормотал он. — Оставьте меня в покое.

"Боже правый", — подумал Фишер.

Он закрыл дверь, опустился на колени и поднял вверх свои очки. Сэм нажал кнопку на снаряжении, и возник светодиодный свет, отбрасывая на все еще скрученного в шарик Стюарта пятно света.

— Мистер Стюарт.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста ...

— Мистер Стюарт, — более твердо повторил Фишер. — Я здесь, чтобы помочь вам.

Стюарт перестал трястись. Он расплющил веко и покосился на Фишера.

— Что?

— Я здесь, чтобы помочь вам.

— Кто вы? Что происходит?

Фишер знал, что это будет трудная беседа. Ему нужно было, чтобы Стюарт сотрудничал, и он не мог рисковать, вытаскивая его с судна. Этот человек был единственным звеном к Кармен Хейс; а она — к тому, что привело к смерти Питера и, в свою очередь, к PuH-19. Эту цепочку Фишер не мог позволить разорвать.

Он вкратце обдумал вариант использования "Пробки", однако Стюарт был довольно измучен, как физически, так и морально. "Пробка" могла превратить его в овощ. Итак, как же убедить Стюарта оставался пленным, в том, что походило на его представление ада, хранил молчание, и играл роль человеческого маячка, пока Фишер старался собрать мозаику воедино? Это было сложно сделать. Сэм решил играть на чистоту.

— Мистер Стюарт, мне нужна услуга. Могу я звать вас Кэльвин?

— Что? — ответил Стюарт. — Что, да, хорошо, конечно. Вы ведь вытащите меня отсюда, да? Идемте ... сейчас, прежде чем они вернутся.

— Кэльвин, от вас требуется такая услуга: мне нужно, чтобы вы остались здесь, будьте настороже и прикиньтесь тупым.

— А?

— Люди, похитившие вас, также выкрали женщину несколько месяцев назад. Как и вы, она ученый.

— Мне жаль, правда, но я не могу ...

— Если я вытащу вас с этого корабля, эти люди ...

— Мне все равно, что сделают или не сделают. Вытащите меня отсюда.

— Говорите тише, Кэльвин. Вы же физик, не так ли?

— Ага ...

— Вы знаете, что такое PuH-19?

— Лицо Стюарта изменилось, его глаза и губы сузились.

— Ага, я знаю, что это такое.

— Мы полагаем, что кто-то, связанный с похитившими вас людьми и другого ученого, имеет какое-то количество PuH-19. С его помощью они уже убили человека. Мы не знаем, сколько его у них или что они планируют с ним делать. Возьмите кофейную банку, наполненную этой штукой, и распылите в городе... Ну, вы знаете, что произойдет.

— Ага.

Пока Фишер смотрел, кое-что любопытное произошло с лицом Стюарта. Коже вернулся цвет, и напряглись скулы. Он сделал глубокий вдох и сказал:

— PuH-19. Вы уверены?

Фишер кивнул.

— О, Боже, — скрипя голосом, ответил Стюарт. — Боже правый, этого я и боялся.

— Если бы вы смогли продержаться чуть дольше, мы бы сложили все воедино и выследили бы этих людей. Но это произойдет, только если вы останетесь здесь и благополучно доплывете. Я знаю, это дерьмовая сделка, и поверьте мне, если бы я мог поступить иначе, я бы так и сделал. Вы сможет сделать это?

Стюарт сглотнул, колеблясь, а затем кивнул.

— Да, я сделаю это. Но с условием.

— Каким?

— Не забудьте прийти за мной, а?

Фишер улыбнулся.

— Даю вам слово.

Фишер проверил часы. Время истекло. Он поднял палец, чтобы тот помолчал, затем сказал в СВП:

— Сэнди, говори со мной.

— Японское судно в трех километрах по правому борту от "Госселины". Нам лучше действовать сейчас, прежде чем подойдут достаточно близко для визуального контакта. Если это произойдет — все пропало.

— Действуй.

Фишер отключил связь и, развернувшись к Стюарту, сказал:

— Через несколько минут они могут вернуться и вернуть вас в каюту. Если это произойдет, я разыщу вас.

— Хорошо.

— Скоро вернусь.

Фишер выскользнул из контейнера и, крадучись, направился в дальний конец прохода. Он установил "Липкое ухо" у входа, выставил в ОПСАТе "Липкое ухо" — **ТРЕВОГА ПРИ ПРИБЛИЖЕНИИ К ПРОХОДУ**, затем вернулся в контейнер. В микрофоне услышал голос Сэнди:

— Грузовое судно "Госселина", это канадское патрульное судно береговой охраны "Луисбург", прием.

— "Луисбург", это "Госселина", вас понял, прием.

— Информирую, "Госселина", нам было приказано прервать проверку и оказать помощь в поисковой и спасательной операции. Вы свободны; следуйте курсу, прием.

— Э ... вас понял, "Луисбург", следую курсу. "Госселина", конец связи.

Фишер снова переключился на основной канал и сказал:

— Отличная работа, Сэнди.

— К вашим услугам. Готовимся к эвакуации.

Фишер сел рядом со Стюартом.

— Я установил сигнал тревоги; если они вернутся, я об этом узнаю.

Стюарт кивнул.

— Что ты можешь мне рассказать, Кэльвин? Кто такой кореец?

— Я не знаю.

— Когда ты впервые его встретил?

— Здесь на борту. Они держали меня где-то взаперти, я не знаю где. Похоже, что недалеко от воды. Они надели мне на голову шапку.

— Ранее, когда я упомянул PuH-19, вы сказали: "Этого я и боялся". Что вы имели в виду?

— Тот парень — кореец, наверное — спрашивал меня о PuH-19 ... о его свойствах... мой опыт в работе с ним, все в таком роде.

— И?

Стюарт колебался.

— Не знаю можно ли ... вы понимаете. Засекреченный материал. Простите.

— Ладно. Я выясню.

Гримсдоттир выяснит.

Фишер предполагал, что это было исследование оружия.

— Но, достаточно сказать, вы эксперт по PuH-19?

— Ага. Хотел бы, чтобы нет, однако да.

"Странная парочка", — подумал Фишер.

Гидрогеолог и физик в области элементарных частиц, вероятно, специализирующийся на исследованиях оружия, связанных с PuH-19. Что у них общего? На первый взгляд, специальность Кармен Хейс в сочетании со знаниями Стюарта о PuH-19, наводит на мысль, что кто-то планирует ввести PuH-19 в водоснабжение, однако для этого гидрогеолог не нужен.

Одним из основных источников питьевой воды Нью-Йорка было незащищенное и в основном неохраняемое водохранилище Ашокан в горах Катскилл, и такова история была для большинства городов США, больших и малых. Хитрость заключалась в том, чтобы найти достаточно смертельный токсин, который сохранится при растворении; несомненно, PuH-19 подходил.

Итак, снова, почему эти двое ученых? Что же общего в их специальностях, что сделало их целью похищения.

В любом случае, это звучало так, как будто бы корейский похититель Стюарта просто изучал уровень его знаний. У Стюарта не было признаков физического насилия, это указало Фишеру на то, что кто бы не схватил Стюарта, нуждался не просто в знаниях; он был нужен им живым. Они нуждались в его практическом опыте для чего-то реального.

Фишер не хотел думать, что это могло бы быть.

16

ТРЕТИЙ ЭШЕЛОН, СИТУАЦИОННАЯ КОМНАТА

— ЕСТЬ совпадение, — сообщила Гримсдоттир, проталкивая дверь ситуационной комнаты. Она направилась к конференц-столу, где сидели Фишер, Ламберт и Уильям Реддинг, доверенное лицо Фишера и полевой оператор. Что касается Реддинга, то он играл роль фри сэйфти: изучение, оружие и снаряжение, в целом — генератор идей. Телогрейка, чехол для ручек в кармане и очки с роговой оправой, которые были такими же древними, как и Фишер, были его повседневной униформой. Хотя Фишер никогда ее не видел воочию, личная библиотека книг Реддинга (современных и секретных), по слухам, превышала двадцать тысяч.

Было восемь часов вечера и пространство освещалось только группой темно-синих подвесных светильников над столом; мониторы и информационные панели были выключены.

Гримсдоттир села напротив Фишера и торжественно шлепнула бумажную папку на стол перед Ламбертом.

Проблеск в ее глазах говорил:

— Получите!

Ничто не доставляло Грим удовольствия, чем всевозможные технически сложные задачи. Очевидно, отыскать имя в соответствии с корейским лицом, которое Фишер сфотографировал на борту "Госселины", заставило Грим попотеть.

Ламберт открыл папку и просмотрел ее содержимое.

— Чин-Хва Пак, — заявил он. — Якобы сотрудник Северной Кореи, однако, ЦРУ зафиксировало его как оперативника ИДВР.

Исследовательский департамент внешней разведки был главным иностранным разведывательным собранием агентств Северной Кореи. Наряду с Департаментом связи, которому было поручено проведение разведопераций против Южной Кореи и Японии, ИДВР контролировался Генеральным кабинетом разведывательного бюро центрального комитета корейской Трудовой партии.

Внутренняя безопасность в Северной Корее была возложена на Министерство общественной безопасности (МОБ) и Департамент государственной безопасности (ДГП). Последний управлялся непосредственно самим Ким Чен Иром, и специализировался на политическом шпионаже; наблюдение за гражданами, государственными должностными лицами, и гостями города; мониторинг систем коммуникаций, включая телевидение, радио и прессу.

В Северной Корее Фишер был пять раз, и он считал, что пять раз ему повезло вернуться.

— Итак, за похищениями Хейс и Стюарта стоит Северная Корея, — сказал Реддинг, — нужно предположить, что она уже там и Стюарт направляется именно туда.

— Было бы лучше, если бы этого не произошло, — сказал Фишер. — Если ты прав и Кармен там, то добраться до нее, не говоря о том, чтобы вытащить ее, будет сложно. Грим, где сейчас "Госселина"?

При помощи дистанционного пульта Гримсдоттир включила сорока двух дюймовый ЖК-экран, затем нажала кнопку. Экран сменился на изображение со спутника восточного побережья Канады: Квебека, Новой Шотландии и Ньюфаундленда, а также залив Святого Лаврентия и пролив Гаспе, где Фишер поднялся на борт "Госселины".

Пульсирующий красный треугольник с примечанием "ГОССЕЛИНА" находился в проливе между полуостровом Гаспе и островом Антикости.

— Похоже, что по-прежнему направляется в Галифакс, — сказал Фишер.

Гримсдоттир кивнула.

— Если она останется на прежнем курсе и с той же скоростью, то через двадцать девять часов она должна пришвартоваться на складе Легарда.

— Маячок, который закрепил Фишер, все еще активен? — спросил Ламберт.

Перед тем, как покинуть Стюарта, Фишер закрепил на нем маячок дальнего радиуса действия: накладной, клейкий ноготь со встроенным чипом. Ни по дальности действия, ни по устойчивости "Прах вуду" не подходил.

— Мощный и четкий. Он все еще на борту, — ответила Гримсдоттир.

"Смелый", — подумал Фишер, вспоминая, как изменился Стюарт после упоминания о PuH-19.

В течение десяти секунд он превратился из скулящего человека в решительного крота. Также Фишер не забыл свое обещание вернуться за Стюартом. В чем Сэм сомневался — сможет ли он сделать это до того, как Чин-Хва Паку удастся переправить ученого в Северную Корею.

Ламберт обратился к Фишеру.

— Сэм, поезжай домой, поспи, затем возвращайся к подготовке и брифингу. Мы хотим, чтобы ты был на складе Легарда до того, как "Госселина" причалит.

Фишер кивнул и начал подниматься. На подлокотнике Ламберта зазвонил телефон. Ламберт поднял трубку, слушал несколько минут, затем пробурчал: "Спасибо", и повесил трубку. Он обратился к Гримсдоттир:

— Включи MSNBC, Грим.

Она снова использовала пульт. Рядом со спутниковым изображением включился ЖК-экран.

— ... сообщения обрывочны, — сообщал ведущий MSNBC, — однако, похоже, что в столице Кыргызстана Бишкеке происходят военные действия. По словам корреспондента BBC на месте происшествия, около часа назад город попал под минометный обстрел. Есть видео ...? Да, мне сказали, что видео есть, любезно предоставленное BBC ...

Экран сменился дневной картиной того, что Фишер полагал было Бишкеком. Оператор BBC находился на крыше, перемещая камеру параллельно городскому пейзажу, пока говорил корреспондент. В десятках мест по всему городу виднелись столбы черного дыма. Вдалеке заливались сирены, и гудели машины, гремело как от нервных водителей, так и от сигнализаций.

— Это весьма концентрированные удары, — говорил корреспондент. — Я бы сказал, не типичный минометный обстрел. Я бывал в Афганистане и Ираке во время подобных атак, поэтому я уверен, то, что мы наблюдаем — минометный обстрел, поразительная точность...

Камера продолжала плавно перемещаться, затем остановилась и начала двигаться обратно, уделяя особое внимание находящейся в километре отсюда соседней улице, на которой горело нечто похожее на бронетранспортер, из его верха струился гейзер черного дыма.

— Там ... подбитый БТР. Джонни, можешь приблизить ...

Камера приблизилась.

— Смотрите туда, вокруг машины нет видимого кратера. Должно быть прямое попадание.

На мониторе, группа людей, в основном женщины и дети, ринулись через улицу перед БТР и пропали в соседнем переулке. Чуть ближе, бортовой грузовик, набитый солдатами, выехал из-за угла, объехал горящий БТР, затем снова повернул и исчез из вида.

— Правительственные войска в данном месте ведут борьбу, — продолжал корреспондент, — однако пока что мы не слышим звуков стрелкового оружия, и не наблюдаем ближнего боя. Тем не менее ....

— Приглуши звук, — сказал Ламберт.

Гримсдоттир так и сделала.

— Снова понеслось.

Начиная с марта 2005 года, когда президента Аскара Акаева выгнали из офиса, Кыргызстан стал политической пороховой бочкой, в то время как различные фракции: экстремальные и умеренные, религиозные и мирские сражались за контроль над страной. Стратегическая важность Кыргызстана, в качестве одного из центрально-азиатских "станов", восседавшего на вершине, вероятно, одного из самых больших в мире неиспользованных месторождений нефти, для США была неизмеримой. Вот почему в конце 2005 года, после того, как признаки возрождения Талибана в Афганистане стали несомненны, и умеренное правительство, в конце

концов, взяло под контроль правительство Кыргызстана, администрация Буша начала вкладывать деньги и ресурсы в Бишкек.

Все изменилось весной следующего года с массовым восстанием, разожженным Хизб ут-Тахриром, в котором похожий на Распутина уйгурский военачальник по имени Болот Омурбай захватил власть и объявил Кыргызстан Исламской республикой. Правление Омурбая, которое практически превратило Кыргызстан в похожую на Талибан страну, длилось менее года, прежде чем умеренная повстанческая армия, поддерживаемая американскими и британскими материалами, деньгами и советниками, свергла Омурбая, отправив его вместе с его бегущей армией в горы. Спустя три месяца Омурбай был схвачен, осужден и казнен; его армия рассеялась.

— Если парни из BBC правы, — сказал Реддинг, — и это был минометный обстрел, кому-то нужно жать волшебную кнопку. Существует всего несколько способов, при помощи которых они (кем бы они ни были) могли добиться такой точности: визуальное наблюдение с земли для измерения и зарисовывать карту целевых точек или связанные со спутником, программно-управляемые минометы.

— В любом случае это плохие новости, — согласилась Гримсдоттир.

Если повстанцы на самом деле так основательно внедрились в правительство Кыргызстана, что имеют идеально точные координаты в столице, значит, основы правительства уже рушатся. Что еще хуже, если Реддинг прав и мятежники заполучили современное вооружение, то вероятнее всего в их распоряжении было куда больше, чем точные минометы. Это означало, что у них были деньги, ресурсы и спонсор, заинтересованный в исчезновении умеренного правительства Кыргызстана. А США, глубоко укрепившиеся в Ираке и Афганистане, было не в состоянии помочь. Хорошими новостями было то, что большая часть нефтяных запасов Центральной Азии еще не использовались, поэтому киргизские экстремисты могли вмешаться в небольшую инфраструктуру, не тормозя движение нефти. Тем не менее, так было не во всех станах. Наибольшим опасением Запада было то, что страна, подобная Кыргызстану, попадет к экстремистам и затем запустит в регионе эффект домино.

— Ну, — сказал Ламберт, — сейчас, эти плохие новости адресованы кому-то другому. Для нас, PuH-19 по-прежнему отсутствует. Сэм, давай-ка возвращайся сюда через четырнадцать часов. Тебя будет ожидать судно.

17

ГАЛИФАКС, НОВАЯ ШОТЛАНДИЯ

Имея в запасе свободное время, Фишер воспользовался последним ночным частным рейсом из Бостона в Галифакс и приземлился вскоре после полуночи в Международном аэропорту Стэнфорда. Проходя по телескопическому трапу, он включил мобильный телефон; от Гримсдоттир пришло смс:

ПОЗВОНИ МНЕ. СРОЧНО.

Фишер набрал номер, она ответила со звонка.

— Изменение планов, — сказала она без вступлений, — "Госселина" осуществила внезапную остановку в Майкод Пойнт — южный край острова Кейп-Бретон.

— И?

— И они перемещают Стюарта. Похоже, что небольшая лодка доставила его на берег.

— Проклятье.

Самый короткий маршрут в Майкод Пойнт был в двухстах пятидесяти километрах к северу от Галифакса; по дороге километров на восемьдесят больше.

— Есть ли у нас там какие-либо активы? — спросил Фишер.

— Один, но он всего лишь источник информации. К тому же, старый друг.

— Есть ли поблизости какие-либо аэропорты или взлетно-посадочные полосы?

— Взлетно-посадочная полоса, но она в основном предназначена для небольших самолетов и внутренних перелетов. Если они хотят вывести Стюарта из страны, им лучше снова воспользоваться судном или доставить его в частный аэропорт. Я добавила Стюарта и Пака в список наблюдения: только наблюдать и докладывать, без приказа не задерживать. Если они направятся в аэропорт, мы об этом узнаем.

— Хорошо.

— Как скоро ты сможешь ...

— Берд и Сэнди уже в пути. В Энфилде есть взлетная полоса, в пяти километрах к северу на один градус две минуты. Я уже в пути.

НОВАЯ ШОТЛАНДИЯ, ОСТРОВ КЕЙП-БРЕТОН, ГРАНД-РИВЕР

К этому времени, отслеживающие устройство Стюарта привело к берегу и остановилось на месте, напоминающее пустынную пересеченную местность на южном побережье Кейп-Бретона, до рассвета оставалось всего несколько часов, поэтому по просьбе Фишера, Ламберт отменил миссию. Прежде чем Фишер мог отследить Стюарта и Пака и выяснить, чем же они занимались, ему нужно было оценить характер местности. Согласно карте Фишера, в радиусе сорока восьми километров к северу не было никаких городов или сел между Гранд-Ривер и Форчу.

Контакт Гримсдоттир, старый приятель по колледжу, писателем истории по имени Роберт Э. Робинсон — РЭТ — как называла его Грим, проживал со своей тридцати пятилетней женой Эмили в Бухте Солджерс недалеко от Гранд-Ривер.

Робинсон, эксперт по ближневосточной политике, которого ЦРУ продолжало нанимать в качестве консультанта, также, несмотря на канадское происхождение и гражданство, был выдающимся экспертом по малоизвестным вопросам истории острова Кейп-Бретона.

— Он может заинструктировать тебя до смерти, сделать лазер из твоего мобильного, и читать непонятную научно-фантастическую ерунду, пока кровь не хлынет из твоих ушей, — сказала Гримсдоттир.

— Странные профессии у парня, — сказал Фишер.

— И он знает, как держать рот на замке. Ты можешь ему доверять.

Первым порывом Фишера было просто следовать за маячком Стюарта и лично заниматься наблюдением, но, похоже, что к тому времени Стюарт и Пак направлялись неизвестно куда, а за годы Фишер на своей шкуре познал правило "шести П", нерушимых законов природы: Правильная Предварительная Подготовка Предотвращает Провал Проекта.

Лучше знать заранее, куда он направляется, прежде чем он нырнет головой вперед.

Фишер нашел трехэтажный дом Робинсона, построенный в викторианским стиле, к заднему двору с двух сторон к зданию примыкали лошадиные пастбища и бухточка с другой стороны, на окраине Бухты Солджерс с населением 101 человек. Было восемь утра, и туман все еще цеплялся за траву и низко растущие кусты. Он толкнул калитку деревянного забора и направился по тропинке из гравия к входной двери. Когда Сэм поднимался по ступенькам крыльца, дверь открылась.

Человек в инвалидной коляске с красным клетчатым одеялом коленях выехал на крыльцо.

— Только не говорите мне: вы, должно быть, Сэм без фамилии.

Фишер улыбнулся.

— Должно быть. А вы, должно быть, Роберт "РЭТ".

— Ха! Видимо Анна снова рассказывала байки со школы.

Робинсон обладал искренней улыбкой и взрывным смехом.

— Проходите, проходите. Кофе готово.

Фишер следовал за ним по отделанной деревом прихожей на кухню в стиле кантри, доведенной до совершенства печью "Наполеон". Робертсон пересек кухню и съехал на кресле по двум небольшими ступенькам в застекленную террасу. Фишер занял указанное место.

На востоке поднималось солнце, идеальный оранжевый диск повис над лошадиным пастбищем задней части имущества Робертсона. Группа лошадей паслась у забора, их дыхание испарялось в воздухе.

— Неплохое начало нового дня, не так ли?

Фишер сделал глоток кофе и кивнул.

— Та и есть.

— Итак, — начал Робертсон, — Анна сказала, что вы грозный парень и ни в коем случае мне не стоит вам перечить, если я дорожу своей жизнью.

Фишер уставился на него.

— Нет, не говорила.

— Нет, не говорила, но просила сказать, что говорила.

— Ох уж эта Анна.

— Она такая. Перейдем к делу: вы разыскиваете человека; он находится где-то между здесь и Форчу. Не могли бы вы мне показать точнее?

Фишер вытащил из кармана кпк "Палм Пайлот", включил и вывел на экран карту. Маячок Стюарта был обозначен миниатюрным красным кружочком. Он показал Робинсону и тот нахмурился.

— Широта и долгота, пожалуйста?

Фишер понажимал стилусом на экран, изменяя наложение карты.

— Насколько точен маячок, я имею в виду это место, на карте? — Спросил Робинсон, слегка улыбаясь.

"Сильно не промахнешься", — подумал Фишер.

— Плюс-минус метр.

— А, радости технологий. Все дело в физике, понимаете, все дело в физике.

— Прошу прощения? — сказал Фишер.

Однако Робинсон уже не слушал. Из сумки под сиденьем он вытащил ноутбук "Гейтуэй", который был уже включен. Бормоча под нос координаты широты и долготы, он набрал "Карты Гугл".

— Бич Национального управления военно-космической разведки США, знаете ли, — сказал он Фишеру. — Теперь все могут играть в их игру.

Затем он ввел координаты и принялся изучать изображение со спутника.

— Как я и думал, — сказал Робинсон.

— Что?

— Ваша жертва, Сэм мой новый друг, в Маленьком Бишкеке.

"Бишкек".

Упоминание Робертсоном этого слова было настолько неожиданным, что на несколько секунд Фишер призадумался, обрабатывая то, что услышал.

— Бишкек. Как и столица Кыргызстана?

— Да, сэр. Тот Бишкек. Бишкек, о котором мы говорим, в разгаре очередной гражданской войны. Вы верите в совпадения, Сэм?

— Нет.

— Я тоже. Однако это еще не самые худшие новости. Ваш маленький красный кружочек здесь, если координаты точны, не просто в Маленьком Бишкеке, он внутри стен Ингониша.

— И что это означает?

— Обитель (на самом деле замок-крепость) мэра, генерального, главного инфорсера и короля Маленького Бишкека, Толкуна Бакиева

— Начни лучше сначала, — сказал Фишер, — и расскажи мне небольшую предысторию.

— Еще в семидесятых, предприимчивая группа кыргызских семей, специализирующаяся на преступности различного рода, почувствовала себя нежеланной в Бишкеке. В то время, прежде чем они приехали в Афганистан, Советский Союз серьезно взялся за введение пролетарских принципов в станы, включая Кыргызстан, помогая правительству Бишкека расправиться с недружелюбной мафией рабочего класса. Боссы, последователи и прочие бандиты стали исчезать и умирать налево и направо.

— Понимая, что им не совладать с Советским медведем и будучи более заинтересованными в прибыли, нежели в принципах, остатки кыргызской мафии собрали палатки и эмигрировали в поисках лучшей жизни. Некоторые направились в Европу, некоторые в Австралию, некоторые в Америку, однако одна семья — клан Бакиева — приехали в Новую Шотландию. Остальные семьи потерпели неудачу, распались, а в иных случаях были уничтожены местной

организованной преступностью или правоохранительными органами, но Бакиевы действовали разумно. Они отыскали захудалую и практически необитаемую деревню на побережье Кейп-Бретона, поселились в ней, взяли под контроль местную торговлю рыбы и шесть-семь лет просто приспосабливались и рожали детей, тем временем притягивая других странствующих кыргызстанцев.

— Однажды старший Бакиев (отец Толкуна) расценил, что их группа освоилась должным образом, и они по-тихому обратили городок на старые пути организованной преступности. Теперь они специализируются в основном на контрабанде товаров черного рынка, от подделок iPhone до Гуччи, которые переправляют судами в США. Никто в действительности не знает, каково влияние Толкуна за пределами Маленького Бишкека, но с момента основания города, ни одному внешнему агенту по земельной собственности не удался туда набег. Это дружное сообщество, Сэм, и они это не гостеприимный вид. Видел вестерны, когда незнакомец входит в салун и музыка останавливается и все таращатся на него?

— Ага.

— Это похоже на то, как будто вы едите по Маленькому Бишкеку. Останавливаетесь на чашку кофе, и за вами следят сотни глаз, пока вы не пересечете окраину города. Они точно не недружелюбны, однако, если вы не кыргызстанец, вам лучше не покупать квартиру.

— Я понял.

— Я искренне на это надеюсь, Сэм. Если вы планируете вытащить его из Маленького Бишкека, а они не желают с ним разлучаться, то шансы не в вашу пользу.

Фишер, уставившийся на бегущих по пастбищу лошадей, медленно кивнул, затем повернулся к Робинсону и решительно улыбнулся.

— Я люблю трудности.

18

МАЛЕНЬКИЙ БИШКЕК

Через два часа после заката, когда ночь полностью опустилась над побережьем, Фишер свернул на юг от главной дороги южного побережья Кейп-Бретона — Сент Питерс Форчу, на извилистую грунтовую дорогу, которая привела его на пляж. Он припарковался на гравийной стоянке с подветренной стороны песчаной дюны, выключив фары и двигатель.

Несколько минут Сэм сидел неподвижно, прислушиваясь к треску остывающего двигателя, и наблюдая, как над морем собираются тучи.

Менее чем через час здесь пойдет дождь и для предстоящей миссии он предоставит свои испытания: дождь приглушит звук, сгустит тени, а тучи скроют луну, которая вызывала наибольшее опасение.

Зазвонил мобильный. Он посмотрел на вызывающий его номер, затем нажал кнопку **ПРИНЯТЬ** на блютус-гарнитуре.

— Привет, Грим.

— У меня полковник на линии, Сэм.

— Добрый вечер, Полковник.

— Я так понимаю, тебе удалось найти себе крепкий орешек.

— Это мой дар.

Различие между личной картой Робинсона, книгами, непосредственным знанием местности и компьютерным исследованием Грим состояло в том, что за последние десять часов они построили впечатляющий профиль дома Толкуна Бакиева — форт, именуемый Ингониш.

Ингониш, названный в честь северной вершины острова, был построен французами в 1740 и следующие восемнадцать лет десятки раз переходил из рук в руки, когда французы и британцы сражались в первой Семилетней войне, а затем в Войне короля Георга. Предназначенный как осадный форт, чтобы защищать устье Гранд Ривер, Ингониш никогда не видел сражений как и не получил свое место в книгах по истории, получив в середине девятнадцатого века прозвище "Забытый замок".

Выйдя из дома Робинсона, Фишер сразу же запросил отчет о связи Кыргызстана. Как и Фишер, Ламберт не верил в совпадения и немедленно поручил Гримсдоттир и Реддингу задание отыскать связи — любые, даже незначительные, прояснявшие связь между Кармен Хейс, гидрогеологом; Кэльвином Стюартом, физиком по элементарным частицам; Чин-Хва Паком, шпионом ИДВР Северной Кореи; и PuH-19, убившим Питера. Все были кусочками, возможно,

одной и той же головоломки, однако пока что не было намека, насколько большую картину они могут образовать.

Однако сейчас, Фишер должен был сосредоточиться на поставленной задаче: проникновении в Ингониш.

— Твой ОПСАТ полностью загружен, — сказала Гримсдоттир. — Проблема в том, что замок не был туристической достопримечательностью на протяжении двадцати лет, с тех пор, как его приобрел Бакиев, поэтому у нас нет свежих снимков. Хорошая новость: эта штука, в основном, сделана из камня, так что парень не смог бы сделать значительную перестройку. Из библиотеки Робинсона и тем, что мне удалось вытащить из Интернета, мы собрали неполный чертеж помещения. Есть пробелы, так что действуй по обстоятельствам.

— Одна из моих специальностей, — ответил Фишер.

— Сэм, правила те же, — сказал Ламберт. — Нам необходимо сохранить этот канал связи открытым, особенно, если, в конце концов, это приведет к Кыргызстану.

"А трупы могут засорить каналы", — подумал Фишер.

— Понятно. Я знаю, ты уже, вероятно, учел это, Полковник, однако эта минометная атака по Бишкеку ... Северокорейцы имеют такую технологию, украденную, конечно же, но, несмотря на это, она у них есть.

— Ага, я знаю. И доступ к спутнику.

Через подставные компании, ИДВР Северной Кореи годами захватывала космос при помощи запусков коммерческих спутников и спекулировала искусственными спутниками на орбите.

Фишер проверил часы, затем вытянул шею, чтобы лучше видеть через лобовое стекло. Дождевые тучи скользили над побережьем, и в нижнем свете полумесяца луны он увидел следы дождя.

— Время действовать.

— Оставайся на связи, — сказал Ламберт, — и оставайся невидимым.

Фишер, подражая супермену, сорвал уличную одежду, под которой показался тактический костюм, надел ремни, пояс и рюкзак, затем вышел наружу и побежал.

Ингониш, расположенный на северной окраине Маленького Бишкека, находился в полутора километрах вверх по пляжу. Фишер преодолел расстояние за шесть минут. Он остановился, присев на корточки перед скалой, примерно в шестидесяти метрах ниже форта.

Вдоль линии прилива, по песку шипел океан, отступая успокаивающим и ритмичным шумом, прерываемым отдаленными стонами сирен.

Фишер облизал губы и ощутил вкус соли.

Над головой послышался визг. Он прижался к скале и глянул наверх. На середине скалы из камней, хлопая крыльями, вылетела тень птицы и исчезла в темноте. Фишер, теперь уже с подозрением, рывком надвинул очки и включил режим НВ, осматривая скалы над головой.

— Вы, должно быть, шутите ... — пробормотал он.

Среди укромных углов и трещин по поверхности скалы были рассыпаны гнезда сотен, возможно, тысяч бакланов.

"Идеальная, самоподдерживающаяся органическая система раннего оповещения", — подумал Фишер.

Шансы забраться на скалу, не вызвав крика визжащих птиц, были нулевыми.

На севере он мог различить возвышающиеся на четыреста метров над вершиной скалы башни и зубчатые стены самого форта. По всей длине стены были размещены четыре арочных этажа с вмонтированными окнами; в некоторых, то тут, то там горел свет. Фишер сфокусировался при помощи очков, однако никого в окнах не увидел.

— Маршрут проникновения один — исключен. Перехожу к МП два, — сказал он по СВП.

— Вас поняла, — ответила Гримсдоттир. — Осложнение?

— Птицы, — ответил Фишер. — Много-много птиц.

Фишер выбрал МП два преимущественно из-за того, что для его выполнения ему нужно было отправиться туда, куда он не хотел идти: через центр города Маленького Бишкека.

Столкнуться лицом к лицу с населением с врожденной подозрительностью и ненавистью к иностранцам, сама идея пробираться по главной улице (ночью или днем) в лучшем случае была непривлекательной. Робинсон упомянул, что еще одной причудой Маленького Бишкека было то, что по ночам жители выставляли неофициальную полицию, граждане, которые патрулируют улицы и тротуары, вооружены дубинками, фонариками и свистками. Дубинки и фонарики не особо беспокоили Фишера, а вот свистки — другое дело. Население Маленького Бишкека составляло 694 человека, и Сэм начинал думать, что один свисток принесет всех и каждого на улицы.

Фишер побежал к своей машине, затем вверх по извилистой тропинке на Сент Питерс Форчу, где затаился в кустах, продолжая наблюдать, чтобы убедиться, что он один. Удовлетворившись, он пригнулся и пробежал двести метров вдоль дороги, оставаясь в зарослях по самое плечо, пока не достиг перекрестка Сент Питерс Форчу и Коканд Роуд, главной дороги Маленького Бишкека, которая изгибалась снова на юг к утесу. Через тридцать секунд пробежки он увидел западное сооружение деревни, небольшое почтовое отделение с жестяной крышей. Сэм присел

к деревянной стене здания, подбежал к краю и выглянул за угол. Слегка постукивая по крыше, моросил дождь. По водостокам мягко журчала вода.

Планировка Маленького Бишкека была достаточно простой: предприятия и рестораны выстроились вдоль северной и юной сторон Коканд Роуд, последние располагались на вершине скалы с видом на море, в полутора километрах южнее Ингониш. От северного края дороги на километр вглубь острова расходились жилые улицы. Насколько Фишер видел, структура деревни состояла в основном из построек типа "солонка с крышкой"[15] со стенами, обшитыми жесткими досками, люкарнами[16] и крутонаклонными шиферными крышами. Над крышами предприятий, каждое из которых было обращено к возвышающимся, длинным тротуарам и расписным вывескам на кыргызском и французском, Фишер видел множество труб (большинство из которых испускали клубы дыма) и рассеянные квадраты горящих окон. Фасады магазинов были окрашены в различные оттенки голубого, желтого и зеленого цветов. Примерно через каждые пятнадцать метров вдоль тротуара находился электрический, похожий на газовый, уличный фонарь, стеклянные сферы которых светились в темноте желтым светом.

Фишер переключил на НВ и осмотрел улицу. Он ничего не увидел, кроме кошки, призрачно размытой в серо-зеленом цвете НВ, которая перебежала улицу и исчезла в переулке. Сперва Сэм переключился на ЭВ, как и ожидалось, не было никаких признаков камер или датчиков, затем переключился на ИВ для поиска инфракрасных подписей.

"Привет."

Примерно в ста метрах по эту сторону улицы на углу здания стояли две фигуры. В ИВ они походили на человекообразные силуэты, подсвечиваемые различными температурными оттенками красного, желтого, зеленого и синего цветов. Наблюдая, Фишер заметил длинный, темно-синий цилиндр, свисающий с руки каждого из мужчин. Полицейские дубинки. Пока они разговаривали, один из парней закурил, затем пожали друг другу руки и разошлись, один пересек улицу и направился на север, другой поднялся на тротуар и пошел в направлении Фишера, похлопывая дубинкой по бедру.

Фишер полз вдоль здания, пока не достиг задней стены, где обнаружил крыльцо отрытого типа. Внешние перила располагались в метре от края скалы, которая уходила в темноту. Далеко внизу он слышал слабый шум прибоя, а ближе, казалось бы, в нескольких метрах, с поверхности скалы доносилось мягкое воркование, Сэм предположил, что оно принадлежало

---

[15] **"Солонка с крышкой" - тип коттеджа, первоначально характерного для Новой Англии в XVII-XIX вв., двухэтажного с фасада и одноэтажного с тыла, с двухскатной крышей, имевшей длинный скат в сторону одноэтажной части и конек, сдвинутый к передней части.**

[16] **Люкарна - круглый или многогранный оконный проем в крыше или купольном покрытии.**

бакланам. Между перилами крыльца и краем скалы была узкая тропинка из гравия. Пригнувшись, он обошел угол крыльца, направляясь к тропинке, а затем пошел вдоль здания к следующему углу.

— Arretez![17]

Слева от Фишера послышался голос на французском. Он обернулся, и уткнулся лицом в пару ног. Сэм вовремя глянул вверх и увидел, как дубинка несется к его лицу. Он отдернул голову назад, и, падая на задницу, почувствовал, как дубинка задела его скулу, он вытащил пистолет и сделал один выстрел. Пуля вошла парню ниже подбородка и вышла из макушки. Его голова откинулась назад, и он повалился вперед, дубинка заскользила вдоль тропинки. Фишер откатился в сторону. Человек упал на край скалы, и, качнувшись, соскользнул. Послышалось отдаленное хлопанье крыльев и случайные вопли, но через пять секунд снова наступила тишина. Фишер направился вдоль тропинки, отыскал упавшую дубинку охранника, и швырнул ее вниз, затем прокрался под настилом крыльца и замер.

"Близко. Слишком близко".

Копы Маленького Бишкека были вооружены серьезней, чем просто дубинками и свистками; они были оснащены какими-то очень тихими шагами.

Фишер выждал еще пять минут, наблюдая, не привлекла ли внимание стычка, затем нажал на СВП и сказал:

— Спящий; чисто.

— Поняла, — ответила Гримсдоттир.

Окажется ли его отчет "Чисто" действительно верным или нет, только время покажет. Во время инструктажа, Робинсон сомневался, что деревенские копы вели расписание проверок или наблюдение. Фишер проверил часы: до пересменки все еще три часа. Достаточно времени, если двигаться быстро. Даже если тело обнаружат этой ночью, маловероятно, что после падения на камни останется много что идентифицировать. Надо надеяться, травма замаскирует пулевое ранение.

"На самом деле, — размышлял Фишер, — постановка небольшого трюка может помочь".

Он выполз на тропинку и руками сгладил неровные следы возле тропинки. Сэм снова осмотрел местность при помощи НВ/ИВ, чтобы убедиться, что он по-прежнему один, затем при помощи

[17] **Arretez - стоять**

своего ботинка отбил кусок земли на ширину стопы вдоль поверхности утеса. Если повезет, то выемка будет похожа на секцию, которая просто обрушилась под человеком.

Фишер поднялся и начал двигаться.

19

В течение следующего часа Фишер медленно пробирался через сердце деревни. Вдобавок охраннику, которого он встретил на окраине, ему попались еще трое, было очевидно, что каждый перемещался по случайным маршрутам, иногда вверх-вниз по жилым улицам, примыкавшим в Коканд Роуд, иногда по тротуарам вдоль фасадов магазинов, однако всегда уходили в сторону для непредвиденных остановок с приятелем-охранником. Фишер рассеянно удивлялся: было ли это уровнем подготовки патруля или в него приглашали всех ново прибывших в Ингониш. Он надеялся на первое; это могло означать, что меры безопасности внутри самого форта также могли остаться прежними.

Наконец-то, незадолго до полуночи, он был в пятидесяти метрах от форта. Фасад форта — каменная стена высотой в три с половиной метра и, как сказал Робинсон, полтора метра толщиной, возвышалась прямо из дороги и разрывалась только массивными, поперечными дубовыми дверьми. Фишера заинтересовали не стены и двери, а скорей архитектурные подробности, которые Робинсон упомянул во время инструктажа.

Он обошел соседнее здание (летнее кафе с зелеными и белыми навесами) и прокрался вдоль каменной дорожки, пока он не оказался на расстоянии вытянутой руки от форта. Здесь, между кафе и стеной, был проход шириной в метр, закрытый ржавой железной сеткой. За ней, в полутора метрах ниже, Фишер увидел треснувшие и неровные булыжники.

Канал, который Робинсон назвал осадным стоком, лежал под небольшим наклоном, перпендикулярно главной дороге, и при помощи L-образного соединения проходил внутрь передней стены. Он оканчивался у края скалы воронкообразным скатом, накрытым железной решеткой.

Хотя ее никогда не видели в рабочем состоянии, Робинсон сказал, что осадный сток был спроектирован как стационарная оборонная система, по которой на захватчиков могли сбрасывать и выкатывать пушечные ядра и кипящую смолу.

Вдоль переулка Фишер услышал шаги, щелкающие по булыжнику. Он припал к дорожке лицом в грязь. У входа в переулок остановился силуэт. Мужчина включил фонарик, освещая осадный сток. Свет играл над лицом Фишера, на несколько секунд замер, и отключился. Человек пошел дальше. Его шаги скрипели, когда он поднимался по ступенькам тротуара, затем отдалились, застучали по дереву, направляясь вдоль улицы. Фишер медленно поднялся, переключил очки в ИВ, выждал, пока шага не затихнут, затем подождал еще две минуты, чтобы убедиться, что мужчина не вернется снова.

На животе он пополз вперед, пока его пальцы не коснулись решетки стока. Из правого кармана он вытащил нечто похожее на тридцати сантиметровые полоски тяжелой клейкой ленты.

Каждая полоска состояла из двух скрепленных половинок, одна половинка содержала обогащенный слой гелеобразной азотной кислоты, а вторая — катализатор, между ними — тонкая полоска нейтрализатора. С каждой стороны полоски на несколько сантиметров выступало уплотнение узлового кабеля.

Он поместил две полоски перпендикулярно решетке, примерно в тридцати сантиметрах друг от друга, а третью по дальнему краю, где решетка соединялась с булыжниками. Затем Фишер вытянул левую руку, взялся за центр решетки и по очереди потянул за узловой кабель каждой полоски. Прошло пять секунд, и он услышал слабое шипение, как будто воздух выходил из шины шток-клапана. Шипение продолжалось целую минуту, затем постепенно исчезло. Разрезанная на части решетка поддалась. Он напряг предплечья, взвешивая тяжесть решетки, затем схватил ее, дернул вперед и положил на дно стока, а затем сполз вниз.

Через пять минут он вернул решетку на место, закрепив при помощи самодельного зажима из упаковочной проволоки, который он смастерил днем ранее.

— На МП два, — радировал он. — Двигаюсь внутрь.

— Вас поняла, — ответила Гримсдоттир.

Теперь он оказался в безопасности внутри стока, достичь входа в форт можно было двумя способами: первый верный, а второй возможный. Форты того времени, использовавшие этот конкретный тип оборонной системы, обычно, но не всегда, имели два порта, в которые защитники складывали бомбы: порт для пушечных ядер прямо за стенами форта (L-образное соединение, которое Фишер видел прежде) и порт для смолы, обычно находящийся внутри замка возле крепости для нагревания смолы. Это был предпочтительный вход для Фишера.

Он переключил очки в режим НВ и пополз вверх по стоку в сторону улицы.

Внезапно, позади него у края скалы, послышался хруст гравия.

Фишер замер, огляделся. В трех метрах впереди он увидел квадрат темноты в стенке стока. Двигаясь быстро, но чтобы не выдать себя, Сэм пополз к отверстию, нырнул под нависающий сверху булыжник и замер. Вытащил пистолет, переключил на дротики четвертого режима и посмотрел вверх через решетку. Фишер не испытывал иллюзий. Произвести выстрел пулей или дротиком сквозь решетку — один шанс из тысячи.

Несколько секунд не было никакого движения. Стояла тишина.

А затем, подобно призраку, выскользнувшему из тьмы, охранник вкрался в поле зрения Фишера. Человек, идя в сандалиях, зажал зубами свисток, его дубинка была стиснута в кулаке и выставлена вперед. Осторожно, не спеша, Фишер попятился глубже в отверстие, пока не почувствовал, что уперся стеной во что-то твердое. Сердце колотилось в груди. Он почувствовал, как на пояснице и боках собирается пот.

"Проходи, приятель, просто ... "

Охранник остановился. Включил фонарик и стал на колено, играя под ростверком[18] соседнего кафе, затем вдоль стока. Он снова поднялся и переступил через решетку, ведущую к наружной стене форта.

"Проверка крыш", — подумал Фишер.

Он сделал успокаивающий вдох, и медленно выдохнул.
Еще через минуту, охранник снова переступил через решетку, в последний раз огляделся, а затем направился вдоль переулка в направлении улицы.
ФИШЕР обнаружил "возможный" вход. Порт для смолы был сорок пять сантиметров шириной и метр высотой, запечатанный изнутри старинным, однако с виду прочным деревянным люком и совершенно новым нержавеющим навесным замком. По крайней мере, хоть кто-то уделил мимолетное внимание небольшим деталям безопасности Ингониша, однако Сэм обнаружил, что как и в поместье Легарда и как часто бывает при работе с людьми, которые живут самолюбием и руководствуются угрозой насилия, Толкун Бакиев, вероятно, полагал, что одна его репутация — достаточная мера безопасности. А остальное: замки, датчики, камеры были вспомогательными. Таким людям, признать, что они нуждаются в сильной и сложной системе безопасности, было проявлением слабости.
Фишер взломал замок и приоткрыл люк, проверяя петли на скрип, но, как и с замком, кто-то присматривал за этой частью; судя по запаху, на петли был нанесен свежий слой масла — WD-40. Он проверил косяки и петли на провода или датчики; не было ни одного. Тем не менее, в разломах между булыжниками он заметил черное липкое вещество. Сэм отковырнул ногтем вещество. Понюхал. Смола. Фишер улыбнулся. Ингониш никогда не видел настоящей войны, но, похоже, что кто-то хотя бы проверил его защиту. Неожиданно очарованный, он какое-то время смотрел на смолу, размышляя, сколько же лет ей было. Ингониш был построен в 1740; смоле было как минимум двести шестьдесят восемь лет.

"Поразительно", — подумал Фишер.

Он просунул оптоволоконную камеру в разлом. По другую сторону люка находилось еще полтора метра вымощенного камнем стока, оканчивающего подъемной рампой; далее Фишер

[18] **Ростверк - верхняя часть свайного или столбчатого фундамента, распределяющая нагрузку на основание.**

увидел комнату с кирпичными стенами шесть-на-шесть метров. На правой стене располагались два окна, он предполагал с видом на утес, а между ними камин. У ближайшей стены, левее линзы оптоволоконной камеры, располагался столярный верстак с перфорированной плитой, содержащей различные ручные инструменты: отвертки, плоскогубцы, рубанки. Мастерская. На верстаке находилось несколько скворечников на разных этапах изготовления. У дальней стены была одна деревянная дверь, но в отличие от тех, что Сэм встретил снаружи, она была современной: шестипанельные пластины из клена с матовой никелированной ручкой.

Он сделал тщательный осмотр комнаты во всех трех режимах (ИВ, НВ и ЭВ), все выглядело чисто, поэтому Фишер вытащил камеру, упаковал ее, затем открыл люк и вылез. Достигнув подъема, он пополз на животе, пока не оказался чуть ниже уровня поля, затем в последний раз осмотрел комнату ЭВ. И снова ничего.

Он встал, потянулся и проверил ОПСАТ. На отслеживающем экране РЧИ, на который Гримсдоттир наложила собранный чертеж Ингониша, маячок Стюарта, теперь уже красный ромб, стабильно пульсировал. Фишер медленно развернулся, ориентируясь на север, затем снова проверил экран. Он передвинул и увеличил чертеж.

Маячок Стюарта находился тремя этажами выше в северной части форта.

Он сказал по СВП:

— Я внутри. Сигнал маяка стабильный. Двигаюсь дальше.

— Вас поняла, — ответила Гримсдоттир. — Расчетное время в пути?

Фишер проверил часы.

— От девяноста до ста двадцати минут. Что-то случилось?

— Бóльшая активность на Кыргызстанском фронте .

— Понятно. Буду держать тебя в курсе. Конец связи.

"Что теперь?" — Подумал Фишер.

20

ИНГОНИШ имел вид трапеции: основание шло параллельно скале, вершина была усечена, и сужалась внутрь деревни. Каждый угол трапеции был укреплен двадцати пяти метровыми каменными сторожевыми башнями, увенчанные балконами для лучников. Пятая башня, вдвое шире и двенадцатью метрами выше остальных, располагалась между двумя углами со стороны скалы в центре стены, на ее вершине находился широкий купол, который когда-то вмещал три двадцати сантиметровых противокорабельных миномета. Согласно чертежу ОПСАТа, Ингониш составлял сто метров в длину или футбольное поле и охватывал почти восемь тысяч триста шестьдесят квадратных метров. Сэм молился, чтобы маячок Стюарта был на месте; если же нет, то ему предстояло осмотреть слишком большую территорию и слишком мало времени сделать это.

Фишер опустился на колено перед дверью мастерской и просунул под нее оптоволоконную камеру. В поле зрения оказались массивная колесная пара локомотива, кривошип[19] и соединительная тяга. Фишер нажал на экран ОПСАТа, изменяя разрешение и переключаясь в режим "рыбий глаз". Он еще раз все проверил. Игрушечный поезд, копия парового локомотива. Не похоже, что он был на рельсах, поэтому Фишер выдвинул камеру немного вперед и толкнул локомотив. Тот опрокинулся на бок и за пластиковыми колесами Фишер смог осмотреть остальную часть комнаты.

Он и Гримсдоттир ошиблись. Толкун Бакиев проделал серьезную реконструкцию. То, что предстало Фишеру, когда-то было лабиринтом мастерских, хранилищами, солдатскими казармами, сооруженными из бревен и самана[20]. Лабиринт был окружен шестиметровой каменной стеной, установленной в девяти метрах от внешней стены. Между ними находились две каменные лестницы, ведущие на второй этаж к офицерским казармам, оружейной и проходу, по которому солдаты могли попасть к пяти боевым башням форта.

Всего этого, за исключением каменных лестниц, возвышающихся вдоль каждой из четырех стен и арочного каменного прохода, соединяющего их, не стало, а на их месте было то, что Фишер мог описать как детскую площадку. Поезд был частью комплекта, железнодорожной диорамы, встроенной в стену на высоте трех метров. Она состояла из деревень и городов, ж/д станций, горных туннелей, оврагов, и водопадов. Четверть комнаты занимал солидный, деревянный скейт-парк, дополненный хафпайпами, крутыми уступами, лестницами,

---

[19] **Кривошип - деталь механизма, которая может совершать полный оборот вокруг неподвижной оси.**

[20] **Саман - крупный сырцовый кирпич из глины смешанной с мелкой соломой и некоторым количеством навоза; огнеупорный и нетеплопроводный материал для стен жилых домов и хозяйственных построек.**

пирамидами и перилами. У дальней стены Фишер рассмотрел нечто похожее на три дорожки для боулинга, а рядом красно-желтый надувной замок для детей.

"Чудесно, — подумал Фишер. — Бакиевляндия".

В брифинге Фишера не упоминалось, что у Бакиева были дети. Либо тот просто любил развлекаться, либо был ребенком в теле мужчины, либо его дом часто служит детской площадкой для детей Маленького Бишкека.

Остальная часть пространства была занята не менее десятком сидячих площадок, разделенных подвесными ковриками, в каждой площадке находилась своя группа кожаных кушеток, стульев и гигантский плазменный телевизор. Робинсон предположил и Фишер согласился, что жилые помещения Бакиева, скорее всего, располагались в одной или во всех сторожевых башнях.

Он сделал несколько снимков для фотоальбома Третьего Эшелона, затем сделал последний развернутый снимок комнаты, затем вытащил камеру, открыл дверь и двинулся в путь.

Сэм пробирался через центр комнаты, направляясь к северной лестнице, используя полосу препятствий скейт-парка в качестве укрытий. На полпути он услышал, слабый, визг шин, жесткий и мультяшный, а затем бормотание на кыргызском. Впереди слева, в одной из сидячих площадок, за одним из ковров Фишер увидел мерцание телевизора. Он присел на корточки и не спеша обогнул перила.

Возле телевизора на красной кожаной кушетке сидели двое. Рядом с каждым мужчиной Фишер увидел прислонённые к кушетке стволы АК-47. На экране двое мужчин устроили гонку на багги по виртуальному карибскому пляжу. Одна из багги пропустила прыжок с дюны и полетела кубарем. Мужчина слева застонал, бросил джойстик и развел руками. Он подхватил автомат, что-то сказал напарнику, но Фишер не расслышал, а затем пошел в направлении дорожек для боулинга. Другой мужчина откинулся назад и закурил, пуская облако серого дыма в сторону экрана.

Фишер сменил направление, отходя от мужчин и огибая скейт-парк, пока не достиг северной стены. Боулинг, который располагался в полуметре от лестницы, был непосредственно перед Фишером. Охранник, который отошел, стоял рядом с киоском с попкорном под красно-белым тентом, зачерпывая рукой внутрь и запихивая попкорн в рот. Его АК был прислонен к колесу киоска. Фишер нашел темный угол и в ожидании присел на корточки. Охранник набивал брюхо еще десять поразительных минут, затем отрыгнул, поднял АК и побрел назад к приятелю, который вернулся к игре на багги.

В ухе, Фишер услышал голос Гримсдоттир:

— Сэм, у нас снова появилась активность.

Поскольку электронное внимание АНБ сосредоточилось на Толкуне Бакиеве и Ингонише, Грим уловила несколько телефонных передач с двух различных номеров, которые она по отдельности обрабатывала и прерывистый интернет-сигнал. Трудность заключалась в том, что Бакиев установил не один, а два сервера "Хьюлетт-Паккард Пролиант DL360 G5s" в форте, один работал как его личный веб-сервер, а другой Гримсдоттир назвала "анонимным перехватывающим шлюз прокси-сервером", из чего Фишер понял, что это было высокотехнологичным и дорогим способом скрывать вашу деятельность в Интернете.

Гримсдоттир успешно взламывала брандмауэры, но с этим дело шло медленно. Одной из целей Фишера было отыскать серверную и подключиться. Существует не так много причин для законопослушных частных лиц иметь такие системы. Если в шкафу были скелеты, то эти серверы могли быть дверью.

— Какая активность? — спросил Фишер.

— Мобильный телефон и сервер. Кто-то разговаривает и бродит по сети.

— Направляй меня.

— Южнее тебя на шестьдесят метров и выше на двенадцать. Добавляю информацию в ОПСАТ.

Фишер проверил экран.

— Есть.

ОН выждал, пока Орвилл Реденбакер[21] не возобновил гонку на багги, затем проскользнул вдоль стены, обогнул угол и направился к лестнице. Камни были покрыты красными, черными и желтыми персидскими ковровыми дорожками, которые Фишер оценил в $10,000 США.

Он был в полутора метрах от верха лестницы, когда услышал, как справа хлопнула дверь. Пригнувшись, Сэм добил последние несколько ступеней, лег на живот и выглянул за угол. В дальнем конце арочного прохода, где он огибал выступ башни, облокотившись на перила, стоял человек в спортивном костюме из серого бархата и смотрел вниз на Бакиевляндию.

— Эй, вы двое, что за веселье? — сказал человек с сильным английским акцентом.

Фишер переключил очки в режим НВ, приблизил лицо мужчины и сделал снимок.

Один из парней, по голосу Орвилл, сказал:

— Простите, босс, простите.

На ОПСАТе Фишера, только что сделанное изображение лица вращалось в трех проекциях и дополнялось недостающими очертаниями. Рядом с ней была фотография, вероятно, снимок канадской иммиграционной службы. Под фотографиями мерцали слова **СОВПАДЕНИЕ: ТОЛКУН БАКИЕВ.**

[21] **Орвилл Реденбакер - производитель попкорна.**

— Просто не шумите, — ответил Бакиев. — Я собираюсь поработать еще минут двадцать, а затем пойду спать. Мне нужна тишина.

— Конечно, босс, никаких проблем.

— И не ешьте мой попкорн, черт подери.

Бакиев развернулся и пошел обратно, хлопнув дверью.

"Двадцать минут до баюшки-баю", — подумал Фишер.

Он проверил ОПСАТ; маячок Стюарта находился слева и выше от него, внутри северной башни.

Войдя в дверь башни, Фишер оказался перед узкой винтовой лестницей, которая поднималась вокруг центральной каменной колонны и тяжелых дубовых перекладин. В трех метрах над головой он увидел ригели пола. Сэм поднялся по лестнице, проверяя каждую ступеньку ногой и своим весом прежде, чем двигаться дальше.

На первом этаже он обнаружил пространство, разделенное четырьмя комнатами, подобно клиньям пирога. Фишер останавливался у каждой двери, осматривая интерьер при помощи оптоволоконной камеры. Все четыре комнаты, спальные помещения, были пусты. Сэм перешел на второй этаж и снова обнаружил только пустые спальни, только на этот раз три спальни, поскольку башня сужалась с каждым этажом. Как и ожидалось, на последнем третьем этаже перед куполом для лучников, Фишер обнаружил всего две комнаты. Первая комната, очередная спальня, содержала внутри нечто, напоминающее фигуру, под одеялом выдвижной кровати.

Фишер переключился на ЭВ и сразу же увидел тревожный признак: плотно закрученную воронку серого цвета в дальнем углу комнаты возле кровати. Камера безопасности. Он снова переключился на НВ, сфокусировал оптоволоконную камеру на камеру безопасности, затем нажал на экран ОПСАТа:

ТЕКУЩЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ>КОПИРУЮЩЕЕ ДВИЖЕНИЕ>НАЛОЖЕНИЕ ЭКРАНА

ОПСАТ выполнил запрос и ответил, **ЗАВЕРШЕНО**. Он переключил экраны. На чертеже форта, комната Стюарта теперь отображалась частично прозрачным красным конусом, излучаемым из угла с камерой безопасности.

А теперь вопрос, почему только в этой комнате есть камера безопасности? Кажется, он знал ответ, однако, чтобы удостовериться ушло тридцать секунд на перемещение и вращение оптокамеры.

"Вот".

Правая рука спящей фигуры покоилась на подушке; к запястью было прикреплено нечто напоминающее наручник.

"Стюарт".

Фишер перешел к последней комнате. Внутри, на краю кровати в пижаме сидел Чин-Хва Пак и стилусом нажимал на смартфон. На тумбочке, в свете настольной лампы лежал полуавтоматический пистолет.
Фишер проверил часы. Пак готовился ко сну; Сэм решил выждать несколько минут, а затем снова проверить. Он нашел угол и присел на корточки, прижавшись к стене.

"Что-то ... — размышлял Фишер. — Что-то терзало его подсознание. Что-то насчет одной из спален..."

Фишер поднялся и медленно пошел назад по спиральной лестнице на первый этаж, затем отыскал нужную комнату, первую слева от лестницы. Снова для предосторожности осмотрел ЭВ, затем вскрыл замок, и закрыл за собой дверь. Фишер подошел к тумбочке у кровати и включил настольную лампу.
Эта комната, в отличие от других, которые имели очень простую обстановку, была хорошо обустроена: большая двуспальная кровать с одеялом, письменный стол с убирающейся крышкой, встроенная книжная полка напротив кровати, картины на стенах ... Это была не обычная гостевая комната. Бакиев не разместил здесь двух других своих гостей (даже своего корейского шпиона), так что в этой комнате такого?
Фишер приступил к работе. Он не спешил, обыскивая каждый уголок комнаты. В ящике тумбочки он обнаружил ламинированную карту Кыргызстана со следами воскового карандаша. Между тумбочкой и стеной он нашел застрявший выцветший конверт. На одном углу тыльной стороны конверта синими чернилами были нарисованы каракули, какие-то странные перечеркнутые цифры, случайные линии. Основной и обратный адреса были написаны на английском — неуклюжими группами букв, написанные кем-то совершенно незнакомым с языком.
Внутри Фишер нашел письмо, написанное на кыргызском женской рукой. Датировалось мартом 1967. Фишер плохо понимал кыргызский, однако он смог собрать воедино и перевести приветствие письма: "Мой милый, маленький Сосо ..."

"Сосо", — подумал Фишер.

Фишер сел на кровать, осмотрел остальную часть письма на узнаваемые фразы, затем поразмыслил несколько минут. Он нажал СВП.

— Грим, ты здесь?

— Здесь.

— Ужин в моем желудке подсказывает, каковы новости из Кыргызстана.

— Говори.

— Болот Омурбай жив.

Целых пять секунд стояла тишина, а затем она сказала:

— Что? Что ты такое говоришь?

— Мне кажется, я сижу во временном мавзолее Омурбая.

— ТЫ сбил меня с толку, Сэм, — сказала Гримсдоттир. — Подожди, я соединю с полковником.

Ламберт взял трубку:

— Что у тебя, Сэм?

Фишер повторил то, что сказал Гримсдоттир и добавил:

— Если я не ошибаюсь, мать Омурбая обычно называла его "маленький Сосо" по детскому прозвищу Сталина.

— Проверяю, — сказала Гримсдоттир. — Ага, все верно. Что насчет письма?

— Март 1967, Университетский колледж Лондона. Ему должно быть было ...

— Восемнадцать или девятнадцать, — ответила Гримсдоттир.

На заднем фоне Фишер слышал клацанье по клавиатуре; спустя полминуты она вернулась:

— Прежде, чем бросить колледж Омурбай целый год изучал экономические науки.

— Размышляйте, — скомандовал Ламберт.

— Омурбай был там много лет назад, — ответила Гримсдоттир. — Задолго до того, как захватил власть в стране.

— Или письмо недавнее, и тот, кого убило кыргызское правительство, двойником Омурбая.

Сэм рассказал о каракулях, написанных синими чернилами, на тыльной части конверта.

— Вдобавок, эта комната нетронута — почти святыня. Я сомневаюсь, что она сохранилась бы в таком виде, если бы Омурбай посещал ее до своего прихода к власти. Для Бакиева он бы просто был очередным парнем-кыргызсцем. И ламинированная карта Кыргызстана — собственность на право издания датируется 2007 годом.

— Давайте подведем итоги, — сказал Ламберт. — Омурбай сбегает из Кыргызстана, оставляя вместо себя двойника и говоря своим военачальникам продолжать борьбу, пока он не вернется.

С помощью Толкуна Бакиева он приезжает в Маленький Бишкек, где скрывается, зализывает раны, и перегруппировывается ...

— И заводит дружбу с корейцами, — добавил Фишер.

21

— Верно. Использует их советников, их оружие, деньги и сеть Бакиева, чтобы спланировать возвращение к власти.

— Это похоже на правду, — ответил Фишер. — Много вопросов без ответа, но правдоподобно. Главный вопрос: Что Северная Корея получит от этой сделки? Что предложил ей Омурбай?

— Говоря о великом возвращении Омурбая, — сказала Гримсдоттир, — это уже другие новости. Последние отчеты показывают, что кыргызское правительство на грани краха. Сейчас в Бишкеке ведутся бои; повстанцы теснят.

— Их всегда много, но у них нет идей, — сказал Фишер. — Без Омурбая у повстанцев нет цели — стадо военачальников не могут договориться, какой чай подадут на заседаниях, не говоря о том, чтобы вести войну.

— И теперь, — сказал Ламберт, — возможно, их рулевой вернулся.

22

ОНИ проговорили еще несколько минут, затем Фишер отключился и вернулся на третий этаж. Он проверил Пака и, увидев, что тот читает в постели, перешел к комнате Стюарта, взломал замок и проскользнул внутрь. На несколько секунд он замер, прижавшись к двери и прислушиваясь. Затем Сэм начал скользить вдоль стены по контуру комнаты, одновременно проверяя конус камеры безопасности в ОПСАТе, пока не оказался прямо под камерой.

Он изучил камеру снизу. Никаких признаков микрофона, однако, Сэм смог рассмотреть производителя и серийный номер. Он передал их Гримсдоттир.

— Мне нужна кодировка для зацикливания картинки.

Хотя пистолет SC и винтовка Фишера были снабжены электромагнитным подавителем, он редко им пользовался. Сэм беспокоился не о том: был ли подавитель эффективным или нет (на самом деле был), а вернее о нематериальной части уравнения; то есть, о человеческой части: что сделает охранник, когда на мониторе без видимых причин появятся помехи и все придет в норму через несколько секунд. И что они сделают, когда другая камера покажет те же помехи, затем другая. Человеческое суждение — это непредсказуемый зверь. Некоторые охранники спишут на вмешательство; некоторые нет. Это и беспокоило Фишера, поэтому по возможности он предпочитал ныне устаревший и по общему признанию более утомительный метод зацикливания изображения.

— Без проблем. Ожидай.

Через десять секунд она вернулась.

— Есть. Кодирую.

По экрану ОПСАТа двигалась последовательность, казалось бы, случайных цифр и букв. Все исчезло и на их месте появилось слово ГОТОВО. Из пояса Фишер вытащил циклический прерыватель-переключатель (циклический переключатель) — пятнадцати сантиметровая неэкранированная витая пара категории 6, на каждом конце которой имелся С-образный зажим. На внутренней стороне каждого зажима имелось тонкое кольцо, крошечный коннектор; внутри самого кабеля — микропроцессор; между зажимами, посередине кабеля, выступал инфракрасный порт.

Фишер направил инфракрасный порт циклического переключателя на ОПСАТ.

ПОДКЛЮЧЕНИЕ ... ФИКСИРОВАНИЕ ... КОДИРОВАНИЕ ... ЗАВЕРШЕНО.

Фишер поднял руку вверх, легко поместил один зажим переключателя к питающему кабелю камеры, а другой конец разместил в нескольких сантиметрах. Довольный установкой, Фишер одновременно затянул оба зажима. Затем он снова направил инфракрасный порт переключателя на ОПСАТ и прочитал на экране: **ЗАЦИКЛИВАНИЕ УСТАНОВЛЕНО**. Если за камерой Стюарта следят, то теперь они увидят повторное воспроизведение, как он спит.

Фишер подкрался к кровати и опустился на колено рядом с ней. Он положил руку на плечо Стюарта и кротко сжал.

— Кэльвин. Кэльвин, проснитесь.

Стюарт застонал, и его веки раскрылись. Ушло несколько секунд, однако он уставился на Фишера и сонно сказал:

— Сэм.

— Как вы тут держитесь?

— Ну, у меня есть кровать. И это уже прогресс.

— Я вижу, вы все еще носите браслет.

Стюарт посмотрел на прикованную руку.

— День и ночь.

— Позвольте взглянуть на ваш палец.

Стюарт протянул ему, и Фишер осмотрел накладной ноготь. Все выглядело отлично.

— Мы установили личность вашего телохранителя. Он северокорейский агент.

— Есть идеи, что им от меня нужно?

— Мы занимаемся этим. А у вас?

— Проблемы те же, ракурс другой. Похоже на собеседование, будто они решают, того ли парня они взяли.

— Содействуйте им.

— Зачем?

— По нескольким причинам, — ответил Фишер. — Первая, самая главная, чем вы для них полезней, тем ценней. И вторая, если они убеждены, что вы можете сделать для них работу (чтобы то ни было), то вам предоставят больше информации, и я смогу отследить вас. Будем надеяться, до первоисточника. И, возможно, до PuH-19.

— Боже, насколько это затянется?

— Не знаю, Кэльвин. Держу пари, ненадолго. Держитесь. Как только станет безопасно, я вытащу вас отсюда.

— Я, полагаю, у меня нет выбора, кроме как довериться вам, не так ли?

— Что же, — сказал Фишер, ухмыляясь, — так случилось, что вам повезло: я надежный парень. Вы молодец, Кэльвин. Ложитесь спать. Я буду неподалеку.

ФИШЕР вернулся к двери Пака, и в линзах оптоволоконной камеры увидел, что кореец выключил свет и, похоже, спал. Фишер наблюдал еще пять минут; Пак не шевелился. Фишер слегка царапнул дверь ногтем. Ничего. Снова царапнул, на этот раз громче. Пак, по-прежнему, оставался неподвижен.

Фишер вытащил оптоволоконную камеру, затем взломал замок и проскользнул внутрь. Он подкрался к краю кровати. Пак лежал на правом боку, лицом от Фишера. Его грудь ритмично вздымалась и опускалась. На всякий случай Фишер вытащил пистолет, вынул дротик первого уровня из магазина и направился в конец кровати. Левая нога Пака торчала из-под одеяла. Фишер опустился у подножки и почесал ступню Пака дротиком. Тот слегка шевельнулся, затем повернулся на левую сторону и снова уснул.

Фишер обыскал его комнату, но не нашел ничего интересного, потому он обратил свое внимание на смартфон "Палм Трео 700" на тумбочке. Клавиатура была заблокирована паролем. Он вызвал Гримсдоттир.

— У меня есть "Трео", который надо взломать и скопировать данные, — сказал он.

— Подключи меня.

Фишер так и сделал. Как по волшебству, "Трео" включился и начал быстро прокручивать программы и папки. Через двадцать секунд экран снова потемнел.

— Готово, — сказала Гримсдоттир, — я взгляну и вернусь к тебе.

— Понял. Направляюсь в серверную, конец связи.

ОН нашел ее на верхнем этаже южной башни (той, где он видел Бакиева ранее), проскользнул внутрь и по очереди подключался к каждому из серверов, ожидая, пока ОПСАТ загрузит данные. Сэм уже собирался уходить, когда услышал, как открылась и захлопнулась дверь комнаты Бакиева.

— Знаю, да, я знаю, — Бакиев говорит по телефону, предположил Фишер, — но до утра это было не запланировано. Я понимаю ... да, я подготовлю его. Как долго? Хорошо, на вертолетной площадке горят посадочные огни. Десять минут.

Вниз по спиральной лестнице застучали шаги. Снова хлопнула дверь и наступила тишина.

"Кто-то летел за Стюартом, — полагал Фишер. — Посадочные огни вертолетной площадки ... Крыша".

Фишер поднялся до самого верха по винтовой лестнице, которая оканчивалось люком крыши. Толкнул его и оказался на балконе для лучников, куполообразном ограждении по грудь высотой, состоящем из каменной стены с квадратными зубцами. Он посмотрел вниз. Двенадцатью метрами ниже находилась крыша форта, также окруженная зубчатой стеной.

В центре крыши был нарисован белый круг с X внутри.

Фишер сфокусировался и рассмотрел вмонтированные в крышу огни.

Он осмотрел северную башню, в поисках движения, но ничего не увидел. Вместо этого, он заметил дверь на крышу у основания башни.

"Проклятье. Второй этаж. Пошел, пошел, пошел".

Он забрался в люк, спустился на второй этаж и, следуя внутреннему компасу, отыскал нужную комнату. Она была не заперта. Сэм скользнул внутрь и осмотрелся. У дальней стены, скрытой от пола до потолка шкафом, он увидел дверь. Он вошел внутрь шкафа, щелкнул засовом двери и приоткрыл ее, чтобы просунуть оптоволоконную камеру. Движения не было. Сэм проверил часы: еще пять минут.

Дверь противоположной башни открылась. Из нее вышел Толкун Бакиев, быстрым шагом направился к центру крыши и поднял бинокль. Десять секунд он смотрел в небо на северо-восток, затем развернулся к двери. Чин-Хва Пак высунул голову. Бакиев махнул ему, чтобы тот вернулся внутрь, а затем последовал за ним.

Четыре минуты спустя, Фишер услышал едва различимый шум роторов вертолета. Он переключился в режим НВ, сфокусировался на северо-восток и сразу же заметил, как из темноты появились несколько навигационных огней, затем появился белый конус носа и лобовое оргстекло "Сикорского S-76". Фишер рывком поднял очки.

Посадочные огни сверкали, вырисовывая круг и крест. Спустя несколько секунд S-76 навис над крышей и, едва не касаясь стен, приземлился.

Придерживаясь теней вдоль стены, Фишер бежал, пока "Сикорский" находился между ним и дверью северной башни. Он вытащил SC-20 из кобуры на спине и лег на живот. Через полосковое шасси под кабиной S-76 Фишер увидел пару ног, появившихся из двери башни и бегущих к вертолету. Сквозь тонированные стекла кабины он заметил, как загорелись огни, когда дверь отъехала в сторону, чтобы принять пассажиров.

Фишер сменил переводчик огня SC-20 на "Липкую камеру", затем снял одну с пояса. Обычный цвет "Липкой камеры" был черным; Фишер снял внешний слой, обнажая белое покрытие. Более подходящее под окрас "Сикорского". Он переключил "Липкую камеру" в режим GPS, затем зарядил ее. Сэм прижал приклад к щеке и посмотрел в прицел, перемещая и приближая, пока не нашел цель.

"Жди ..."

Через шум двигателей "Сикорского" глухой звук удара о борт вертолета "Липкой камеры", скорее всего, останется незамеченным, однако Фишер не хотел рисковать. Пак и Стюарт достигли вертолета и по очереди сели в него.

"Жди ..."

Через кабину Фишер увидел, что к люку потянулась рука. Дверь закрылась.

"Сейчас".

Фишер выстрелил. "Липка камера" вылетела и стукнулась о хвостовую балку S-76, как раз в тот момент, когда дверь кабины закрылась. Он ждал, затаив дыхание, предполагая, что появится один из членов экипажа, но ничего не произошло. Прошло десять секунд, затем двадцать. Тридцать. Затем обороты двигателя усилились, и S-76 покинул вертолетную площадку, взлетел на шесть метров и, повернув, исчез в северном направлении. Посадочные огни потухли.
Фишер выдохнул и проверил ОПСАТ:

ЛИПКАЯ КАМЕРА>GPS ВКЛЮЧЕН>ОПЕРАТИВНЫЙ РЕЖИМ>ОТСЛЕЖИВАНИЕ

Фишер мрачно усмехнулся.

"Можешь бежать, но тебе не скрыться".

23

СИТУАЦИОННАЯ КОМНАТА ТРЕТЬЕГО ЭШЕЛОНА

МЕНЕЕ чем через день после бомбардировки Бишкека, умеренное правительство распалось изнутри. Так как большинство бронетехники было уничтожено и из-за малого авиапарка, правительственные войска приняли сокрушительный удар, сражение за Бишкек переросло в битву за каждый дом, по мере того, как повстанческая армия стекалась из окружающих столицу гор и наносила по городу точный поток минометного огня, который иногда охватывал всю область, уничтожая как солдат, так и технику, а иногда устраняя одиночные цели, осуществляя это с ужасающей скоростью и точностью.

К тому времени, когда правительственные войска оправились от первого удара и сумели перегруппироваться, половина города была уже потеряна, находясь под контролем повстанцев, тысячи жителей Бишкека вышли на улицы и двинулись к правительственным зданиям и резиденции президента.

Кыргызское правительство воззвало соседние государства вмешаться, но призыв не был услышан, как и официальный запрос в Государственный Департамент США о немедленной помощи. Те незначительные вооруженные силы, которые были у армии США в состоянии боевой готовности, увязли в Афганистане в горах Гиндукуш, где возрожденный Талибан начал теснить с юга в сторону Кабула.

И спустя двадцать часов после начала этого всего, президент Кыргызстана, бледный и осунувшийся, появился у трибуны в своем личном кабинете и подал в отставку.

Мировые новостные сети тут же подхватили подачу BBC о боях в Бишкеке и уходе президента и начали крутить это по кругу, сопровождая комментариями от специалистов из многобуквенных организаций, как военных, так и гражданских.

Экраны, установленные за столом переговоров ситуационной комнаты, работали с отключенным звуком и были настроены на CNN, MSNBC и BBC World.

— Что ж, это было быстро и чисто, — сказал Ламберт.

— Словно их вел воскресший Бог, — произнес Фишер, отпивая кофе.

Час спустя после ухода из Ингониша Сэм добрался до Оспрея на взлетно-посадочной полосе в Гранд-Ривер, и через четыре часа он вернулся в Форт-Мид, принял душ и вздремнул часок.

Его установка "Липкой камеры" на Сикорский была страховым полисом. Правда заключалась в том, что не было никакой гарантии, что Стюарт, неподготовленный гражданский, сможет выдержать даже самый легкий допрос. И если он сломается, первым делом он выдаст

радиомаяк на ногте. Также радиомаяк может не пройти электронный обыск. Их контроль над Стюартом был слабым в лучшем случае. Сикорский был плохой заменой, но это было лучше, чем ничего.

— Есть данные о количестве жертв? — спросил Реддинг.

— Пока нет, — отозвался Ламберт. — Разведывательное управление работает над этим.

— Хорошо, — сказала Гримсдоттир со своей рабочей станции на другом конце стола, — если данные со спутника являются хоть каким-то показателем, то жертв среди гражданского населения, вероятно, мало.

Как только боевые действия начались, все разведывательное сообщество США направило свои глаза и уши в сторону Кыргызстана. Надземные спутниковые оценки военного ущерба начали поступать в Национальное управление разведки.

— Взгляните, — произнесла Гримсдоттир.

Она направила пульт ДУ на один из ЖК-экранов, и появилось черно-белое спутниковое изображение Бишкека, как решил Фишер. По всему городу сотни крошечных кратеров были выделены синим цветом.

— Минометные удары? — спросил Ламберт.

Гримсдоттир кивнула.

— Состояние на час назад. По данным Пентагона около восьмидесяти процентов этих кратеров были местами расположения складов с оружием и боеприпасами, стоянок для грузовиков и бронетранспортеров, топливных складов и командно-контрольных центров. Остальные, скорее всего, образовались от заградительного огня, когда повстанцы прорывались.

— Британцы согласились выделить команду CAC в штатском для миссии Красного Креста, которая на пути туда. Если повезет, они смогут привести фрагменты снарядов, неразорвавшиеся боеприпасы, стволы минометов — все, что может поведать нам о том, откуда и от кого поступили эти минометы.

— Если они смогут войти, — ответил Фишер. — Эти кыргызские повстанцы могут посостязаться с талибами за звание Лучшей Экстремистской Группировки Года. Первое, что они сделают, это закроют каждую пограничную заставу.

— Согласен, — сказал Ламберт. — Грим, что скажешь по этому поводу? Есть что-нибудь?

Уставившись в монитор компьютера, она подняла палец вверх, потребовав тишины, затем нажала несколько клавиш и подняла взгляд.

— Возможно. В телефоне Чин-Хва Пака было множество любопытных вещей, но один факт особенно заинтересовал меня. В паре телефонных звонков, которые мы перехватили, как входящих, так и исходящих, Пак упоминает какую-то Площадку Семнадцать. Сэм, примерно за час до того, как ты услышал, что Бакиеву позвонили — звонил, кстати, Пак, а затем самому

Паку поступил звонок. Я отслеживаю источник, но уже могу сказать, что связывались из Азии. Послушайте это. Мне пришлось сделать быстрый и некачественный перевод с корейского, поэтому это черновой вариант, и он не был проверен.

Она нажала кнопку на клавиатуре, и из динамиков на стене раздался голос наподобие Стивена Хокинга, голос программы для чтения текста:

— Он справится? У него достаточно знаний?

— Да. Достаточно, и он, кажется готов сотрудничать.

— Мы за тобой высылаем ...

Послышалось шипение из динамиков.

Гримсдоттир произнесла:

— У нас тут какие-то помехи на несколько секунд.

— ... который?

— ... дцать. От Сент-Джонс до ту э пат, затем на место.

Гримсдоттир нажала клавишу.

— Тут довольно много такого. Я считаю, "дцать" — это "Семнадцать" — как в "Площадке Семнадцать".

— Ту э пат, — сказал Фишер. — Что это? Компьютерный сбой?

— Нет. Я перепроверила, это дословная цитата, что означает, что компьютер не смог найти это слово в лингвистической базе данных. Учитывая, что Пак и собеседник разговаривали, летя куда-то, и, принимая во внимание, что Сент-Джонс — это Сент-Джонс, что в Ньюфаундленде, который единственный Сент-Джонс в радиусе досягаемости Сикорского — тогда это означает, что там они и приземлились для заправки или смены транспорта.

— Сначала я рассмотрела первый вариант, — продолжила Гримсдоттир, — и в зоне досягаемости Сикорского провела поиск места, с которым компьютер мог спутать фразу " ". Ничего не нашла. Скорее всего, они сменили транспорт в Сент-Джонс на что-то с большей дальностью полета. К тому же, Сэм, маячок с твоей "Липкой камеры" не перемещался с Сент-Джонс с момента прибытия. Так что я расширила зону поиска, двигаясь по спирали от Сент-Джонс, пока не нашла деревню на южной оконечности Гренландии, именуемую... барабанная дробь... Туапаат.

Она ухмыльнулась и расставила руки.

— Грим, ты чудо, — сказал Фишер. — Хорошо, что в Туапаат?

— Очередная смена воздушного судна, полагаю, опять пора в вертолет. Он им понадобится там, куда они собираются.

— Объясни, — произнес Ламберт.

— В течение последних двух часов я прочесываю каждую базу данных на моем пути, которую могу выпросить, одолжить, стащить или взломать. Пять минут назад я наконец-то встретила упоминание о Площадке Семнадцать: списанная "Экссон" глубоководная нефтедобывающая платформа в море Лабрадор, около трехсот километров к востоку от Туапаат.

— Владелец? — спросил Ламберт.

— Выясняю. Название принадлежит экологической организации из Австралии, но я держу пари, что это всего лишь прикрытие.

— Почему из всех мест мира они забрали Стюарта туда? — спросил Реддинг.

Несколько секунд не последовало никакого ответа, затем Фишер сказал:

— Защитная зона.

— А?

— Где лучше работать и экспериментировать с чем-то вроде PuH-19.

Фишер повернулся к Ламберту.

— Полковник?

Ламберт на мгновение задумался, зажав чашку кофе в руках и постукивая большими пальцами по краю кружки.

— Ладно. Одевайтесь. Я скажу Берду и Сэнди готовиться.

Он потянулся за телефоном.

24

МОРЕ ЛАБРАДОР

Оспрей накренился на бок, дождь хлестал по фюзеляжу. Фишер потуже затянул ремень безопасности и немного крепче сжал подлокотники. В микрофон своих наушников он произнес:

— Как поиски, ребята?

— Не очень, — ответила Сэнди.

На заднем фоне Фишер услышал, как Берд бормотал себе под нос, он это делал только в самые опасные моменты.

— Давай, радость моя, не веди себя так... Ах, теперь совсем нехорошо...

Сэнди спросила Фишера:

— Ты это слышишь?

— Слышу.

С момента ухода из Сент-Джонс, Ньюфаундленд, с каждым километром в северном направлении погода ухудшалась, пока, наконец, в ста тридцати километрах к югу от платформы Площадка 17, на Оспрей не обрушился горизонтальный дождь и ветер со скоростью сто километров в час. В трех километрах под ними вздымались пятиметровые волны.

— Можешь доставить меня туда? — спросил Сэм.

Берд ответил:

— Черт возьми, да. Доставить туда не проблема. При боковом ветре долго удерживать "Лулу" достаточно сложно, чтобы ты смог спуститься по веревке на палубу.

Вполне вероятно, что тебя размажет о краны и буровые вышки сразу, как только ты ступишь за порог этой чертовой двери.

— Тогда давай назовем это планом Б, — сказал Фишер.

— Согласен. Мы прерываем задание?

— Нет, — ответил Сэм. — Новый план А.

— Это какой?

— Если мы не можем подойти сверху, мы подойдем снизу.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ минут спустя Берд сообщил:

— В пяти километрах, Сэм. Замедляюсь до двухсот сорока и снижаюсь до полутора километров.

— Радары есть? — спросил Фишер. Хоть это и маловероятно Берд и Сэнди следили по датчикам за электромагнитной активностью, исходящей с платформы.

— Ни одного писка.

Фишер поднял руки над головой и зацепил страховочный фал к подвесному тросу, затем отстегнул ремень безопасности и направился к задней части кабины. Посередине рампы прикрепленный к палубе стропами с храповым механизмом располагался Марк IX ИСДП или индивидуальные салазки для доставки пловца. Фишеру салазки казались похожими на миниатюрную версию водного мотоцикла, хвостовая часть которого была отрублена, и оставлен лишь носовой обтекатель, содержащий пару горизонтальных винтов (они приводились в движение четырьмя морскими батареями), панель приборов, конический обтекатель и дроссель-джойстик/руль. К дну саней были прикреплены обтекаемые кислородные баллоны, а к каждой стороне носового обтекателя — крылья для контроля глубины.

Фишер нажал кнопку зажигания на приборной панели, и на черном фоне зажглись цифровые приборы желтого цвета. На экране размером с палец посередине приборной панели появилась надпись: **ЗАПУЩЕНА САМОДИАГНОСТИКА**. Минуту спустя появилась очередная надпись: **САМОДИАГНОСТИКА ЗАВЕРШЕНА. ОШИБОК НЕ ОБНАРУЖЕНО**.

— Салазки произвели проверку, — сообщил Фишер Сэнди и Берду. — Готовлюсь.

— Подтверждаю.

Фишер натянул цельный сухой водолазный костюм поверх тактического костюма, убедился, что манжеты плотно и герметично прилегают, затем снял наушники, надел капюшон и защитную маску, которую плотно прижал, присел возле салазок и подцепил свободный конец шланга от маски к воздушному каналу. На приборной панели Сэм нажал кнопку с названием **ВКЛЮЧИТЬ ВОЗДУШНЫЙ ПОТОК**. Прохладный металлический воздух хлынул в маску. Затем Фишер нажал кнопку **ОТКЛЮЧИТЬ ВОЗДУШНЫЙ ПОТОК**, стянул маску на лоб и обратно надел наушники.

— Три километра, — сообщил Берд. — Три минуты.

— Состояние моря?

— Скорость от восьми до десяти, — отозвалась Сэнди. — Волны до пяти метров.

— Выдвиньте рампу наполовину, — сказал Фишер.

— Рампу наполовину.

— Переключаюсь на СВП.

Сэм снял наушники и повесил их на перегородку, затем произнес по СВП:

— Как слышите?

— Четко и ясно, — ответил Берд.

Жужжа, гидравлика рампы пришла в действие. Рампа отделилась от изогнутого верхнего края фюзеляжа, открывая полумесяц черного неба. Морские брызги ворвались через отверстие, морося лицо Фишера. Дождь подобно шрапнели стучал по алюминиевой коже Оспрея.

— Удерживайте рампу, — скомандовал Фишер.

Рампа остановилась.

— Снаружи прелестный вечерок.

— Обожаю твой жизнерадостный характер, — сказал Берд.

— Все обожают.

— Полтора километра до цели. Перехожу в режим зависания.

Обороты двигателя Оспрея изменились, и Фишер ощутил, что их скорость стала уменьшаться, и остановилась.

— Режим зависания. Приготовиться ... Сцепное устройство приведено в готовность.

— Мы в девяти метрах, Сэм. Извини. Но если опустимся ниже, хлебнем воды, — сказала Сэнди.

— Без проблем.

Фишер присел возле салазок. Из левого кармана на рукаве водолазного костюма он вытащил вытяжное кольцо, соединенное с ярко-оранжевым 4 мм парашютным шнуром. В кармане было еще 30 метров этого шнура. Салазки были очень плавучие, и в таких морях Фишеру хотелось, чтобы они кружились возле него, или наоборот, совершать раздельный сброс.

— Готов, — сообщил Фишер. — По моему сигналу.

— Понял, — ответил Берд. — Мы будем неподалеку. Сообщи, когда все закончишь.

— Будет сделано. Вытащи рампу полностью.

Рампа заскрипела, пока полностью не выдвинулась, издав приглушенный звук удара. Дождь хлыстал из открывшегося пространства. Внизу Сэм видел море, подымающееся и бурлящее, гребни волн были словно зубчатой кромкой на фоне белой воды.

Он отстегнул механизм крепления салазок и наблюдал, как они скользнули в темноту, затем, отсчитав пять секунд, последовал за ними.

25

Фишер отклонил дроссель-джойстик вперед. Изогнутые крылья отреагировали также, наклонившись вперед и направив салазки вглубь. Сдвоенные фары салазок пробивались сквозь тьму, освещая дрейфующий планктон и случайных любопытных рыб.

Когда глубиномер показал десять метров, Сэм выровнялся, затем сверился с компасом: на верном курсе. Над головой поверхность океана бурлила, потолок пульсирующей белой воды, но здесь, лишь в десяти метрах ниже, вода была спокойной и имела только слабое течение с востока на запад. Фишер ощущал давление воды на его водолазный костюм и леденящий холод, который уже давно убил бы его, если бы не защитные слои.

Сэм увидел что-то в свете фар — смутное вертикальное очертание, которое затем исчезло. Пару секунд спустя оно появилось вновь и постепенно начало обретать форму, пока Фишер не догадался что это: одна из свай платформы.

Каждая из четырех основных свай, огромная как автоцистерна, была соединена серией свай поменьше, горизонтальными крестообразными сваями и диагональными двутавровыми стальными балками. Нисходящая вертикаль этого стального лабиринта вплоть до океанского дна являлась нефтедобывающей скважиной, коих насчитывалось двадцать штук. У этой платформы, уже давно списанной, были извлечены трубы и буровые рукава и оставлены лишь свисающие с нижней части платформы элементы, напоминающие массивные ветровые колокола.

Фишер прочно удерживал салазки, пока не показалась остальная часть строения. Он объехал ряд свай, затем повернул параллельно крестообразным сваям, пока в свете фар не увидел следующие. Эта сваи, хоть и идентичные первым, находились на западной стороне платформы, и были защищены от течения. Сэм отклонил дроссель-джойстик вверх и стал подниматься рядом со сваями, его фары осветили вертикальную стальную лестницу. Это была лестница доступа на нижний уровень, используемая водолазами для осмотра подводных конструкций платформы. Он вытянул руку и сильно дернул нижнюю ступеньку; она выдержала.

Он отцепил шланг маски от резервуаров салазок и присоединил к ребризеру на груди, затем поднял пластиковую крышку размером с палец на приборной панели и нажал красную кнопку. С обеих сторон носового обтекателя салазок открылись отсеки плавучести. Через несколько секунд салазки опрокинулись носом вперед и скользнули в глубину.

Фишер ухватился за лестницу и начал подниматься.

Лестница восходила на девять метров, последние три метра поднималась над водой и оканчивалась прямоугольной площадкой, огражденной перилами. Другая лестница, окруженная

клеткой, продолжала подниматься вверх на другую площадку, обвиваясь вокруг свай. Он остановился, снял водолазный костюм и бросил за борт, затем пошел вдоль площадки к дальней части свай, где он увидел решетчатые ступеньки, уходящие вверх и извивающиеся до горизонтального люка размером с дверь.

Сэм поднялся по второй лестнице до верхней ступени и дернул рычаг. Тот повернулся в положение "открыто" с глухим стуком.

Фишер включил НВ, вытащил пистолет, прислонился спиной к люку, напряг ноги и поднялся на пару сантиметров. Люк открылся со скрипом. Помещение впереди было раздевалкой: покрытый плиткой пол, душевые отделения, шкафчики по одну сторону и туалетные кабинки по другую. Фишер выпрямился, осторожно удерживая правой рукой край люка, чтобы тот не ударился. Затем забрался на последнюю ступень и закрыл за собой люк.

В дальнем конце раздевалки была дверь с иллюминатором на уровне подбородка. Слева — ряд из четырех иллюминаторов, Сэм подошел к одному из них и выглянул на палубу платформы.

Эта платформа, как и большинство разведывательных и буровых платформ, была построена вокруг нефтедобывающего и бурильного оборудования, которое опускалось через квадратное отверстие размером тридцать на тридцать метров в центре платформы. По обе стороны от этого отверстия располагались три этажа рабочих будок, соединенных между собой крытыми проходами. Поворотные краны возвышались над каждой из будок. На дальней северной стороне платформы была вертолетная площадка, окруженная перилами. На этой площадке стоял вертолет. Фишер попытался разобрать модель, но горизонтальный дождь сделал это невозможным.

Сэм обратился к ОПСАТу за чертежами платформы и сориентировался. Эта раздевалка была на нижнем этаже западных будок. Он проверил маяк Стюарта: тот все еще был активен, где-то над ним, на востоке.

Фишер подошел к двери и выглянул через окно. Виднелся узкий неосвещенный коридор, оканчивающийся лестницей. По привычке Сэм осмотрелся в режимах ИВ и ЭВ и не заметил ничего необычного. Он открыл дверь и забрался по лестнице на следующий этаж. Этот этаж оказался достаточно открытым с цельной стеной слева и половинчатой справа, поэтому Сэм мог видеть свисающие трубы и кабели. Он подошел к стене и посмотрел вниз. Двадцатью пятью метрами ниже море билось о сваи. Фишер поднялся на третий этаж, затем на верхний, который был похож на предыдущие за исключением одной детали. В дальнем конце он обнаружил крытый проход к восточным кабинам.

Сэм шел по проходу. Приближаясь к его концу, Фишер остановился и прислушался. Ничего. Он уже было собрался продолжить путь, как донесся звук, достаточно определенный. Голоса. Сэм прокрался до конца прохода, прижался к стене и выглянул из-за угла.

Пространство, которое он увидел, было вдвое короче: около девяти метров, планировкой оно напоминало лабораторию: прямоугольные ламинированные рабочие столы вдоль стен и три стола, расположенные перпендикулярно, в центре. Флуоресцентные лампы свисали с потолка с интервалом в три метра, освещая помещение холодным серым светом.

Позади столов Фишер увидел нечто напоминающее передвижную барокамеру, находящуюся вдоль противоположной стены; на столе перед камерой находилось устройство. Оно было приблизительно три метра в длину и состояло из параллельных труб различных диаметров, от полсантиметра до десяти, и сплетения электрических кабелей, которые были собраны в стальное кольцо, казавшееся приваренным к двери камеры чуть ниже иллюминатора, через который Фишер увидел тусклый свет. Он видел снимки подобного устройства. Это был грубо сделанный линейный ускоритель частиц.

На стульях перед ускорителем, активно беседуя, сидели трое. Четвертый, в черной кожаной куртке, стоял позади группы, скрестив руки на груди. Фишер приблизил изображение. Это был Чин-Хва Пак.

Стюарт сидел посередине между корейцами. Человек слева от Стюарта держал планшет, по которому он стучал ручкой и размахивал перед Стюартом, который отталкивал его.

Позади его, Пак вытащил пистолет и приставил к голове Стюарта. Он наклонился и что-то прошептал Стюарту на ухо.

Стюарт неохотно взял планшет и начал листать страницы.

Фишер сделал снимки, запечатлев все лица мужчин, линейный ускоритель и барокамеру. Он оглядел помещение в поисках места для установки "Липкого уха", но пространства было слишком мало. Пак бы услышал звук установки прибора.

Стюарт закончил листать страницы планшета и что-то внимательно изучал. Он жестом обратился к мужчине, тот достал калькулятор из портфеля на полу и передал его. Стюарт начал нажимать кнопки, делать записи и листать страницы взад и вперед.

Он отдал планшет обратно первому мужчине и постучал по чему-то ручкой на странице, потом начал жестами указывать на различные части линейного ускорителя. Мужчины внимательно слушали, пока Стюарт не закончил, затем начали беседовать друг с другом.

Четвертый кореец вошел в помещение через дверь позади камеры. Он прошептал что-то Паку и вручил ему нечто, похожее на пульт управления. Пак кивнул и убрал прибор в карман.

Неожиданно Фишер позади себя в проходе услышал скрип. Он развернулся и достал пистолет. Кореец стоял в проходе. Очевидно удивленный и неуверенный, мужчина щурился, пытаясь различить фигуру, наполовину спрятанную в тени. Его рука исчезла в куртке и появилась с пистолетом. Сэм выстрелил. Мужчина отшатнулся, его рука, держащая пистолет, по-прежнему поднималась. Дуло озарила вспышка, в проходе раздался выстрел.

Фишер развернулся вновь. Пак и его партнер уже сдвинулись с мест: последний достал пистолет и прицеливался в сторону Сэма, пока Пак выкрикивал приказы двум другим корейцам, толкая их в дверь. Отверстия от выстрелов усеяли стену позади Фишера. Сэм прополз налево, трижды нажав на курок во время движения. Пак, выставив двоих корейцев за дверь, повернулся к Стюарту, пытающемуся подняться на колени. Пак вытащил из кармана пистолет и направил в голову Стюарту. Тот издал крик, который Фишер мог описать как наполовину отчаянный, наполовину злобный, а затем рванул на Пака. Другие корейцы, отвлекшиеся на крик, повернулись в их сторону. Фишер поднялся, прицелился и продырявил голову одному мужчине.

Пак, испугавшись Стюарта, попятился к двери. Его оружие выстрелило, затем снова. Стюарт оступился, но продолжил движение. Он обхватил Пака, и они вместе вылетели через дверь.

Фишер зачехлил пистолет, достал SC-20 из-за спины и побежал, огибая и перепрыгивая через столы, к месту, где лежал кореец. Он проверил мужчину: тот был мертв. Поднявшись, Фишер медленно прокрался к двери и выглянул за угол. Пак исчез, но на ступенях головой вниз лежал Стюарт. Сэм примчался к нему и встал на колени.

Он все еще был жив, но очень плох. Фишер расстегнул его куртку и распорол рубашку. Одна пуля вошла чуть выше пупа, другая — в центр грудины, прямо под костью.

— Это линейный ускоритель, — с трудом изрек Стюарт, дотягиваясь до руки Фишера и подвигая его ближе.

— Они используют его... используют... — прокашлял Стюарт. Он вновь открыл рот, чтобы сказать, но тот был полон пузырящейся крови.

— Прости, Кэльвин.

Стюарт слегка дернул головой и стал неподвижен.

Откуда-то снизу Фишер услышал приглушенный удар, затем еще один и еще. Вибрирующий грохот раздался по лестнице и, спустя несколько секунд после пронзительного скрежета стали, задрожали стены.

"Пульт управления, — подумал Фишер. — Избавляются от улик".

Фишер в последний раз сжал руку Стюарта, затем положил ее ему на грудь и начал спускаться по лестнице. Остановился. Развернулся. Осталось последнее дело...

Он помчался обратно вверх по лестнице в лабораторию. Сделал фотографии крупным планом линейного ускорителя и приваренного к двери камеры соединительного кольца, затем прислонил лицо к иллюминатору. Ракурс был неудачный, а единственная лампочка внутри

камеры — тусклой, но Сэм наспех сделал три снимка внутренних соединителей, надеясь поймать в кадр как можно больше деталей.

Палуба под ногами наклонилась влево. Откуда-то послышалась частая серия звуков "поп-поп-поп" отлетающих заклепок и гнущейся стали.

Сэм уже собрался отвернуться от камеры, как что-то привлекло его внимание. Он вновь прильнул лицом к иллюминатору. Ему потребовалось добрых десять секунд, чтобы понять, что он видит. Сверху и снизу обе стенки камеры были пересечены полосками крови, и там и тут кровавые отпечатки ладони.

Фишер почувствовал, как желудок подступил к глотке.

"Кончики пальцев Питера были стерты почти до кости. Вот оно. Вот где все это случилось.
Где они его убили".

Тут палуба сильно наклонилась. За Сэмом стулья и столы покатились по полу и врезались в стену. Все еще таращась в камеру, Фишер схватился за колесо, чтобы устоять. Где-то внутри головы слабый голос шепнул ему:

"Выбирайся... выбирайся!"

Он оторвал взгляд от иллюминатора и направился к двери.

26

ГЕРМАНТАУН, МЭРИЛЕНД

ПОСЛЕ ночи наблюдения и беспокойного сна в Бетесда, Фишер ехал домой к фермерскому домику 1940 года, окруженному четырьмя квадратными километрами красного клена и сосны, приблизительно в тридцати минутах на северо-запад от Вашингтона. От "Фермы Фишера", как называла ее Гримсдоттир, ближайший сосед находился очень далеко, а дорога, на которой жил Сэм уходила вглубь сельской местности Германтауна, так что единственные, кто по ней ездил были те же соседи или случайные странники. Там не было ни гула двигателей, ни сирен автомобилей - мало шума, за исключением звуков природы: щебета синиц, кваканья лягушек, звуков раскачивающихся на ветру кленов.

Сэм приобрел эту собственность по дешевке у бывшего владельца, который уехал из штата несколькими годами ранее и позволил прийти месту в упадок. Список необходимых перестроек в доме никогда не казался Фишеру коротким, но и не беспокоил его. Он находил это "неэкстраординарной" терапией: переложить плитку в ванной или починить сломанный ставень — идеальное противоядие от работы, которое было ничем иным, как обыденностью.

Сэм выбрался из машины и поднялся по ступеням на крыльцо. В полуметре от парадной двери располагалась коробка из-под шляпы, до краев наполненная письмами. На пути домой он звонил миссис Стинсон, бывшей библиотекарше, жившей в километре вниз по дороге. Привязанная сбоку коробки записка гласила:

"С возвращением. Яблочный пирог для тебя на заднем крыльце. Эдна."

Фишер улыбнулся.

"Дом, милый дом".

ОН принял душ, сделал кофе и тарелку яичницы с ветчиной, затем растянулся на кушетке под окном в эркере и немного почитал книгу "Отель "Белый носорог" Бартла Булла.

Вздремнул около часа, переоделся и вышел на улицу полоть участок. Он бросил это занятие через десять минут. Снял перчатки, прошелся до середины лужайки и сел под солнцем, поджав ноги.

Разум не хотел переключаться и продолжал возвращаться к платформе, к Кэльвину Стюарту, к отпечаткам руки на стенке камеры, кровавым искромсанным ногтям...

Ему не следовало обещать Стюарту, что он поможет выбраться. Уж он то точно знал. В мире мало того, в чем можно быть уверенным, а при его роде занятий куда меньше. Сэм не мог решить, что наиболее беспокоило его: то, что он пообещал обезопасить сотрудничество Стюарта или то, что он действительно в это верил. Чтобы выжить и преуспеть в спецоперациях приходится иметь особый склад ума: во что бы то ни стало сделать работу.

Это не означало отступления от морали, как таковой, но подразумевало степень преданности, безмолвную клятву о выполнении задачи, невзирая на препятствия или трудности.

Подсознательно ли он следовал своей клятве, когда уверял Стюарта? Еще до высадки на "Госселину" Сэм знал, что у Стюарта есть жена и семилетняя дочь.

Теперь у них его нет. Верил ли Стюарт, умирая, что Фишер спасет его?

Питер. Фишер пытался представить, каково было его брату, попавшему в западню в этой камере, в этом железном гробу, слышать раскручивающийся мотор ускорителя, а потом... каково? Что он ощутил? Было ли...?

"Перестань, Сэм. Просто перестань".

Он крепко сжал глаза, затем открыл их и уставился в небо, смотря, но, не видя облаков.

Была и другая опасность в его работе. Некоторые оперативники никогда не позволяли себе так думать: они просто стирали свои душевные переживания во время миссии и двигались дальше. Другие, как Фишер, делали то же самое, но только после миссии. Прятали свои беспокойства, страхи и эмоциональные порывы в воображаемое хранилище, запирали их там, затем открывали, находясь дома в безопасности. Мнения по поводу наиболее здравого подхода разнились, но для Фишера не было никаких сомнений. Много вещей можно закрыть в этом хранилище, прежде чем все начнет просачиваться. Лучше все оттуда выметать.

Фишер решил, что он не лгал Стюарту. Он имел в виду то, о чем говорил и пытался вытащить его. Он не справился. И точка. Это было обещание, которое не следовало давать, но что сделано, то сделано. Его намерения были благими, его исполнение — не очень.

И что до Питера... Во что бы то ни стало, долг будет уплачен. Любой и каждый, причастный к его смерти, заплатит сполна.

В кармане Сэма завибрировал телефон. Он раскрыл его. Это была Гримсдоттир:

— Итак, каковы предпочтения? Ресторан "У Мортона"[22] или твой задний двор?

— Ты сбила меня с толку, Грим.

— Я голосую за твой стейк. Неважно, просто включи телевизор и перезвони.

[22] **"У Мортона" — ресторан в Лос-Анджелесе, часто посещаемый знаменитостями, в том числе кинозвездами.**

Фишер вошел внутрь и включил телевизор на кухне, там уже был настроен канал MSNBC.

— ... вновь, шокирующие новости из раздираемого войной Кыргызстана...

Изображение в рамке около ведущей сменилось, появилась трибуна, за которой стоял президент Кыргызстана, уходя в отставку два дня назад. Сейчас за ней стоял Болот Омурбай.

— Давайте послушаем, — произнесла ведущая новостей.

— ... слава Аллаху и воле кыргызского народа, я вернулся, чтобы направить нашу страну на пути к исламу — древним путям Манаса, как это было до того, как все отравил запад своими технологиями, своей современной бездушностью.

Глаза Омурбая посоловели, пока он говорил, он пристально глядел вперед, словно находясь в каком-то своем мире.

— Направьте свои взоры на Кыргызстан и узрите наше могущество. Бич Манаса вернулся, чтобы вернуть величие заплутавшей кыргызской нации.

Омурбай внезапно остановился. Он несколько раз закрыл глаза, выходя из транса, затем продолжил.

— Мне говорят, почти весь мир считал меня мертвым.

Тут Омурбай показал обезоруживающую улыбку и развел руки.

— Как говорится, новости о моей кончине были преувеличены.

— Незаконное правительство, за которым стоят злобные силы США, кормит ложью весь мир и людей Кыргызстана — ложью, предназначенной сломить дух моего народа...

Фишер заглушил телевизор.

Боже правый. До сего момента его подозрения, что Омурбай жив, были умозрительны, но теперь это был факт.

Конечно же, Омурбай лгал. Мужчина, схваченный рейнджерами США в той пещере, был одет в форму Омурбая, отзывался на это имя и предстал на суде.

Покинул ли к тому времени Омурбай свою страну? Фишер это подозревал. Он, скорее всего, бежал через казахскую границу еще до бомбежки. Затем поддерживаемый лоялистами он добрался до Малого Бишкека и исчез в бакиевском Ингонише. Что оставалось узнать, это связь Омурбая с Северной Кореей. Чем было движимо это сотрудничество?

Фишер раскрыл телефон и позвонил Гримсдоттир, затем сбросил, начал колебаться и закрыл телефон. На кухонном столе стояла коробка из-под шляпы, набитая почтой. Один из конвертов, выпирающий из стопки, привлек его внимание, Сэм подошел и раскрыл его.

У него дрогнуло сердце. Он узнал почерк на конверте.

27

ТРЕТИЙ ЭШЕЛОН СИТУАЦИОННАЯ КОМНАТА

— Уверен? — спросил Ламберт.

Фишер, не отрывая глаз от запечатанного в целлофан письма, лежащего в центре конференц-стола в круге света, казалось, не слышал. Реддинг и Гримсдоттир, также склонившиеся над письмом, ждали его ответа.

Через несколько секунд Фишер повернулся к Ламберту.

— Прошу прощения?

— Письмо. Уверен, что это почерк Питера?

— Да, его.

Подавляя свое желание сразу же открыть письмо, Фишер немедленно позвонил Ламберту, который позвонил в центр управления Министерства энергетики, а те, в свою очередь, направили домой Фишеру команду ОЧСОАЭ. Хотя их первоочередной задачей является распознавание и работа с ядерным оружием, ОЧСОАЭ при обыденных обстоятельствах были лучшей группой быстрого радиоактивного реагирования в стране. Хоть это и маловероятно, но если письмо и содержало малейшие следы PuH-19, то нуждалось в соответствующей обработке.

Пока письмо было на пути в Брукхэвенскую национальную лабораторию в Нью-Йорке, Фишер был доставлен в университетский госпиталь в Джорджтауне, где доктора, уже осведомленные о характере возможного заражения, провели полный медосмотр — внутренний и внешний, с головы до пят. Ни следа PuH-19.

Четырьмя часами позже письмо также было признано чистым, поэтому перевезено в лабораторию ФБР в Квантико, где оно прошло через отдел "Скрытой печати" и отдел "Трасологии", затем возвращено в Форт-Мид. На письме были обнаружены отпечатки Питера, других деталей, стоящих внимания, не было.

Письмо получило почтовый штемпель в Нууке, где Питера впервые взяли, забрав его с рыболовного судна, за четыре дня до этого Питера переместили в госпиталь Джонса Хопкинса. Каким образом письмо было отправлено, Фишер мог только гадать, но наиболее вероятный ответ, это добродушная медсестра или санитар. Что остается настоящей загадкой, так это то, как Питеру удалось сбежать из камеры на борту платформы и добраться до спасательного плота.

— Это не его обычный почерк, я считаю, — произнесла Гримсдоттир.

Фишер покачал головой.

— Он, должно быть, уже был болен. Плюс он никогда ничего не записывал. У него была фотографическая память.

Почерк, без сомнения принадлежащий Питеру, был трясущийся, словно написанный дрожащей рукой.

Само это письмо, начинающееся со слов: "Сэм... важно... воедино... ответы тут", по сути, не было письмом, а скорее набором разрозненных каракуль, часть была написана вдоль ровной линии, часть — на полях, другая часть — вверх тормашками и уходящая за пределы листа.

Похоже, Питер пытался извлечь из своего лихорадочного и угасающего сознания наиболее важные части своего расследования в надежде, что Фишер сумеет поймать след.

Там были отсылки к Площадке 17, ныне разрушенной бурильной платформе, Малому Бишкеку, пропавшей Кармен Хейс — каждую из которых Фишер понял. Но были и другие записи, слова и цифры, похоже, не связанные ни с чем из того, с чем сталкивался Сэм:

"Солнечная ... Звезда ... Найлс ... Вандрэш ... 49- 2303253/1443622 ... Озири ... Красный ... три ... ми ... цеты"

— Проблема в том, — сказал Реддинг, — что мы не знаем, насколько сильно PuH-19 распространился по его организму, когда он это писал. Все это может быть чепухой. Тогда для него это и могло иметь смысл, но, по крайней мере, мы должны рассмотреть письмо как бессмыслицу.

Реддинг уловил на себе взгляд Фишера и поморщился.

— Прости, Сэм, без обид.

— Никаких. Ты прав; это возможно.

— Может быть, — сказала Гримсдоттир, стуча карандашом по столу — может нет.

Она развернулась, подошла к компьютеру и стала нажимать на клавиши. Несколько минут они беззвучно наблюдали за ней, а затем Ламберт сказал:

— Грим ...

— Погоди-ка ... Хорошо, так и думала.

Она подозвала их указательным пальцем, они подошли и облепили монитор. На экране была статья с вебсайта "Дискавери Ченнел" под названием "Утраченная Солнечная Звезда".

... тайна, остававшаяся нераскрытой на протяжении почти шестидесяти лет. "Солнечная Звезда" — гражданская версия транспортного самолета Второй мировой войны Кёртисс С-46 "Коммандо", принадлежащего миллионеру, геологу-авантюристу Найлсу Вандрэшу, который вместе со слугой Озири взлетел из Мванзы, Танзания, вечером 17 ноября 1949 года. "Солнечная Звезда", пилотируемая самим Вандрэшем, так и не долетела до пункта назначения в Аддис-

Абеба в полутора тысячах километров в Эфиопии. Обширные поисково-спасательные работы не нашли никаких следов Вандрэша и "Солнечной Звезды". Они просто исчезли с лица земли ...

Ламберт выпрямился и тихо присвистнул.

— Будь я проклят.

— Я знала, что эти слова звучат знакомо, — сказала Гримсдоттир.

— Цифры, — сказал Фишер. — Первые две до тире совпадают с годом исчезновения Вандрэша. Остальные — два набора по семь цифр, разделенных слэшем — широта и долгота?

— Возможно, — произнес Реддинг. — Что насчет остальных слов — Красный ... три ... ми ... цеты?

— Без понятия, — ответила Гримсдоттир. — Надо еще покопаться. Но это действительно шокирует, — добавила она.

Ее пальцы быстро двигались по клавиатуре: она открыла Гугл и набрала эти слова, затем нажала "Ввод". Грим торжественно указала на экран, где отображалась база данных по генеалогии.

— Слуга Вандрэша... Озири? Это традиционное кыргызское имя.

— ЧТО мы должны решить, — сказал Ламберт после того, как все заняли свои места вокруг стола переговоров, — стоит ли за этим гнаться? Грим, на каком этапе мы находимся в собирательстве этой мозаики воедино?

Гримсдоттир вздохнула и развела руками.

— Стюарт мертв, лежит на глубине двух километров в ледяной воде вместе с любой из улик, которую мы могли бы обнаружить на Площадке 17, сейчас у нас нет ничего, что бы вывело нас на Кармен Хейс, Пак и его пособники исчезли. Я все еще работаю над финансовыми данными Легарда и Бакиева и данными, что добыл Сэм, и перехваченными из Ингониша, но... Одним словом мы в тупике.

— С другой стороны, — произнес Реддинг, — у нас есть письмо Питера, которое, как оказывается, не лишено смысла...

Гримсдоттир прервала его.

— И эти цифры могут быть координатами долготы и широты. Они совпадают с реальными местами на карте: одно из них в Танзании, другое — в Кении...

— И у нас есть Озири, а это связь с Кыргызстаном, хоть и слабая. Или это может быть чертовым совпадением и ничего не значить.

Вокруг стола воцарилась тишина на долгих десять секунд, затем Ламберт повернулся к Фишеру.

— Сэм?

— Все сводится к тому, что мы знаем и с чем мы остались. Мы знаем, что Болот Омурбай и северокорейцы сотрудничают. В чем их сотрудничество заключается, мы не знаем, но можно быть уверенным, что не в чем-то хорошем, и что само по себе это не закончится. Мы также знаем, что все зацепки, обнаруженные нами, пришли из расследования Питера. А то, что в этом письме, — Фишер кивнул в сторону целлофанового свертка в центре стола, — было настолько важным, что это было вероятно последней вещью, которую Питер сделал перед смертью. Не имея ничего другого, посмотрим, к чему это нас приведет.

Ламберт обдумал это, затем кивнул.

— Согласен. Как твой суахили?

— Niliumwa na papasi. Kichwa kinauma, — ответил Фишер.

— Ух ты, потрясающе, — произнесла Гримсдоттир. — Что это значит?

— Меня укусила многоножка. Мне нужен доктор.

Ламберт тяжело вздохнул, пряча улыбку, и тряхнул головой.

— Ладно, давай найдем тебе прикрытие.

Он потянулся к телефону.

28

НАЙРОБИ, КЕНИЯ

ФИШЕР постучал водителю по плечу, тот обернулся и посмотрел назад поверх сидений. "Тренчтаун-рок" Боба Марли раздавался из передних динамиков, заставляя вибрировать двери такси. К счастью, кондиционер "Пежо" работал словно промышленная морозильная камера, охлаждая салон до восемнадцати градусов. Руки и бедра Фишера, одетого в рубашку с коротким рукавом и шорты, покрылись гусиной кожей еще с момента отъезда от аэропорта.

— Остановись здесь.

— А?

Фишер указал на обочину.

— Здесь!

— Да, да, хорошо.

Водитель остановился. Фишер отсчитал четыре сотни кенийских шиллингов — около шести долларов — и вручил их таксисту, забрал свой рюкзак и вышел на тротуар, или то, что называется тротуаром — слой грязи, на десять сантиметров выше, чем на проезжей части. Фишер ощутил, как жар обволакивает его, словно он прямо под феном. Сэм махнул водителю, и тот умчался, сотрясая стеклами от музыки Боба Марли, в масляном голубом дыму.

Фишер огляделся в поиске ориентиров. Если он верно читал карту, которая была начерчена вручную и испачкана линиями от факса, то Сэм стоял на дороге Букумби. Несмотря на популяцию в почти два миллиона и многонациональность, Найроби, вдали от главной магистрали, казался довольно маленьким, лишь несколько зданий выше пяти этажей, минимум блеска и роскоши, свойственным современной архитектуре. Столица Кении — Найроби была культурным, экономическим и политическим центром страны.

Трое хихикающих черных детишек — две девочки и мальчик — бежали по тротуару в сторону Сэма, уклоняясь и виляя, словно ловили цыпленка, затем резко остановились. Уставились на него широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами.

Фишер улыбнулся.

— Jambo, — сказал он.

Еще несколько секунд дети глазели на него, затем одна девочка осторожно улыбнулась, ее зубы были идеальны и белы.

— Jambo. Добрый день, сэр.

— Твой английский очень хорош, — отметил Фишер.

— Спасибо, сэр.

— Я ищу кое-кого. Можешь помочь?

Маленькая девочка кивнула и Фишер сказал:

— Ее зовут Элишин Воллэс...

— Мисс Эли?

Фишер кивнул.

Позади себя Сэм услышал женский голос:

— Можно сказать, Вы меня нашли.

Фишер обернулся. Женщина, которую дети называли "мисс Эли", была одета в капри защитного цвета и голубую футболку с логотипом ВВС США и фразой "ЧЕМПИОН ПО БИЛЬЯРДУ СРЕДИ ВВС". Уголки ее рта, казалось, всегда улыбаются.

Фишер кивнул.

— Сэм.

Она протянула руку, и Фишер пожал ее.

— Эли, — ответила она. — Бегите, детишки, ваш цыпленок удирает.

Ребята резво побежали, виляя и хихикая.

— Ahsante, — произнес Фишер.

— Не за что, сэр, — отозвалась через плечо девочка.

— Ваш суахили не плох, — сказала Эли.

— Спасибо. Несколько десятков фраз — это все, что я знаю.

— Идемте. Я живу неподалеку.

ОНИ прошли к ее дому в нескольких кварталах и сели на заднем дворике с видом на озеро Найваша. Нижняя кладка стены была окружена зубчатыми листьями папоротника, которые шумели под легким ветерком. Эли предложила стакан чая со льдом, а затем откинулась на ротанговый стул с высокой спинкой.

— Скажите мне еще раз, — сказала она, — откуда вы знаете Бутча?

По правде говоря, Фишер не признал бы Бутча, даже если он прошел бы мимо него на улице. Человек, которого Эли знала как Бутч Грин — сотрудник Красного Креста, а на самом деле Бутч Мэндит был офицером ЦРУ, который получил распределение в Найроби шесть месяцев назад.

Запрос Ламберта в Лэнгли на местный контакт в Найроби привел к Мэндиту, который в свою очередь назвал имя Эли. Будучи сотрудником гуманитарной миссии Детского Фонда, Эли приехала в Кению в 1982 и больше ее не покидала.

— Теперь, — сказала она ему, — по будням я преподаю английский в школе Святой Марии, а по выходным играю в бильярд и гоняю на водном велосипеде на реке Кисембл.

Согласно Мэндиту, Эли знала Кению лучше большинства чернокожих, проживших в ней всю жизнь. Ей было известно, что Фишер — предприниматель, который рано ушел на пенсию и теперь ездит по земному шару в поисках приключений.

— Встретился с ним на благотворительном мероприятии в Балтиморе несколько лет назад, — ответил Фишер, — Я хотел спросить вас. Как насчет гонок на водных велосипедах?

— В основном это для детей. Мы собираемся вместе, оплываем озеро, устраиваем пикник.

— Отличный способ провести воскресенье.

— Присоединяйтесь.

Фишер пожал плечами и отпил чай.

— Я подумаю.

— Так, значит, вы приехали в поисках "Солнечной Звезды", а?

— Это так.

— Много людей ее искало, Сэм. За шестьдесят то лет.

Фишер улыбнулся.

— Я люблю испытания.

— Машина есть?

Фишер нырнул рукой в карман рубашки и вытащил визитную карточку, и передал ей.

— Мой турагент все устроит. "Рендж Ровер".

Эли кивнула и вернула визитку.

— Я знаю этого человека. Он хорошо с вами обойдется. Вы знаете, куда направляетесь?

— Более или менее.

"Скорее менее чем более", — подумал Фишер.

Все что у него было - это две пары координат, первая пара была в трехстах двадцати километрах к северо-западу, в глубине Великой рифтовой долины кенийских гор; вторая - в двухстах сорока километрах на восток возле залива Винам озера Виктории. Что Сэм обнаружит там, если вообще хоть что-то, он не знал, но он полагался на то, что узнал Питер и что тем или иным образом эти места были связаны с исчезновением Кармен Хейс, Северной Кореей, Болотом Омурбаем и PuH-19.

Фишер был готов получить некоторые ответы. Он, Ламберт, Гримсдоттир и Реддинг слишком долго глазели на эту, казалось бы, нерешаемую головоломку, и инстинкты Фишера подсказывали, что все, что бы ни происходило, скоро должно было проясниться.

— Снаряжение, провизия и тому подобное? — спросила Эли.

Фишер кивнул на лежащий рядом со стулом рюкзак "Грэнит Гир".

— Оружие? — спросила она.

— Базуку конфисковали в аэропорту.

Она щелкнула языком.

— В малонаселенной местности на шоссе орудуют бандиты. Они украдут вашу шкуру, если подумают, что смогут ее продать, — торжественно произнесла она, и подмигнула. — Не волнуйтесь, я все улажу. Умеете обращаться с оружием?

— Просто направить конец с отверстием на плохого парня и спустить курок.

Эли прищурилась, затем поняла, что он пошутил и засмеялась.

— Верно.

Она проверила часы.

— Вздремните. Когда проснетесь, я отведу вас поужинать. Я знаю место, где подают рыбу-попугая, которая вам очень понравится.

Рыба-попугай на самом деле была фантастической. Они вернулись домой на закате. Как и было обещано, агент по прокату доставил "Рендж Ровер" к дому, в комплекте с дополнительными канистрами воды и топлива.

Фишер вошел в свою спальню, включил ночник и потянулся. Зазвонил спутниковый телефон, и он проверил экран: Гримсдоттир.

— Доброе утро, Грим.

— Добрый вечер тебе.

— Как по мне, так утро. Что случилось?

— Полковник на линии.

— Ламб.

— Когда выступаешь? — спросил Ламберт.

— В пять утра.

— Омурбай выходил в эфир, и снова подражал Гитлеру. Помнишь, он упоминал Манаса? "Бич Манаса"?

— Да.

— Это упоминание чего-то под названием "Эпоха Манаса". Традиционный миф/поэма, датируемый девятым веком. Это краеугольный камень кыргызской национальной личности. Миф состоит почти из полумиллиона стихов, в двадцать раз превышающего гомеровские "Одиссею" и "Илиаду", — сказала Гримсдоттир.

— Стоит ли мне добавить его в свой список для прочтения, — сказал Фишер, — или существует краткий пересказ?

— Хорошо, вот укороченная версия: Манас и его отпрыски отправляются на встречу разнообразным приключениям, ведут войну, ищут родину и становятся героями. Я закачала

электронную версию из Гарварда. Я просканировала ее от корки до корки, но никакого упоминания фразы "бич Манаса".

— Значит, Омурбай приобрел творческую лицензию, — сказал Фишер.

— Психиатры в Лэнгли так не думают. Омурбай употреблял эту фразу на пресс-конференциях более семи раз. Они полагают, что это нечто большее, чем просто броская фраза, которую он использует, чтобы поднять массы. Они считают, что она имеет для него значимый смысл, — сказал Ламберт.

Фишер несколько секунд молчал.

— Бич, — сказал он, — Может иметь двоякое значение. Бич в качестве мучителя, и тогда в этом случае он говорит про себя. Или, он использует его в буквальном смысле: бич, как цеп или кнут.

— Иначе говоря, — сказал Ламберт, — оружие.

— Не просто оружие, — поправил его Фишер. — Оружие достойное эпического, национально-освободительного героя.

29

КАПИДО, КЕНИЯ

ФИШЕР свернул "Рендж Ровер" с грунтовой дороги в сени деревьев, нависающих над обшитой досками хижиной. Выкрашенная вручную красно-белая вывеска настолько выцвела, что была едва различима, однако он смог прочесть: "У ДЖИМИЮ". Тощая, более-менее покрытая перьями курица, спрыгнула с жестяной крыши хижины и с воплем приземлилась на капот машины.

— Адеде, кышь, кышь! — выкрикнул мужской голос. Чернокожий мужчина, ростом почти в два метра, вынырнул из дверного проема хижины, размахивая руками на курицу.

— Плохая девочка, плохая!

Его английский был с легким акцентом.

Курица гордо прошла через капот и спрыгнула вниз.

Фишер открыл дверь "Ровера" и выбрался из машины.

— Мистер Джимию?

— Мистер Барнс? — спросил мужчина, подходя ближе для рукопожатия.

Джимию имел худощавое телосложение, выпирали кости на локтях и запястьях, и у него были идеальные, белые зубы и живые глаза.

— Добро пожаловать в Капидо. Как доехали?

Фишер затемно выехал из Найроби. У него ушло почти шесть часов, чтобы преодолеть двести восемьдесят один километр до Капидо. Опасения Эли насчет бандитов на шоссе оправдались. Дважды Сэму приходилось применять старинную М-14, которую ему одолжила Эли. Первый раз на дороге между Накуру и водопадом Ньяхуруру, когда древняя "Субару Брат", набитая подростками, вооруженными пангами[23], села Фишеру на хвост и начала сигналить, чтобы тот свернул на обочину; второй раз к северу от Носогуру, где трое мужчин потребовали оплату (им нужен был "Рендж Ровер") за проезд по мосту. В каждом случае, непроизвольный взмах М-14 разрешал дискуссию.

— У вас не было никаких проблем, да? — спросил Джимию.

— Никаких.

— Хорошо, хорошо. И скажите: как поживает Ирвинг?

[23] **Панга - большой нож с широким лезвием.**

Удивительно, однако, контакт Фишера для заключительного этапа путешествия к предполагаемому месту крушения "Солнечной Звезды" пришел не от ЦРУ, а от самого Ламберта, который просто назвал Фишеру имя и уверенно назвал четыре слова:

— Ты можешь доверять ему.

Не предоставляя иных объяснений. Когда Фишер настоял на пояснении, Ламберт просто подмигнул и сказал:

— В другой раз.

— Он передает привет

Фишер подошел к багажнику "Ровера", поднял дверцу, и вытащил свой рюкзак.

— У него для вас послание.

— О?

— Он сказал: "Бараса славно поживает".

Джимию хлопнул ладонями и широко улыбнулся.

— Превосходно. Пошли, следуй за мной. Нужно поесть, затем будем выступать. Если повезет, я отведу вас туда до наступления ночи.

Час спустя, Джимию вел Фишера по тропинке в джунгли к дощатой пристани у реки. Нежно качаясь вверх-вниз, на мутной коричневой поверхности реки находился двух с половиной метровый моторный вельбот ВМФ США времен Второй мировой войны, демонстрирующий свежий слой серой краски боевого корабля и два троллинговых мотора, прикрепленных к поперечной балке на корме.

— Мило, — сказал Фишер. — Где вы его достали?

— Нашел, — гордо сказал Джимию, сверкая зубами.

Фишер склонил набок голову в сторону кенийца.

— Честно, — добавил Джимию. — Я рыбачил возле Тангулба, когда он плыл по течению. Он был пуст и едва на плаву. Корабль-призрак. Я подплыл и отбуксировал его к берегу, а друг с грузовиком помог мне доставить сюда. Я починил и вот, — он закончил рассказ, разводя руками, как будто показывая магический трюк.

— Насколько быстрый?

— Двадцать четыре километра в час. С дополнительными топливными канистрами, мы можем проехать почти двести сорок километров.

Фишер сделал в голове расчет: около четырнадцати миль в час на расстояние сто пятьдесят миль. Этого будет достаточно, чтобы добраться до места крушения и вернуться в Капидо. Весь путь отсюда до озера Туркана будет пересекать Восточную рифтовую долину и Великую рифтовую долину, которая простирается на шесть тысяч километров, от Сирии на севере до Мозамбика на юге. Сформированная в результате оседания и разломов земной коры вдоль

тектонической плиты пятьдесят миллионов лет назад, рифтовая долина — сама по себе экосистема, от ста восьмидесяти метров над морем в Кении до сорока метров ниже уровня у берегов Мертвого моря, и в ширину от полутора до ста шестидесяти километров.

Во время полета в Найроби, Фишер изучал спутниковые карты местности. Двести восемьдесят километров реки от Капидо до таинственных координат Питера протекали через густые, трехъярусные джунгли, кипящие ущелья, мимо возвышающихся откосов, до самого дна долины, которая почти на сто восемьдесят метров ниже уровня моря, и повидала на своем веку не больше сотни следов белого человека.

Если это было тем местом, где потерпела крушение "Солнечная Звезда", то неудивительно, что она оставалась затерянной на протяжении практически шестидесяти лет.

Джимию залез на корму, и Фишер протянул ему дополнительные канистры с бензином и водой, четыре стальных патронных ящика, заполненных провизией и припасами, затем отвязал веревки и запрыгнул в шлюпку. Джимию уперся костлявой ногой в док и оттолкнулся, затем завел двигатели и открыл дроссельную заслонку.

Следующие несколько часов они скользили по течению реки, минуя деревни и другие лодки, в основном остроносые рыбацкие доу. Джимию, казалось, знал всех, и, проплывая мимо, махал рукой и улыбался, громко крича на суахили, однако в большинстве случаев на реке не было движения. Джимию насвистывал, одна рука удерживала дроссельную заслонку, а другая покоилась на прикладе старинной винтовке "Маузер" со скользящим затвором. Хотя на его лице было выражение удовлетворенности, Фишер заметил, что глаза Джимию постоянно бегают по берегам реки, по мутной коричневой воде и по сторонам.

— Крокодилы? — в какой-то момент спросил Фишер.

— О, да, очень большие. И кобоку, — сказал он, широко открыл рот и клацнул зубами. — Гиппопотамы, следи за плывущими бревнами. Это могут оказаться совсем не бревна, понятно?

— Я понял, — сказал Фишер, перебирая пальцами свою винтовку.

Хотя мнения разнятся, но широко признано, что гиппопотамы убили больше людей в Африке, чем все животные вместе взятые. Бегемот-самец может весить целых две с половиной тонны, имеет острые как бритва клыки, ожесточенный характер, и способен бегать, подобно спринтеру, со скоростью более сорока восьми километров в час.

Фишер не смог сдержать улыбки. На протяжении всей своей карьеры в него стреляли, резали, дубасили и тому подобное. Он выпрыгивал из самолетов с высоты десяти с половиной тысяч метров, пилотировал минисубмарины, и технически вторгся в десятки стран. По какой-то причине, мысль быть убитым гиппопотамом во время спуска по реке в джунглях Великой рифтовой долины, чтобы разгадать одну из самых живучих загадок двадцатого века, забавляла его. Учитывая все обстоятельства, были куда более худшие способы умереть.

"Сэм Фишер — корм для кобоку".

— Там, — выкрикнул Джимию, указывая на берег.

— Кобоку!

Слева в неглубокой бухточке, находилась дюжина изогнутых коричневых спин, выступающих из воды. Как один, выстроившись в ожидании начала шоу, бегемоты изучали их: глаза едва виднелись над поверхностью воды, уши подрагивали.

Джимию переложил руль, выворачивая вправо и увеличивая расстояние до стада. Он уловил изумленное выражение Фишера и усмехнулся.

— Впечатляет, не так ли?

Фишер мог только кивать, глаза были по-прежнему прикованы к скоплению гиппопотамов, отходящих ото сна. Каждый из них был размером с "Фольксваген Жук".

Через несколько минут Джимию сказал:

— Ирвинг сказал мне, что вы ищете самолет.

— Все верно.

— "Солнечная звезда".

— Да.

— Старая легенда.

— Каково ваше мнение? — спросил Фишер. — Вы знаете местность, куда мы направляемся?

Джимию задумался, покусывая губу.

— Да, очень хорошо. Многие приходили в поисках "Солнечной Звезды", но никто не искал ее в этом месте.

Он пожал плечами.

— Кто знает?

Фишер не ответил. По выражению Джимию, казалось, что он все еще обдумывал ответ:

— Я полагаю, что она либо затеряна где-то в рифте либо в Туркане. Ну, знаете, озеро Туркана.

— Я знаю.

— То озеро — все знают очень мелкое. В основном так и есть, но есть места не такие уж и мелкие.

Он со знанием дела усмехнулся.

— Если мы не найдем ее здесь, вы и я, мы арендуем субмарину и поищем ее в Туркане, хорошо?

Фишер улыбнулся в ответ:

— Хорошо.

30

ВЕЛИКАЯ РИФТОВАЯ ДОЛИНА, КЕНИЯ

ОНИ прибыли на место ночлега (плоская часть берега в ущелье) накануне вечером, и хотя еще оставалось четыре часа до наступления ночи, они решили с новыми силами начать следующий день. Координаты Питера были в шести с половиной километрах к северо-западу. Если повезет, они отправятся на рассвете, доберутся до места к полудню и уже к ночи вернутся в лагерь.

Остаток дня они собирали хворост, а когда Фишер разжег костер, Джимию на целый час исчез в джунглях, и вернулся, неся нечто похожее на огромную крысу. На самом деле, это и была крыса, Фишер с уверенностью знал, что поджаренная на костре она по вкусу будет походить на курицу. Поужинав, Джимию сделал кофе в покрытой ржавчинами эмалированной кастрюле, затем подбросил оставшийся хворост в огонь и подвесил два гамака между деревьями на краю берега.

ФИШЕР освободил ремешок со своего плеча, сдвинул М-14 вправо, остановился на тропе и тихо шикнул Джимию.

По обе стороны от Фишера была густая стена из зарослей.

Он присел на корточки. Джимию прошел вперед метра три, остановился и оглянулся через плечо. Фишер подозвал его пальцем и отошел.

— За нами следят, — сказал Фишер.

— Да, я тоже так думаю. — Ответил Джимию — Мы находимся на границе двух племен: Самбуру и Туркана. Волноваться не стоит; они просто любопытны. Мы не из их племени и не из чужого, поэтому наше присутствие не должно расстроить их.— Джимию улыбнулся и положил руку на плечо Фишера.

— Таков закон?

Джимию пожал плечами.

— Вижу, джунгли вам не враг.

"Скорее старый друг", — подумал Фишер

— Вы из Самбуру или Туркана, — сказал кениец. — Как узнали?

— Вон пара глаз, которая наблюдает за нами. В трех метрах, слева от вас.

Очень медленно, Джимию повернул голову влево и просмотрел кущу. Как Фишер и сказал, пара карих глаз в оправе из белой краски глядели на них из-за пальмового ствола.

— Туркана — прошептал Джимию. Он поднял руку на уровень груди ладонью наружу и сказал:
— Hujambo?
Что означало: Как поживаете?
Фигура скрылась из виду, и через несколько секунд беззвучно вышла из джунглей в трех метрах ниже по тропе. Человек был одет в джинсовые шорты и в блеклую красную футболку с надписью "Клеш турне Анархия 1976". Рукоять мясоразделочного ножа, обернутого веревкой, выступала из петли для ремня его шорт.
— Jambo, — сказал он.
Джимию встал и пошел вперед. Мужчины пожали друг другу руки и начали общение на беглом языке суахили. Фишер узнал, что большинство кенийских племен говорят, как минимум на двух языках: суахили и родном диалекте, которых насчитывается более тридцати, но многие говорят немного по-английски. Джимию и мужчина проговорили еще несколько минут, затем снова пожали руки, затем человек сошел с тропы и исчез.
— Каков вердикт? — спросил Фишер.
— Он из Туркана; они и Самбуру уже говорили о нашем присутствии. Пока мы здесь не охотимся, мы можем безопасно передвигаться.
— Он не хотел знать, почему мы здесь?
— Я сказал ему, что вы... — Джимию остановился и почесал затылок. — Не знаю, как правильно перевести. Я сказал ему, что вы — избалованный белый искатель приключений.
Фишер засмеялся, и Джимию страдальчески пожал плечами.
— Примите мои извинения. С моей стороны так было удобней. Все лучше, чем пытаться объяснить. Я также спросил о самолете. Оба племени знают легенду, но не видели никаких признаков.
ОНИ прошли еще три часа, иногда хорошо протоптанными дорожками, иногда звериными тропами, но в остальном через гущу джунглей, ведомые Фишером по GPS-трекеру. Внутри Сэма, приверженец ориентирования на местности возмущался этой штуковиной, но прагматик в нем знал, что это — необходимое зло. С каждой секундой на счету, компас был роскошью, которую Сэм не мог себе позволить.
Джимию, вооруженный длинным ножом кукри, умелыми взмахами длинных рук прорезал путь, уклоняясь и виляя подобно боксеру, когда переступал через корни и нырял под ветки, указывал на различные растения и животных, суетящихся рядом с тропой, красочно комментируя:
— Очень редкое ... не трогайте ... не ядовитое ... вкусный, но тяжело поймать ...
В полдень они свернули на северо-восток, и спустя час Фишер услышал за деревьями приглушенный рев воды. Ландшафт клонился вниз, пока они пробирались вдоль извилистого

склона холма. Наконец-то склон выровнялся, деревья сменились низкорослой растительностью, и они обнаружили, что стоят у края скалы.

Пятнадцатью метрами ниже, река поднималась по ущелью. Вода была прозрачной и в спокойных местах, которые образовывали валуны, Сэм видел русло реки, усеянное гладкими, круглыми камнями. В ста метрах правее находился шестиметровый водопад, который разделялся на три русла, спадающие по неровной поверхности горы, прежде чем рухнуть в заводь ниже.

Фишер изучал GPS-трекер.

— То самое место.

Он поднес бинокль к глазам и осмотрел длину ущелья, осматривая линию деревьев с обеих сторон до самого горизонта.

— Я ничего не вижу, — сказал он.

— Вы ищете не в том месте, — пробормотал Джимию рядом с ним.

— Что?

Джимию поднял костлявую руку и указал прямо на толстое, инкрустированное виноградной лозой, дерево, которое выступало из края скалы. Фишер уставился на него секунд тридцать, ничего не замечая, пока его глаза не заметили симметрическую форму, скрытую в ветвях: ровная вертикальная линия, еще одна горизонтальная, плавный изгиб ...

"Боже правый".

То, что он увидел, было не дерево. Это был перевернутый хвостовой отсек самолета.

Фишер был потрясен. Конечно же, как брат, Фишер молился, чтобы письмо Питера оказалось бы нечто большим, чем бред больного и умирающего человека, но с мыслями на первый взгляд не связными и отдаленными от сути загадки Кармен Хейс/PuH-19, но все же у него возникали сомнения.

Но вот он, в точно обозначенных координатах: самолет. Теперь, глядя на то, что это было, Фишер понимал, почему даже Туркана и Самбуру, так тесно знакомые с местностью, пропустили его.

Джунгли давным-давно стерли все признаки столкновения, было очевидно, что "Солнечная Звезда" разбилась недалеко отсюда и прорвалась через лес, замедляясь, пока передняя половина фюзеляжа не остановилась и не зависла на краю скалы, спустя минуты, часы или дни, физика взяла свое, и он опрокинулся носом, съехав по склону скалы в реку.

Почти шесть десятилетий листва джунглей, плесень и лишайники обволакивали алюминиевый фюзеляж и превратили его в очередной ствол дерева.

Фишер сбросил свой рюкзак и ружье, затем вытянул из рюкзака восемнадцать метров смотанной 10 мм альпинистской веревки. Пока Джимию закреплял веревку у ближайшего дерева, Фишер скрутил самодельный спусковой крепеж. Он подошел к краю скалы и начал спуск.

Останавливаясь каждые полметра, чтобы ткнуть ножом сквозь виноградную лозу и листья, Фишер опускался вниз по скале, пока от ножа послышался не глухой звон алюминия, а скрежет стали по стеклу. Этот тип самолета Найлса Вандрэша, Кёртисс С-46 "Коммандо", имел в фюзеляже четыре окна, которые начинались у крыла и до окон кабины. Дверь в салон самолета находилась сразу за ними, ближе к хвосту. Крыльев Фишер не увидел, и он предположил, что их срезало во время крушения.

Теперь, имея точку отсчета, он примерил чуть выше, и снова постучал ножом. Окна были установлены ровно в трех метрах друг от друга ... Сэм прекратил спуск и осмотрел фюзеляж, пытаясь различить углы и формы, и, в конце концов, он смог разобрать наклоненный вверх изгиб, который, Сэм мог уверенно сказать, был хвостовым килем. Он изогнулся и вклинился ногами в виноградную лозу, затем принялся медленно, метр за метром, срезать листву, появился клочок фюзеляжа, вскоре за ним последовала входная ручка люка и вертикальный стык. Сэм воткнул кончик ножа в стык и принялся постепенно открывать, как будто банку с краской. Спустя пять минут работы, он услышал стонущий скрежет металла о металл. Люк поддался и распахнулся. Фишер оттолкнулся, уворачиваясь от металлического люка, затем качнулся назад и влетел ногами вперед в отверстие, извиваясь вперед, усевшись задницей на косяк люка.

— Я внутри, — крикнул он Джимию.

На четвереньках кениец перегнулся через край скалы, предложив ему улыбку и подняв палец вверх.

— Будьте очень осторожны, Сэм. Видите ли, вероятно, многие создания обосновались там.

"Великолепно", — подумал Фишер.

Он этого не учел.

Он вытащил из пояса налобную светодиодную лампу, закрепил на голове и нажал кнопку **ВКЛЮЧИТЬ**. Луч осветил противоположную стену салона, гладкую алюминиевую поверхность покрывала плесень. Сэм направил свет вдоль вертикального ствола шахты. Стены и пол были пусты. Ни сидений, ни стеллажей для хранения, ничего. Все это, либо вылетело во время крушения, либо со временем просто отделилось и под действием гравитации рухнуло в кабину. Фишер прикинул в уме: высота скалы приблизительно пятнадцать метров, и около трех

метров хвостовой части самолета выступает над краем скалы. Длина С-46 "Коммандо" составляла двадцать два метра, это означало, что четыре метра передней части самолета, включая кабину, были затоплены водой.

На удивление, интерьер был чист от растительности джунглей. Он был герметичен, единственными повреждениями были лишь разбитые окна кабины, ничто не могло укорениться здесь. Фактически "Коммандо" стал капсулой времени[24]. Сэм направил лампу вдоль салона, но поблекшие стены ничего не отражали. Как будто смотрел в шахту.

Фишер смотал под собой веревку, взял связку в руку и бросил ее в салон.

Послышался глухой звон, когда свободный конец ударился об алюминий, затем наступила тишина.

Он опускался сквозь тьму, по ходу движения осматривая стены, пока его ноги не коснулись горизонтальной поверхности — часть перегородки кабины. Вокруг Сэма беспорядочно валялись сиденья "Коммандо". Сквозь путаницу ремней, подлокотников и скелетных спинок сидений он смог рассмотреть верхний изгиб прохода в кабину; в полутора метрах далее луч лампы отражался от воды. Снаружи, через тонкое алюминиевое покрытие, Сэм слышал журчание потока реки. Вонь от плесени распространилась повсюду, обжигала глаза и затрудняла дыхание, словно сам воздух стал густым.

Ушло пятнадцать минут, чтобы передвинуть и надежно переложить сиденья и открыть доступ в кабину. Он опустился на колени, упершись ими по обе стороны двери, развернул спусковой крепеж вокруг, чтобы тот смотрел назад, затем начал опускать себя, пока не оказался растянутым поперек дверного прохода.

Частично ослепленный отблеском фонарика от воды, которая затопила кабину чуть ниже ветрового стекла, Фишер не сразу заметил черепа.

Их было двое, по обе стороны от Сэма на местах пилота и второго пилота. Они были лишены всех признаков плоти, за исключением нескольких иссушенных кусков, которые свисали с лицевых костей как вяленая говядина. Туловища, погруженные по пояс в воду, были облачены в лохмотья, между полосками ткани Фишер видел проблески белой кости. Скелеты были подвешены на ремнях безопасности, их руки болтались, кончиками пальцев погруженные в воду.

Фишер осматривал интерьер, выискивая что-нибудь, с помощью чего можно было бы опознать самолет или его обитателей. Затем он заметил нечто, выступающее из внутреннего кармана пилота, коричневый прямоугольный пакет. Упершись правой рукой для поддержки в переборку, Фишер подался вперед и осторожно вытащил пакет.

---

[24] **Капсула времени - герметичный контейнер для сохранения содержимого на длительное время.**

Это была непромокаемая ткань. Фишер развернул сверток. Внутри был отлично сохранившийся размером с книгу в мягком переплете кожаный журнал. На обложке выцветшими с золотым тиснением буквами были инициалы НВ.

"Найлс Вандрэш".

Фишер завернул журнал и сунул в верхний карман штанов. Он уже собрался уходить, когда увидел отблеск стали за спинкой сиденья Вандрэша. Фишер осторожно оторвал кусок от полуистлевшей ткани сиденья и увидел предмет.

Это был контейнер из нержавеющей стали с завинчивающейся крышкой, размером приблизительно в две банки содовой, поставленных друг на друга.

Он взял его, развернулся и начал подъем наверх.

31

ПАПОНДИТ, КЕНИЯ

— Я полагаю, ты не открывал его? — спросил Ламберт.

Фишер поднес спутниковый телефон к левому уху и спрятался от солнца под низко свисающие ветви оливкового дерева. Вдалеке, над некоторыми отдельными холмиками (низкими, горными курганами) и лесной саванной, он мог видеть поверхность озера Виктория, поблескивала в жару голубым цветом. В пятнадцати метрах в припаркованном на обочине дороге "Рендж Ровере" на месте водителя сидел Джимию.

— Что именно? — спросил Фишер. — Журнал или контейнер?

— Контейнер.

Фишер засмеялся.

— Таинственный шестидесятилетний контейнер из нержавеющей стали, который я нашел в самолете посреди джунглей. Нет, Ламб, я не открывал его.

— В таком ключе я не думал.

— Что же касается журнала, обложка хорошо сохранилась, но края страниц кажутся мягкими. Думаю, лучше пусть сделают это в Квантико. Если я его открою, то есть вероятность, что мы утратим то, что бы там не находилось.

— Согласен.

— Что-нибудь слышно от Омурбая? — спросил Фишер.

— В основном все то же самое, однако, его речи приобретают истерический тон: пороки Запада, "неверные" культуры, технологии и так далее. Как мы и предполагали, он закрыл границу для всех не мусульман, но приглашает всех мусульман, которые изъявят желание, цитирую: "примите участие в джихаде, чтобы окончить священную войну и жить в гармонии, согласно истинным путям ислама".

— Как великодушно с его стороны, — сказал Фишер, проверяя часы. — Джимию и я только что заправились, и направляемся ко вторым координатам. Буду на связи.

ИЗ Кусы они направились по С19, плотно загруженной дороге, которая несколько километров извивалась вдоль юго-восточного побережья, прежде чем свернуть на северо-запад полуострова залива Винам, затем в сторону Кенду-Бей.

Обе обочины дороги были покрыты невысокой растительностью, все еще ярко-зеленого цвета после прихода весны, усеивающей холмистую саванну. Тут и там Фишер видел земляные конусы, поднимающиеся из ландшафта. Некки[25], пояснил Джимию, подвергшиеся эрозии.

В шести с половиной километрах от точки координат зазвонил спутниковый телефон Фишера. Он ответил и едва успел произнести одно слово, как послышался испуганный голос Эли:

— Сэм, простите меня, я не хотела им говорить, но ...

— Эли, что ....

— Они сказали, что собираются ...

— Эли, остановитесь, помедленней, — скомандовал Фишер. — Что произошло?

Затем наступили несколько секунд тишины. Фишер слышал, как она старается отдышаться.

— Они пришли ночью после вашего отъезда. Вломились в дом, связали меня, хотели узнать, куда вы отправились. У них были ножи. Они сказали, что ...

Фишер с силой сжал трубку.

— Они вас не тронули, вы не ранены?

— Нет, со мной все в порядке, но я сказала им, Сэм. Простите, но ...

Боковое стекло водителя разбилось. Джимию вскрикнул и упал в сторону Фишера, который выпустил спутниковый телефон; тот загромыхал по полу машины и исчез. "Ровер" вильнул влево, съехал с дороги, подлетел на обочине, вниз по склону и начал опрокидываться на бок. Фишер перегнулся через Джимию, схватил руль, выравнивая "Ровер", затем нащупал ногой педаль газа и надавил. Мотор взревел. "Ровер" рванулся вверх по склону.

— Джимию, вы слышите меня? — заорал Фишер.

Свободной рукой он схватил кенийца за плечо и потряс.

— Джимию!

Джимию застонал.

Вторая пуля пробила заднее стекло и врезалась в приборную панель. Фишер пригнулся. Где-то он услышал тоненький голосок Эли:

— Сэм ... Сэм ... вы там ...?

Третья и четвертая пули ворвались через заднее окно, разбили его вдребезги, и образовали паутину в лобовом стекле. Через трещины он увидел очертания холма.

Сэм рванул руль вправо, ощутив, как переднее левое колесо стукнулось о камень, и они опрокинулись, небо перекосилось через лобовое стекло.

ФИШЕР с трудом открыл глаза (одно веко слиплось от чего-то, что он принял за кровь) и осмотрелся.

---

[25] **Некк - столбообразное тело, представляющее собой выполнение жерла вулкана тем или иным эруптивным материалом (лавы, туфолавы, туфы, лавобрекчии, вулканические брекчии и др.), при эрозии выступают в виде столбообразных поднятий.**

"Ровер" перевернулся один раз и покоился на крыше, но крепкая конструкция уберегла салон, кроме бокового окна, которое разбилось при сжатии. Сквозь боковое окно Фишер видел невысокую растительность. Джимию, чей ремень безопасности был уничтожен первой пулей, вклинился между приборной панелью и ветровым стеклом. Фишер осознал, что двигатель "Ровера" по-прежнему работает.

Он смутно подумал: утечка бензина, затем воспламенение, затем он протянул руку и выключил зажигание. Он открыл свой ремень безопасности, перевернулся на бок и потянулся к Джимию. Сэм взял его за руку и сжал ее.

— Джимию, — прошептал Фишер. — Вы меня слышите?

— ... а ...

— Лежите смирно, не двигайтесь. Сдавите руку, если понимаете.

Сдавливает руку.

— Прикиньтесь трупом. Они придут добить нас.

Сдавливает руку.

Фишер перевернулся. Посмотрел между сиденьями, высматривая М-14, и заметил между центральной консолью приклад, отделившийся во время переворота на крышу. Он схватил приклад и рванул на себя. Тот не пошевелился.

Снаружи донесся рев двигателя, и скрежет шин по земле. Три двери машины открылись и захлопнулись, и Фишер услышал хруст земли под ботинками.

Он потянулся, обхватил обеими руками приклад, сделал глубокий вздох, и приложил усилия. М-14 поддалась, рукоятью ударив ему в губу. Сэм ощутил кровь. Удерживая винтовку вдоль тела, он сильно отталкивался ногами, извиваясь, пока его тело не вылезло из бокового окна, он снова оттолкнулся и вытащил колени.

С другой стороны "Ровера" Сэм услышал шепот, затем снова. Потребовалось какое-то время, и Фишер понял, что это был кыргызский — что-то вроде "обойти вокруг".

Медленно, беззвучно, Фишер поднялся на корточки. Снял М-14 с предохранителя, сделал несколько вздохов, чтобы прояснить мысли, и подкрался к задней части "Ровера". За угловой стойкой он услышал нервные шаги по траве. Сэм переложил М-14 в левую руку, вынул "Эпплгейт"[26], раскрыл его, и сжал в правой руке, лезвием вниз в направлении предплечья. В голове пронеслась мысль:

"Место преступления".

---

[26] **"Эпплгейт" (Applegate-Fairbairn Combat) - диверсионный кинжал Сэма "Сайкс Фэрбэрн", который подарил ему друг семьи Фрэнк Банч после окончания школы морских котиков.**

Он отложил М-14 на траву.

Шаги приблизились. Фишер увидел, как на траву упала человекоподобная тень. Плавным движением, Фишер поднялся и вышел из-за угловой стойки, хватая и уводя вверх ствол винтовки мужчины, одновременно взметнув "Эпплгейт" вверх по четкой дуге. Парень не произнес и звука, замертво рухнув на землю.

Фишер не останавливался. Он развернул ружье парня ("Фамас" калибра 5,56 мм) и приставил приклад к плечу, сделал три быстрых шага из-за "Ровера" и увидел мужчину, повернувшегося к нему. Сэм дважды выстрелил. Обе пули пробили тому грудь. Даже когда мужчина упал, Фишер продолжал двигаться, на этот раз в противоположном направлении, обратно через заднюю часть "Ровера", где он опустился на колено и выглянул, приставив ружье к плечу. Последний парень сел на место пассажира, в руках показался "Фамас". Фишер открыл огонь. Пуля угодила парню в бедро, и его развернуло вокруг. Он вскрикнул, повалился на бок, продолжая качаться и стараясь удержать "Фамас". Фишер снова выстрелил. Пуля пробурила аккуратное отверстие во лбу мужчины. Его голова откинулась назад, и он поник.

Инстинктивно двигаясь, Сэм проверил каждого мужчину, что те мертвы и на наличие опознавательных документов (коих не было), затем он опустился на корточки перевести дух. Он огляделся. Никаких машин на дороге или на горизонте. Сэм на мгновение задумался, прокручивая в голове сценарий, а затем решил. Он отбросил "Фамас" на землю, затем поспешил к окну водителя и упал на живот.

— Джимию, вы меня слышите?

Несколько секунд стояла тишина, кениец откашлялся и медленно проговорил:

— Я вас слышу. Уже безопасно не прикидываться трупом?

32

ОН вытащил Джимию из "Ровера" и осмотрел его. Пуля, если двигаться в обратном порядке, вырезала углубление в верхней части кости его плеча, аккуратно пробила кожу шеи между сухожилием и яремной веной. Было много крови, однако повреждения были незначительны. На полсантиметра вправо, и Джимию — труп.

Фишер откопал аптечку первой помощи из бардачка "Ровера", обработал обе раны и укрыл его одеялом.

Затем он поднял М-14 и пробежал четыреста метров в сторону горного основания, выходящего к озеру. Он швырнул винтовку далеко в воду, и побежал обратно к "Роверу".

— Кто это был? — спросил Джимию.

— Чем меньше вы знаете, тем лучше, — сказал Фишер. — Это были бандиты с шоссе. Они устроили засаду, а мы и не подозревали. Когда вы пришли в себя, "Ровер" лежал на крыше, а бандиты уже мертвы. Вы ничего не видели, ничего не слышали, и вы ничего не помните, после того, как разбилось ваше окно. Вам ясно?

Джимию кивнул.

— Я понимаю.

А затем медленно произнес:

— Вы убили их, Сэм.

В голосе кенийца не было упрека, лишь удивление.

— Мне жаль, что я втянул вас во все это.

— Не нужно никаких извинений, мой новый друг. Что теперь будем делать?

Так или иначе, полиция будет в этом задействована, вот почему Сэм решил не использовать М-14, и избавился от нее. Чем лучше он сможет прикинуться везучей жертвой, тем легче все пройдет.

Он сделал быстрый набор по спутниковому телефону. Когда Гримсдоттир ответила, он просто сказал:

— Дремлющий, трое, грязно. Будь наготове.

Затем он повел трубку и набрал Эли. Она подняла по первому звонку.

— Мой Бог, что произошло? — спросила она. — Я услышала выстрелы по телефону ...

— Вы звонили в полицию?

— Нет, я хотела услышать, что вы мне скажете.

— Хорошо. Как насчет того, чтобы им не звонить?

Она колебалась.

— Вы хотите, чтобы я не звонила им?

— Я был бы очень признателен.

— Хорошо.

Фишер поблагодарил ее, пообещал связаться, а затем отключился. Он очистил память телефона.

На востоке дороги Сэм увидел, как из-за поворота к ним приближалась машина. Он подбежал к обочине и начал размахивать руками.

Полиция западного округа и машина скорой помощи адвентистского госпиталя в Кенду-Бей прибыли через двадцать минут. Когда Джимию погрузили в скорую, Фишер ходил с полицейским по местам перестрелки и аварии, в то время как другой закрывал тела кыргызсцев зеленым пластиковым брезентом, производил обыск транспортных средств и делал заметки.

Фишер остановился и уже в шестой раз снова начал свою историю, путаясь, попросил воды и присесть, а затем поинтересовался, стоит ли ему поехать в больницу. Наконец-то, спустя пятнадцать минут, он выдал всю версию.

— И вы утверждаете, что эти люди открыли по вам огонь?

Полицейский прекрасно владел английским с небольшим британским акцентом.

— Я даже не сразу понял, пока не прозвучал третий или четвертый ... или это был пятый? ... Выстрел. Я не знаю; все как в тумане.

— И это, — полицейский махнул карандашом на три тела. — Сделали вы?

— Ага ... ем, я думаю, что да. Я служил в ... армии, армии США — Первая война в Персидском заливе. Подготовка, наверное. На все ушло, я не знаю, это случилось так быстро. Мне не хорошо ... Могу я присесть?

Полицейский взял Фишера под локоть и провел к камню.

Они посмотрели, как в машину скорой помощи закончили погрузку Джимию, а затем она уехала.

— С ним все будет в порядке? — спросил Фишер.

— Похоже на то. Итак, еще раз расскажите мне, как это произошло. От начала и до конца, пожалуйста.

Фишер так и сделал, рассказав ту же историю, но по-другому.

— А нож, которым вы пользовались ... это тот, что лежит вон там на земле?

— Ага, это он. У меня неприятности? Они не оставили мне выбора. Когда я выбрался из машины, они уже остановились. Я споткнулся за "Ровером", а там был он, с оружием ...

— Я, конечно же, отправлю доклад своему начальнику, но при условии, что мы не найдем здесь ничего противоречивого, то письменного заявления от вас и вашего друга должно быть достаточно. Вы остановились где-то конкретно?

Фишер кивнул.

— В Найроби, у друзей.

Фишер дал ему контактную информацию Эли.

— Хотите проехать в больницу? — спросил полицейский.

— Э-э ... нет, я так не думаю.

— Я позвоню вашему агенту по прокату и оповещу об аварии. Я уверен, они предоставят вам новую машину.

— Благодарю вас.

— Как долго вы планируете оставаться в Кении?

— Полагаю, день-два. Возможно, я поеду в госпиталь и проведаю Джимию ... Не знаю.

Однако он знал. Больше всего желая узнать, что же было такого важного в Найлсе Вандрэше и "Солнечной Звезде", что Болот Омурбай отправил трех киллеров через полмира, чтобы уберечь тайну.

33

0° 17' ЮЖНОЙ ДОЛГОТЫ, 34° 50' ВОСТОЧНОЙ ШИРОТЫ

ФИШЕР свернул "Тойоту Хайлендер" с дороги и остановился, шины захрустели по гравию. Через лобовое стекло виднелся частокол высотой по грудь с выцветшей от солнца и опутанной виноградником вывеской: Главное управление ПНВГ (Программа по надзору водяного гиацинта) Раквары. Через деревья он увидел здание похожее на ранчо. Расплывчатые мелодии Карли Саймон "Ты такой тщеславный", вперемешку со щебетом и жужжанием джунглей, просачивались сквозь деревья.

Он проверил GPS-трекер. Координаты находились, в буквальном смысле, в конце дороги. Отсюда он пойдет пешком. Сэм выбрался из машины, подошел к багажнику "Хайлендера", и вытащил рюкзак "Грэнит Гир", затем упорядочил снаряжение, которое удалось спасти из "Рендж Ровера".

Полицейские оставались с ним до приезда эвакуатора из Кусы и замены машины от прокатного агентства в Кисуму. Будто бы поддержать беседу, Сэм задавал полицейским вопросы о местности: территории, геологии, истории; и в ответ получил гораздо больше, чем ожидал. Оба мужчины выросли на побережьях озера Виктории и отлично его знали. Один из них даже рассказал, как мальчишками они разыскивали мелкие пещеры в поисках пиратских сокровищ.

— Пещеры? — спросил Фишер.

— Да, — ответил полицейский. — Наше слово корректно не перевести.

На мгновение он задумался, затем поднял указательный палец.

— В Мексике, кажется, у них есть нечто подобное — глубокие водоемы, как шахты, с подводными пещерами.

— Сеноты, — сказал Фишер.

— Да, вот именно. Сеноты.

У Фишера возникла идея. Альпинистское снаряжение в самолете Вандрэша[27]... Он предположил, что это было альпинистское снаряжение, но для какой цели? Спуск или подъем? Согласно легенде, Вандрэш и Озири прилетели в Кисуму, затем спустя несколько дней вылетели в Аддис-Абеба.

— Есть ли неподалеку горы для альпинизма? — спросил Фишер.

— Альпинизма? Нет, не возле озера. Горы Кения, возможно, но это ближе к Найроби.

---

[27] **В оригинале книги нет упоминания об альпинистском снаряжении в самолете, возможно, автор не посчитал важным об этом упомянуть, остается только гадать.**

"Итак, что же, — подумал Фишер. — Вандрэш и Озири собирались делать с альпинистским снаряжением?"

Удовлетворившись содержимым рюкзака и весом, Фишер его отложил в сторону и набрал Гримсдоттир. Ламберт также был на связи:

— Что происходит? Что случилось?

Фишер объяснился и сказал:

— Джимию будет в порядке. Я позвонил в больницу и лично говорил с доктором. Что же касается полиции, я уверен, что они купились. Послезавтра я должен написать заявление в Главном отделении округа Кисуму.

— И ты уверен, что это были кыргызцами?

— Уверен.

— Тогда, очевидно, мы задели за живое. Тот факт, что он послал своих людей, а не нанял местных, кое-что говорит. Грим, что ты можешь дать нам о рельефе местности?

— Немного, к сожалению. Если там есть пещеры подобные сенотам, то они не зарегистрированы, и они не отображаются на спутнике. Прости, Сэм.

— Если там что-то есть, я найду это, — сказал Фишер.

Тропинка уводила его от здания Главного управления ПНВГ дальше в лес, извиваясь на северо-запад в сторону озера Виктория. Местность постепенно становилась более пологой, и лес медленно сменялся джунглями. По обе стороны тропы, грунт выглядел рыхлым, и вскоре Фишер услышал кваканье лягушек.

Спустя час ходьбы он остановился и изучил экран GPS-трекера. Это то самое место. Сэм был в четырехстах метрах от берега озера. Он развернулся, проверяя каждую из сторон света, пока не сориентировался, затем вытащил мачете Джимию из-за пояса, сошел с тропы и принялся рубить.

Спустя двадцать минут, он вышел из деревьев и наткнулся на крутую скалистую стену, увитую виноградной лозой и усеянную карманами с ярко-красными цветами. Он вытянул шею вверх. Стена, высотой всего лишь три метра, была увенчана кустарниками. Сэм забрался на вершину, перелез через край, изгибаясь сквозь листву, и обнаружил, что лежит на узком каменном шельфе. Напротив, в двух метрах от него, был похожий шельф, а между ними трехметровая расщелина. Фишер посмотрел через край. Расщелина уходила во тьму. Он поднял камень и бросил вниз. Секунду спустя он услышал слабый всплеск.

ДЕСЯТЬ минут спустя, при помощи нескольких необходимых предметов, перемещенных из "Грэнит Гир" в набедренную сумку, он надежно закрепил веревку у ближайшего дерева, одел снаряжение для спуска, и начал снижаться в расщелину. Спустя шесть метров стало достаточно

темно, и Сэм включил налобную лампу. Стены состояли из острых, вулканических пород, усеянных серо-коричневым лишайником и плесенью. Над устьем расщелины находилась заполненная солнцем прорезь, через которую Фишер видел свисающие ветви. Когда его рука уткнулась на узел веревки в девять метров, он остановился и вдохнул воздух. Вода. Стоячая вода. Где-то внизу он услышал звук капающей воды, эхом раздававшийся в огромном пространстве. Его сердцебиение участилось. Затем на пятнадцати метрах, когда осталось всего три метра веревки, его ноги погрузились в воду. Осторожно, по метру за раз, он опускался, пока ноги не коснулись твердого камня. Вода, на удивление холодная, доходила до колен.

Он распутал веревку из спускового кольца, затем посветил лампой влево, вдоль расщелины, затем вправо. Ничего, кроме тьмы Сэм не увидел.

"В какую сторону?" — Подумал он.

Он бросил в уме монетку: орел — направо; решка — налево. Направо.

Сэм отправился в путь.

СПУСТЯ пятнадцать метров он уткнулся в прочную стену. Вода доходила до бедер. Сэм почувствовал небольшое течение, закручивающееся вокруг его ног, поэтому он опустился на колени, ощупывая правой рукой стену. На дне расщелины, где он столкнулся со стеной, Сэм обнаружил острое, по размерам напоминающее тарелку отверстие, через которые прорывалась холодная вода.

Он направился в противоположную сторону. В трех метрах от его места спуска расщелина начала сужаться, и вскоре он был прижат к скале, Фишер пропихивался дальше, повернув голову набок. Он остановился. Впереди, он мог слышать отдаленное капание воды по камню. Он втиснулся сильнее, делая шаг и скользя, делая шаг и скользя.

Левая нога нырнула в открытое пространство.

Он резко дернулся назад и замер, сердце колотилось.

Сэм еще раз шагнул влево, прощупывая ногой, пока снова не обнаружил отверстие. Он зондировал носком ботинка, обозначив контуры отверстия. Это был излом полметра шириной, начинающийся чуть ниже поверхности воды и спадающий вертикально через каменный пол. Он шагнул влево, широко расставил ноги над изломом, прижавшись спиной к стене. Он должен был принять решение. Сэм понятия не имел, как далеко этот излом простирался или что может лежать впереди. Он вытащил из пояса GPS-трекер и проверил экран: согласно зоны экстраполяции, он был над координатами, но с погрешностью два-два с половиной метра по горизонтали, и неведомо сколько по вертикали, этот излом может быть то, что он искал, а может совсем не то.

А потом он увидел. Прямо перед глазами из трещины в стене выступал карабин — альпинистский карабин, подобный тому, что он видел на борту "Солнечной Звезды".

ОН вытащил из набедренной сумки шесть метров запасной 7мм альпинистской веревки, продел петлю через карабин и связал ее с усовершенствованным выбленочным узлом, затем схватил веревку обеими руками и поднял ноги с земли.

Фишер не позволил себе думать, и полностью не осознавал, что покалывание в животе вызывал страх, а уперся обеими ногами над трещиной и начал спуск. Когда вода достигла подбородка, Сэм сделал глубокий вздох, нырнул под воду, и начал пробираться через отверстие, извиваясь ногами, затем телом и плечами, пока в конце концов он не проскользнул внутрь и тут же обнаружил, что висит в воздухе.

Сэм взглянул вверх. С этого угла излом походил на зазубренный, узкий треугольник и сквозь него он видел рассеянный солнечный свет. Внутрь лилась вода, сталкиваясь с его головой и плечами, прежде чем устремиться во тьму и расплескаться о незримые камни внизу.

Фишер вытянул ноги и почувствовал, как ботинки коснулись камня. Он оттолкнулся, вылетел из-под водопада, и посмотрел вниз. Тремя метрами ниже, его лампа осветила плоский каменный шельф о который разбивалась вода. Он опустил себя на него, затем отступил влево, вышел из-под водопада и осмотрелся. В стороне от шельфа была природная каменная лестница отшлифованная тысячелетиями водой. На дне находилось практически овальное озеро размером шесть на шесть метров, и простиралось от пляжа из гальки до отвесной стены.

В этой стене было что-то особое, осознал Фишер. В отличие от остальной пещеры и расщелины, эта стена не была усеяна коричневато-серым лишайником, однако сверху донизу была покрыта красной растительностью кустарного типа.

Фишер почувствовал, как руки и затылок покрылись гусиной кожей. И затем, по необъяснимой причине, в голову пришли слова из таинственного письма Питера: "Красный ... три ... ми ... цеты".

34

ШТАБ-КВАРТИРА ЦРУ, ЛЭНГЛИ, ШТАТ ВИРДЖИНИЯ

Фишер сидел, попивая кофе в одном из кожаных кресел под окном, и наблюдал как выглядящие разочарованными и изможденными участники собрания, медленно заходили в зал и один за другим, садились на свои места за столом переговоров. Первый час собрания был ходящими вокруг да около дебатами, ведущими в никуда и ничего не раскрывающие, именно поэтому ДЦР (Директор Центральной Разведки) попросил перерыв.

Другими присутствующими были: Ламберт, трое биологов из ХВМНЖ (Химические вещества, материалы и науки о жизни) совета директоров Ливерморской национальной лаборатории им. Э. Лоуренса, заместитель по науке из Министерства энергетики и его двое представителей, по одному из Управления биологических и экологических исследований, все остальные из Отделения физики высоких энергий.

— Хорошо, давайте еще раз обсудим, — призвал ДЦР, и все расселись по своим местам.

"Второй раунд", — подумал Фишер, мысленно возвращаясь в ту холодную, темную пещеру...

СУПРОТИВ всем инстинктам, и спустя пять долгих минут глазения на красную растительность, он преодолел вброд озеро, которое было всего лишь по колено глубиной, и побрел вверх по пляжу к стене. Он не был уверен, что произойдет ожидаемое, и, конечно же, растительность не обвалилась на него со стены, и не распылила смертоносную пыль, когда Сэм кончиком "Эпплгейта" бережно высвободил кусок растительности от стены, и уложил в пустой пакетик из-под орешков, который он нашел на дне своей набедренной сумки.

После этого Сэм начал обратный путь, взобрался по излому, выбрался из расщелины и пешком добрался до "Хайлендера", где связался с Гримсдоттир, и она создала конференцсвязь с Ламбертом.

— Помнишь слова Питера: "Красный ... три ... ми ... цеты?", — спросил Фишер.

— Помню, — ответил Ламберт.

— У меня такое ощущение, что это отсылка к биологии. Полагаю, что это какой-то грибок.

Он пояснил, что обнаружил в пещере.

— И я готов поспорить, что это вещество, что бы то ни было, находится и в контейнере, который я нашел на борту самолета Вандрэша.

— Все любопытнее и любопытнее, — сказала Гримсдоттир.

Фишер услышал, как она начала клацать пальцами по клавиатуре.

— У нас где-то собрана биологическая база данных, — пробормотала она. — Ага, вот она ... Ладно, я сделаю поверхностный поиск, используя ключевые слова. Погодите ...

Спустя тридцать секунд она вернулась.

— Ух ты, вручите этому парню золотую звезду.

— Что? — спросил Ламберт.

— Они называются хитридиомицеты — три ... ми ... цеты. Питер был близок; он выдал большую часть, переместив несколько букв местами. Хитридиомицеты — разновидность грибов. Происходит от греческого "chytridion", что означает "капелька", или система, которая содержит дремлющие споры. В ста двадцати классах насчитывается около тысячи видов, делящиеся...

— Подводи итог, Грим, — сказал Ламберт. — Что это такое?

— Гриб. Подвижный, производящий споры гриб.

— И что он делает?

— Конкретно? Понятия не имею. Это выше моего понимания, — ответила Гримсдоттир. — Согласно тому, что находится передо мной, в мире насчитывается около семидесяти тысяч грибов, предположительно, что это лишь пять процентов существующих. Итак, мы говорим, о возможных двух миллионах видов грибов, большую часть которых даже не нашли.

— Сделай сравнение, — сказал Фишер.

— Птицы: в мире насчитывается около пяти тысяч. Насекомые: около девятисот тысяч различных видов. Сопоставляя с этим, они ничего не знают, абсолютно ничего о грибах или что те могут делать. Я даже прочитала отчет Центра контроля заболеваний за месяц: грибковые заболевания возрастают, и множество медицинских сообществ полагают, что следующий большой, плохой эпидемиологических кошмар.

— Боже, — сказал Ламберт.

"Бич Манаса", — подумал Фишер.

Вторая половина собрания возобновилась и тут же остановилась из-за спора между биологами, чем же именно были хитридиомицеты, классификация, клеточное строение, и тому подобное. Фишер заметил, что один из биологов, женщина по имени Ширли Руссо из ХВМНЖ, не участвует в дебатах, а делает заметки, морщась и покачивая головой.

Как и о большинстве элиты из Вашингтона, Фишер слышал о Руссо. Единственная наследница состояния семьи из Коннектикута, Руссо сломала шаблон и вместо того, чтобы с легкостью войти в роль супер богатой благодетельницы-светской львицы, в возрасте пятидесяти лет

получила степень доктора по биологии. Ходил слух, что она жертвовала каждую копейку своей зарплаты Международной лиге драгонбота, которая организовывала сбор средств от гонок на драгонботах[28] пережившим рак молочной железы. Глядя на ее подтянутую форму, Фишер полагал, что Руссо проводит немало времени за веслами. Он уловил взгляд Ламберта и глазами указал на Руссо.

Вмешался Ламберт.

— Доктор Руссо, вам, кажется, есть что сказать.

Руссо подняла взгляд от своего блокнота и откашлялась.

— У меня есть теория, — сказала она.

— Экстремистская теория, — сказал один из биологов.

ДЦР сурово глянул на него.

— Давай-ка мы будем беспокоиться об этом. Доктор Руссо.

Она колебалась, а затем сказала:

— Я изучала одну из областей, называемую петро-паразитологией. Я полагаю, что гриб, или что бы то ни было, который вы нашли — петро-паразитный организм. Я согласна с остальными: полагаю, что он принадлежит к хитридиомицетам, но это как сказать, что птицы и пчелы похожи, потому что у них есть крылья.

— Петро-паразитный, — сказал Ламберт. — Это означает то, о чем я подумал?

Руссо кивнула.

— То, что он поглощает вещества на нефтяной основе? Да, именно это он и делает.

Фишер и Ламберт беспокойно переглянулись.

Остальные биологи начали болтовню, споря со всеми за столом. Руссо просто сложила руки на блокноте и стала ждать. ДЦР вернул контроль над собранием и сказал Руссо:

— Продолжайте, доктор.

— Проблема в том, — сказала она, — что мы никогда не видели подобного грибка. Технически, нет причин, почему он не может не существовать. Есть ферменты, которые мы постоянно используем для очистки во время разливов нефти. Они взаимодействуют с нефтью, нейтрализуют ее, а затем умирают и становятся частью пищевой цепи.

— Но вы говорите не о них, не так ли? — сказал Ламберт.

— Нет. Я говорю о самоподдерживающемся организме, который питается веществами на нефтяной основе: сырая нефть, керосин, бензин в наших машинах; затем он размножается и распространяется подобно грибковым колониям. Видите ли, дело в том, что этот грибок сильная и живучая штуковина. Его сложно нейтрализовать и еще сложнее убедиться в этом. Он

[28] **Драгонбот — это большое 20-местное каноэ, которое имеет голову дракона и хвост, сидящий впереди барабанщик задает ритм гребли для всего экипажа.**

может находиться в спячке годами, тысячелетиями, он просто отряхнется и восстановится с момента, где его прервали.

— Хорошо, — сказал ДЦР, — очевидно, что все остальные сомневаются в теории доктора Руссо. Я прав?

Вокруг стола появились решительные кивания.

— Позвольте мне спросить вот что, и я хочу услышать прямой ответ: эта теория вероятна? Есть ли в этом смысл?

Никто не ответил.

— Черт подери, — рявкнул ДЦР. — Мне плевать на ваше эго или проблемы финансирования, независимо от того, является ли эта теория общепринятой или экстремистской. Если кто-нибудь за этим столом не верит, что теория доктора Руссо вероятна или имеет лучшее предположение, пусть говорит сейчас, или я сделаю так, что вы проведете всю оставшуюся карьеру, считая говномух.

И снова тишина. Некоторые смотрели себе на руки; другие нервно ерзали на стульях. ДЦР посмотрел на каждого по очереди.

— Нет? Никто?

Он обернулся к Руссо.

— Доктор, полагаю, у вас есть идеи, как нам подтвердить либо опровергнуть, чем бы ни была эта штука ... Как вы назвали ее?

— Петро-паразитной.

— Верно.

Руссо задумалась на мгновение, а затем кивнула:

— У меня будет ответ к утру.

ДЦР поблагодарил и распустил собрание, кроме Фишера, Ламберта, заместителя Министерства энергетики, и ученого из Отделения физики высоких энергий, высокого, лысеющего мужчину с густыми, жесткими бровями, которого звали Уэлдон Шоулз.

— Нам нужно обсудить другую деталь, — сказал ДЦР. — Я знаю, что каждый из вас имеет совершенно секретный и высший допуск, однако я напоминаю вам: что бы мы ни обсуждали, остается здесь.

Заместитель и Шоулз кивнули.

ДЦР обратился к Ламберту.

— Ирв, если позволите.

Следующие десять минут Ламберт кратко излагал все, что им было известно, и что подозревали о веществе PuH-19. Он не упомянул о Питере, Кэльвине Стюарте, Болоте Омурбае и северокорейцах.

Сверхсекретный допуск или нет, но этим людям незачем об этом знать.

— Вопрос в том, — сказал ДЦР, — сможет ли кто-нибудь при помощи научно-технической информации что-то сделать с этим грибком, некоторым количеством PuH-19 и линейным ускорителем частиц?

— Вы хотите сказать, что они могут создать гигантский гриб-монстр, или какое-то супер лекарство от рака? — с серьезным видом сказал Шоулз.

Фишер усмехнулся. ДЦР, сдерживая улыбку, ответил:

— Нет, я спрашиваю: могут ли свойства грибка быть усилены-изменены.

— Другими словами, мутированы? — спросил Шоулз.

— Да.

— Безусловно. Мутация получила плохую репутацию. Голливудские режиссеры фильмов-ужасов сделали из нее пугающее слово, однако мутацию иначе можно назвать "изменением". Но если я вас правильно понял, то вы хотите узнать, сможет ли кто-нибудь, используя PuH-19, линейный ускоритель и некоторые принципы физики высоких энергий, преобразовать штамм хитридиомицеты доктора Руссо, чья теория, которая я, кстати, полагаю, довольно убедительна, в нечто худшее, чем это могло бы быть? В нечто, что не только поглощает нефть, а использует ее и как топливо, затем размножается и распространяется как чума?

ДЦР кивнул.

— Ответ: да. Без сомнения. Видите ли, уловка в том, что вы не стреляете радиоактивными отходами во что-то и оно внезапно мутирует во что-то вам нужное. Это не алхимия. Уйдут годы проб и ошибок, чтобы найти нужный баланс — верный, нужный вам способ.

— Большинство искусственных мутаций, как плохих, так и хороших, открыты случайно.

Итак, вернемся у сути вашего вопроса: возможно ли, что эти мнимые "кто-то" придумали верное сочетание компонентов для создания военизированного, петро-паразитного грибка? И снова, мне жаль это говорить, но ответ: да.

— Я опасался, что вы это скажете, — ответил Ламберт.

— Дальше еще хуже, — сказал Шоулз. — Если нечто, на самом деле, похожее на этот супер грибок существует, единственный верный способ уничтожить или остановить его — обратиться к способу его сотворения. Без этого, вы будете торкаться во тьме, в надежде отыскать верный способ обезвредить вещество. И, если каким-то чудом, вы такой отыщете, не будет ли слишком поздно?

35

СИТУАЦИОННАЯ КОМНАТА ТРЕТЬЕГО ЭШЕЛОНА

— И я говорю вам, как воля Аллаха связывает нас вместе, современный мир и болезнь технологий раскалывает нас от всего святого. Это всеобъемлющее зло, которое заражает каждого человека и культуру, которую касается. Но прежде всего — это величайшая угроза исламу ...

Фишер нажал кнопку "**ПЕРЕМОТКА**" и в третий раз просмотрел последнее обращение Омурбая. Нажал паузу, лицо Омурбая заполнило экран.

— Именно это ты и задумал, не так ли? — пробормотал Фишер.

Не в состоянии уснуть, Фишера приехал в Форт-Мид в три часа ночи, расписался у дежурного, ушел в ситуационную комнату и приготовил кофе. Спустя два часа и четыре чашки, он пересмотрел все выступления Омурбая с начала его второго правления в качестве президента Кыргызстана.

"Болезнь технологий раскалывает нас от всего святого ... "

"Всеобъемлющее зло ... "

"Заражает каждого человека и культуру ... "

Омурбай был безумцем, это было очевидно, но каким бы абсурдным не было его мышление, рассуждал он вполне логично: современный мир — это зло; технология — это инфекционный агент и все это величайшие враги ислама.

"И в чем же, — подумал Фишер, — сущность современного мира? Избавление от технологии? Что является движущей силой всего этого? Ответ: нефть, и все вытекающее из него. Ясно как дважды два. Нефть — враг ислама; нефть должна быть уничтожена.

Бич Манаса.

И где лучше запустить первый залп в войне, как не под своей страной, которая разделяет один из величайших в мире нетронутых резервуаров нефти? По скромным подсчетам, месторождение под Центральной Азией содержат 300 миллиардов баррелей (треть триллиона) извлекаемой нефти".

"Ошеломляющее число, — признал Фишер, — а без хитридиомицеты (или как Фишер и Ламберт стали называть — Манас), Омурбаю скорее больше повезет ударить воздух, чем уничтожить месторождение. Но теперь... "

Он отложил пульт в сторону, откинулся на спинку и потер виски. Как же все это началось? Из-за одного человека, его брата, покойного. Казался нереальным извилистый путь, которым он следовал до этого момента, и где-то во время этого пути смерть Питера отошла на задний план. Несмотря на то, что подсказывали инстинкты, Фишер надеялся, что смерть Питера станет обычным, если можно использовать это слово, убийством. Столкнувшись с этим, Фишер просто бы выследил ответственных и увидел бы их мертвыми или за решеткой. Готово. Но ведь это оказалось не простым, а бессмысленным убийством, не так ли?

Он был здесь, вместо того, чтобы сидеть в темноте и смотреть в лицо безумцу, который планировал выпустить чуму, которая одним махом могла вернуть планету в каменный век.

ФИШЕР проснулся от руки, трясущей его плечо. Он открыл глаза и увидел, что рядом с его стулом стоял Ламберт.

— Доброе утро, — сказал Ламберт. — Давно пришел?

— Который час?

— Шесть.

— Несколько часов. Не мог уснуть.

— Добро пожаловать в клуб.

Ламберт кивнул на остановленное изображение Омурбая.

— Не лучшая картинка в уме, когда пытаешься заснуть.

Фишер сделал глоток кофе; тот остыл.

— Тебе известно, что у него запланировано, не так ли, Ламб?

Ламберт кивнул и сел на стул рядом.

— По-прежнему слишком много "предположений". Мы даже не знаем, то ли это вещество, что думаем. Собираются ли они усилить его. Зачем нужен был Стюарт. Значит, что-то не работало, что-то пошло не так. Вопрос в том: удалось ли им это исправить?

— Хороший вопрос. Я также размышлял насчет Камен Хейс, — сказал Фишер. — Среди всего этого о ней забыли.

— И Питер.

— И он тоже. Однако теперь нам известно, почему они сперва похитили ее.

Наибольшей трудностью для Омурбая и северокорейцев с Манасом было его размещение: как внедрить грибок туда, где тот нанесет наибольший удар и быстрее распространится. Фишер полагал, что они давно сломили волю Кармен и теперь она сотрудничает. Хейс пропала четыре месяца назад — достаточно времени для изучения подземных вод и источников под Кыргызстаном и соседними странами, затем сопоставить с пересечением нефтяных месторождений и сказать Омурбаю, куда именно выпустить Манас.

"Подобно вирусу в кровотоке", — подумал Фишер.

— Есть идеи насчет северокорейцев? — спросил он Ламберта.

— Да. Я полагаю, что они участвую в этом по трем причинам: первая — война, висящая у нас над головами; вторая — приоритетный ход для вторжения в Южную Корею.

— И третий?

— Ким Чен Ир — безумец, и он просто сеет разрушения.

— У меня есть четвертый вариант, — сказал Фишер, — он немного странноватый, но может подойти.

— Рассказывай.

— Северная Корея обнаружила свои запасы нефти, но поскольку они изгои, то не могут разрабатывать их. Затем приходит Омурбай. Как-то, где-то, он заполучает очень интересный гриб, делающий очень интересную вещь: поглощает нефть, и так получается, что это похоже на изобретение дьявола. Ким Чен Ир хочет использовать грибок, но поскольку он изгой вне своей страны, то он не может.

— Значит, северокорейцы помогают ему вернуть Кыргызстан, который случайно расположен на вершине одного из крупнейших месторождений в мире, а затем расслабятся и будут наблюдать, как Омурбай выпускает Манас и уничтожает три миллиарда баррелей нетронутой нефти. Мировая паника. Северная Корея заявляет, что случайно обнаружила свои запасы.

Ламберт обдумывал это несколько минут, а затем сказал со зловещей ухмылкой:

— Любая другая страна или правитель, и я, сказал бы, что это весьма невероятный вариант. Хорошо, если мы играем в пессимистов, давай так: Северная Корея наблюдает, как Омурбай выпускает Манас в Центральной Азии, затем тайно делают то же в любом другом месте (на Ближнем Востоке, Африке, России), но месторождение Северной Кореи остается нетронутым. Омурбая обвиняют, а на планете неожиданно остается единственный источник.

Фишер подхватил, заканчивая мысль:

— Поскольку, работая над Манасом, они также обнаружили нейтрализатор для грибка.

— В точку.

Фишер сдавил переносицу большим и указательным пальцами.

— И сейчас, у нас ничего нет. Ни зацепок, ни подсказок, ни идеи, где находится Манас — ничего.

Ламберт устало усмехнулся, встал и пожал ему плечо.

— Сэм, у нас было и того меньше, и все же мы добрались сюда.

РЕДДИНГ, прибывший двадцать минут спустя, налил себе чашку кофе и присоединился к ним за столом.

— Кто хочет знать, каким образом Омурбай, возможно, узнал о хитридиомицетах?

Фишер поднял усталый палец.

— Помните Озири, верного слугу Вандрэша?

Фишер и Ламберт кивнули.

— Так вот, Грим попросила меня провести небольшую детективную работу по генеалогии. Вот урезанная версия: Озири являлся дедом Самета — правой руки Омурбая и заместителя ОАКР. Я предполагаю, что Озири знал, что искал Вандрэш и похвастался либо разболтал члену семьи, прежде чем отправиться в Африку.

— Это означает, что Вандрэш имел некое представление на что способны хитридиомицеты еще до открытия, — сказал Фишер.

Реддинг кивнул.

— Это уже вторая часть. Квантико удалось восстановить большую часть журнала Вандрэша, который ты нашел на борту "Солнечной Звезды". В первую очередь, он описывает не то, как обнаружил это место, или как выследил грибок, а о том, как провел там ночь. Очевидно, что из снаряжения исчезли некоторые вещи. Когда, проснувшись на следующее утро, обнаружили, что все, сделанное из резины или пластика, растворилось.

Спустя несколько минут зазвенел мобильный телефон Ламберта. Он ответил, некоторое мнение слушал, поблагодарил, и отключился. Подошел к ближайшему компьютеру, нажал несколько клавиш, и один из мониторов включился. Лицо ДЦР заполнило экран.

— Доброе утро, — сказал он. — Передо мной лежит отчет доктора Руссо. Она уверена, что хитридиомицеты — разновидность петро-паразита.

Ламберт рассказал ДЦР о журнале Вандрэша и связи Омурбая с Озири.

— Я бы сказал, что доказательств предостаточно, — ответил ДЦР. — Руссо также провела компьютерную симуляцию. Хуже и быть не могло. Я попросил ее сделать некоторые предположения, а конкретно, чтобы Манас был усилен на долговечность и размножение. Взгляните.

Лицо ДЦР исчезло и сменилось земным шаром в компьютерной проекции Меркатора. Камера стала приближаться и остановилась на Центральной Азии. В правом углу отобразился счетчик, рядом появилась нотация: ДЕНЬ 1. В центре Кыргызстана появилась красная точка, затем расширилась, удвоившись в размере. Счетчик изменился: ДЕНЬ 5. Красная точка снова расширилась, снова удвоившись, затем еще раз и еще, пока не покрыла весь Кыргызстан, счетчик показывал: ДЕНЬ 11.

Фишер и присутствующие продолжали смотреть, как Манас распространяется за пределы Кыргызстана, на север в Казахстан, на восток в Китай, на юг в Таджикистан, затем в Индию ...

Тридцать секунд спустя полглобуса было красным, а пространство продолжало увеличиваться в размерах.

Счетчик показывал: ДЕНЬ 26.

Десять минут назад Грим толкнула дверь и остановилась, увидев троих сидящих за столом.

— Я что-то пропустила? — спросила она.

Ламберт потряс головой.

— Клуб бессонников.

— Запишите и меня, — сказала она, затем налила чашку кофе, присела и включила ноутбук. Ламберт кратко рассказал ей о пропущенном разговоре. Она замерла, перерабатывая услышанное, затем обратилась к Фишеру:

— Сэм, ты уверен, что Стюарт погиб на Площадке 17?

Фишер кивнул.

— Или там или от воды спустя несколько минут.

— Тогда у нас загадка. Я только услышала ее из центра коммуникации. Маячок Стюарта все еще активен, и он исходит из Пхеньяна, Северная Корея.

36

ПХЕНЬЯН, СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

ФИШЕР встал на рассвете и сел на метро до станции "Рангнедо", здесь он сошел, остановился в уличном киоске купить зеленый чай, отправился в парк и отыскал лавку с видом на реку Тэдонган, которая протекала через центр северокорейской столицы. Позади противоположного берега реки по всему горизонту протянулись небоскребы Пхеньяна и серые шлакоблочные здания советского типа.

Солнце светило ярко, сверкая на покрытой росой траве. В ста метрах, группа из тридцати или около того подростков мальчиков и девочек под надзором офицеров Северокорейской народной армии упражнялась в хапкидо. Они рявкали приказы и студенты отвечали:

— Ye!

Докучала ли подросткам строгая утренняя тренировка, Фишер не мог сказать. На каждом из них было одно выражение: сжатые рты и прищуренные глаза. Дыхание группы, которое казалось, имело дисциплинированный ритм, паром поднималось в прохладном, утреннем воздухе.

Один из офицеров рявкнул другой приказ, и группа массово согнулась, подняла свои ружья, старые советские карабины Мосина эпохи Второй мировой войны, и началась регулярная строевая подготовка.

"Будущее Северной Кореи, — подумал Фишер. — И, если план Омурбая не выгорит, возможно, будущее всего мира. Поскольку Ламберт предложил сценарий, Фишер пытался погрузиться с головой в идею Северной Кореи, как единственной в мире нефтяной суперсилы. Пугающая мысль".

Краем глаза Фишер заметил свое сопровождение: два офицера Государственного департамента безопасности в штатском, которых он окрестил Флимом и Флэмом[29], вошли в парк через западный вход и заняли место у перил вдоль края реки.

"Доброе утро парни, — подумал Фишер. — Как часы".

[29] **Флим и Флэм — два брата-единорога, мультяшные торговцы, разодетые в полосатые рубашки, бабочки и шляпы, причем, умеют стрелять из своих рогов, а Флэм носит усы.**

С момента его приезда прошло несколько дней, ГДБ основательно, если не творчески, следило за каждым его шагом. Парочка, вошедшая в парк была дневной сменой; ночная смена приходила в шесть вечера.

До сих пор, все прогнозы, которые он выяснил о северокорейских агентах безопасности, оказались правдой.

Спустя пять дней и два часа после открытия Гримсдоттир, что маячок Стюарта по-прежнему активен (который, как считал Фишер, Стюарт подсунул Чин-Хва Паку во время неразберихи на Площадке 17), ему, Ламберту и Гримсдоттир было назначено явиться в "Кемп Перри", легендарный учебный центр ЦРУ за пределами Вильямсбурга, штат Виржиния. В главной конференц-комнате их ждал заместитель директора по военным операциям, Том Ричардс. Фишер знал Ричардса по иранскому кризису, произошедшему годом ранее.

— Перейду к делу, — сказал Ричардс. — В Северной Корее у нас нет агентов, что ставит нас в тяжелое положение.

Сказанное было адресовано Фишеру. Ламберт уже обсудил план Третьего Эшелона, непосредственно с президентом, который одобрил и приказал ЦРУ оказывать поддержку.

Опыт Фишера приобретенный, посредством выполнения секретных операций, носил скорее военный характер, и, несмотря на окончание "ТОРЦОВКИ", у его не было практики в настоящей полевой разведке. Что же касается самого Фишера, то его мысли уже были в Северной Корее. Секретная операция была секретной операцией; хотя и конкретные детали работы Третьего Эшелона и ЦРУ могут различаться, но мышление остается одинаковым: проникнуть, сделать дело, и выбраться, не оставляя, по возможности, отпечатков.

— Сэм, ты будешь сам по себе.

Фишер кивнул.

— Знаю.

— Если тебя схватят, тебе конец. Ты закончишь либо с пулей в голове, либо проведешь всю оставшуюся жизнь в подземной камере без окон. Северокорейцы не делают обмен пленниками, и они не объявляют людей персонами нон грата, — сказал Ричардс, делая отсылку на официальный процесс изгнания подозреваемых в шпионаже из стран первого мира. — Северная Корея истинно индийская страна. Во многих отношениях они еще хуже, чем когда-либо был Советский Союз.

Фишер холодно улыбнулся Ричардсу.

— Черт возьми, Том, вы ей-богу хотите напугать меня?

— Да.

— Считайте дело сделано.

— Просто хочу удостовериться, что вы настроены на такой исход.

— Настроен.

— Отлично.

Ричардс пожал плечами и добавил:

— Я сделаю вас доверенным лицом. У вас два дня на подготовку; они доставят вас, как только будут готовы.

Ричардс обратился к Ламберту:

— Ирв, не пройдете ли вы и мисс Гримсдоттир со мной, я покажу вам, что мы для вас приготовили.

Через тридцать секунд как они покинули помещение, на противоположной стороне конференц-комнаты открылась дверь, и вошел мужчина. Фишер узнал его: Фредерик, один из наблюдателей, следивших за ним во время последнего экзамена "ТОРЦОВКИ".

— Привет, Сэм. Слышал, они уже бросают тебя к акулам.

— Похоже на то.

— Ну, давай посмотрим, что можно сделать, чтобы тебя не кусанули.

И, несмотря на поджимающее время, он вынужден был работать с Фредериком, которому пришлось делать то же самое, проводя по восемнадцать часов в день и проходя по всем этапам, от подробностей прикрытия Сэма и коммуникационных протоколов до того, что можно было ожидать от несметного количества северокорейских агентов контрразведки.

Как и ожидалось, Фредерик ни в чем не признавался, но сразу было ясно, что парень провел много времени в Пхеньяне, и, поскольку, США не имеют там официального дипломатического присутствия, это значило, что ему пришлось выживать "голым" (без прикрытия или поддержки) и вернуться домой, чтобы об этом рассказать.

В последний день, за несколько часов до того, как Фишер вошел в конвейер, Фредерик объявил, что он готов как никогда и скрепил сказанное рукопожатием.

— Запомни единственную вещь, — сказал Фредерик, — всегда предполагай. Предполагай слежку; предполагай, что они знают кто и что ты; предполагай, что они могут схватить тебя прямо на улице в любую секунду.

Фишер улыбнулся.

— Фред, если это твой вариант ободряющей речи, то он нуждается в доработке.

— Это сохраняющая твою жизнь речь. Я говорю тебе это по двум причинам, первая, все это правда; и вторая, они будут делать также: установят за тобой слежку, будут думать, что ты иностранный агент и, вероятно, делаешь нечто подлежащее аресту.

— И если они это сделают? — спросил Фишер.

— Арестуют?

Фишер кивнул.

— Тогда Бог в помощь. Мой совет ... — Фредерик сделал паузу. — Если бы это случилось со мной в прошлом ... то я бы скорее залег на дно, и не позволил бы им схватить меня. Если знаешь, что они идут за тобой, беги.

СЕЙЧАС, сидя на лавке, наблюдая, как два офицера ГДБ наблюдают за ним, Фишер осознал, что принял совет Фреда. Как высоки бы ни были шансы на успех, ему нужно залечь на дно прежде, чем они сделают свой ход.

Еще десять минут спустя после разглядывания студентов-солдат, Фишер поднялся, бросил пластиковый стаканчик в ближайшую урну, и зашагал по тротуару. Он не оглядывался, этого и не требовалось. Не пройдет он и сотню метров, а Флим и Флэм уже будут рыться в мусоре за пластиковым стаканчиком для последующей экспертизы.

Легенда Фишера — фотограф из германской газеты "Стерн", это был выбор, основанный частично на том, что Фишер бегло говорил по-немецки, а также из-за антиамериканского уклона "Стерн" и осуждения того, что в газете назвали США "Администрацией забияк". Кроме того, за последние несколько лет "Стерн" присматривалась к молодежи Северной Кореи, желающей присоединиться к их европейским коллегам. Руководители Северной Кореи решили, что, возможно, "Стерн" — безопасный способ удовлетворить это стремление и, вероятно, совершить политическое нашествие с европейскими странами, которые зачастую принимают иную точку зрения по отношению к культурным делам: если Америка считает вас плохими, возможно стоит еще раз присмотреться к нам.

Итак, Фишер, практически безупречно говорящий на немецком, родом из страны, не особо питающей любви к нынешней американской администрации, был подвергнут лишь беглому опросу после прибытия в аэропорт Пхеньяна. Тем не менее, его паспорт был изъят в гостинице, и приписан на тщательное рассмотрение ГДБ. Как долго это продлится, он не знал, но Фредерик был уверен, что будет действовать двухдневное правило: если по прошествии двух дней ГДБ решит, что вы не собираетесь свергнуть правительство или провоцировать антиобщественное поведение, они, вероятно, отзовут наблюдение, по крайней мере, явное.

Фишер провел остальное утро, прогуливаясь по достопримечательностям города: Триумфальная арка, грандиозная копия парижской Триумфальной арки; Мангендэ Хилл, место рождения Ким Ир Сена; Монумент идей Чучхе; Монумент трудовой партии Кореи; и Намсан Хилл, также известную как Центральная библиотека Пхеньяна. Ожидаемые остановки любого туриста и это своего рода возможность, которую фотограф из "Стерн" не упустит, уверял Фредерик.

Уже к концу дня Фишер ужинал в своей гостинице "Янгакто". За десять минут до того, как Флима и Флэма сменила ночная команда с Флипом и Флопом, Фишер уединился в баре

гостиницы с видом на Тэдонган, наслаждаясь чашкой кофе, как и каждый вечер с момента прибытия.

Как раз вовремя, в шесть часов, Флим и Флэм, сидевшие внутри у ближайшего окна, поднялись и исчезли. Фишер наблюдал и ожидал. Прошло пять минут, потом десять, пятнадцать. Обычно к этому времени объявлялся Флип или Флоп, прогуливался к перилам и несколько минут смотрел на реку, или даже заказывал столик и наслаждался едой, пока Фишер допивал кофе.

Спустя тридцать минут, Фишер понял, что никто не придет. Он подозвал официантку, попросил счет, прошел через вестибюль и вышел на тротуар, где свернул налево и пошел. Следующий час он прогуливался вдоль магазинных витрин, случайно останавливаясь, чтобы прицениться, нырял в дверные проемы, затем окликнул такси, и, проехав всего один квартал, вышел. Довольный тем, что прогноз Фредерика о двухдневном правиле был точен и больше за ним пристально не следят, Сэм пошел обратно в гостиницу и поднялся на лифте к себе в номер.

В комнате, он поднял трубку и попросил внешнюю телефонную линию. Несмотря на то, что Сэм набрал номер, начинавшийся как код Германии — 49 и код Берлина — 30, на самом деле вывел его к подслушивающей и перехватывающей станции АНБ в Масаве, Япония.

По третьему звонку по-немецки ответила Гримсдоттир:

— "Стерн", чем я могу вам помочь?

— Внутренний номер сорок два-девятнадцать, — ответил Фишер по-немецки.

— Пожалуйста, ожидайте.

Прошло десять секунд, Ламберт, прошедший собственный ускоренный курс по немецкому языку, ответил по линии.

— Кауфманн! Как там в Пхеньяне?

— Отлично. Погода как вы и предполагали, — ответил Фишер. — Сегодня посетил несколько туристических мест; завтра, надеюсь, что возьму несколько интервью на улицах.

— Замечательно! Держи нас в курсе.

Фишер повесил трубку.

Разговор был зашифрован, и он сказал Ламберту о трех вещах: первая, Фишер не столкнулся с осложнениями; вторая, ГДБ вело себя как и предполагалось, и наблюдение отозвано; и третье, завтра он отправлялся за агентом ИДВР, Чин-Хва Паком.

37

ФИШЕР отступил в переулок, нырнул за мусорный бак, и наблюдал, затаив дыхание, как мимо него, не торопясь, проехал джип. В джипе открытого типа были три солдата, двое — по обе стороны горящих фонарей вдоль тротуаров, а третий — позади вмонтированного 50-калиберного пулемета. Они миновали переулок Фишера, и остановились у следующего перекрестка, тормоза мягко завизжали в темноте. Вдалеке, в направлении улицы Кьонгханг, он слышал музыку диско.

Спустя несколько секунд джип поехал дальше и, свернув налево, скрылся из виду. Фишер выдохнул. Он пробежался руками по мокрым от пота волосам, затем проверил часы: два часа ночи. Сэм был в пути уже два часа. Четыреста метров до цели.

Почти в полночь он вышел из комнаты и сел на лифт до гаража, здесь он скрылся в тени за бетонным столбом и ожидал смены обслуживающего персонала. Когда показалась замена, оба мужчины в соседнюю комнату безопасности, оставив шлагбаум без охраны. С тех пор, как Сэм приехал в гостиницу, он шесть раз наблюдал этот процесс шесть раз и не пройдет и тридцати секунд, как персонал выйдет из комнаты безопасности.

Услышав звук закрывшейся двери, Сэм вышел из-за столба и пошел, бесшумно, вверх по рампе, затем вниз и прокрался под единственным окном комнаты безопасности, вокруг поста со шлагбаумом. Он поднялся, посмотрел по сторонам и, ничего не увидев, перешел улицу и свернул за угол.

Ночная жизнь Пхеньяна была скудной и во всем городе, ограничивалась всего несколькими барами и ночными, поэтому в основном путешествие Фишера прошло по свободным улицам и пустым тротуарам, которые обернулись как благословением, так и проклятием: первое, потому что он чувствовал себя в своей стихии, а второе, если его обнаружат, то он быстро привлечет внимание. Белый человек, разгуливающий в одиночестве по улицам в три часа ночи ... Полиция схватит его безо всяких вопросов и поместит в ближайший офис ГДБ для допроса. Конечно же, это же проклятье случится и с его хвостом. Если только они не были очень, очень хороши, то их было легко заметить. Силы равны. Или, по крайней мере, он на это надеялся.

ДВАДЦАТЬ минут спустя он лежал в зарослях, окаймляющих резиденцию губернатора, изучая улицу через миниатюрный бинокль. Как назло, четырехэтажный дом Пака, расположенный на противоположной стороне улицы в пятидесяти метрах правее Фишера, находился в районе Пхеньяна, зарезервированном для проверенных северокорейских политиков, военных офицеров, и гражданских служащих. Сейчас Фишер был в наиболее охраняемом квадратном километре столицы. Со своего места он видел резиденцию мэра, три общественных и частных

банка, забронированных для знаменитостей, зенитную батарею, склад боеприпасов, и казармы для семьдесят седьмого пехотного полка, все освещалось прожекторами и охранялось мрачными с винтовками наперевес солдатами, как патрулирующими, так и стоящими на посту.
Тем не менее, была и хорошая сторона. Как бы хорошо не охранялась территория, вся защита была направлена на частные резиденции. Дом Пака, в двух кварталах от казарм, располагался на относительно темной и спокойной улице, окруженный кизилом и живой изгородью сирени. Был ли Пак дома, Фишер не знал; единственное, что ему было известно — маячок Стюарта был там, вероятно, все еще прикрепленный к одежде Пака, которую тот носил на платформе.
Фишер снова проверил часы.

"Терпение, Сэм".

Фишер заставил пролежать себя еще час, наблюдая за приходом и уходом охранников, выискивая слабое место, брешь в зоне обзора, которую можно использовать. Как он и ожидал, найдя, в конце концов, эту брешь, не из-за недостаточной логики или тренировки, а благодаря индивидуальной особенности. Один солдат, парень в позднем подростковом возрасте, оказался заядлым курильщиком, и ему явно не хватало самодисциплины, чтобы подождать до запланированных перерывов.
Во время каждого третьего обхода квартала, охватывающего резиденции губернатора и мэра, а также квартиру Пака, парень останавливался, нырял за дерево и с жадностью курил, прежде чем окончить свой обход. Это дало Фишеру дополнительные две минуты, сделать все необходимое.
Фишер наблюдал, как солдат прошел мимо его укрытия, свернул за угол и направился к резиденции мэра. Затем, как по часам, он остановился, украдкой огляделся, шагнул за дерево и прикурил.
Фишер поднялся на колени и, пригнувшись, направился через улицу, двигаясь по диагонали от курящего солдата, пока не оказался за прикрытием изгороди сирени, которая загораживала крытую дорожку, ведущую к двери Пака.
Фишер скользнул вдоль стены, где встречались дорожка и фронтовая стена, затем развернулся и прижался спиной в угол. Сейчас он увидит, окупятся ли его ежедневные тренировки, которые включают в себя семьсот приседаний на одной ноге, как раз для таких случаев.
Сэм сделал глубокий вздох, поставил резиновую подошву своих ботинок на стену, и сильно оттолкнулся. Наклонился влево, смещая свой вес и прижимаясь плечом к стене. Затем уперся правой ногой в соседнюю стену, согнул ногу, и снова оттолкнулся, поднимаясь с земли. Сейчас он находился в так называемом положении трубочиста. Используется альпинистами и

скалолазами для перемещения по прямоугольным выступам и вертикальным горам, техника требовала терпения, выносливости и грубой силы, она напоминала противостояние гравитации без помощи крюков и карабинов.

К счастью для Фишера, нужно было преодолеть всего три с половиной метра, что он и сделал за сорок секунд, поднимая себя до уровня крыши дорожки. Он вытянул левую руку, зацепился пальцами за изгиб карниза, и замер.

За изгородью сирени он услышал шаги, эхом отдававшиеся по тротуару и направляющиеся в его сторону. Над кустами Сэм увидел кепку солдата-куряги, скользнувшую мимо ворот крытой дорожки, далее вдоль по тротуару и, в конце концов, исчезнувшую в темноте.

Фишер слегка сместил вес влево, проверяя карниз. Тот тихо заскрипел, немного просел, но выдержал. Он оттолкнулся правой ногой, махнул ею вперед, зацепился пяткой за карниз, а затем втащил тело на крышу. Сэм растянулся плашмя и замер, находясь в таком положении несколько минут, пока не убедился, что не привлек внимание.

Теперь он был на расстоянии вытянутой руки от коридора первого этажа, который был схож с серой коммунистической архитектурой, которая, казалось, доминировала в большинстве старых районах Пхеньяна, расположенных вокруг здания. С внешней стороны коридор был ограничен перилами по пояс высотой и арочными проходами, а с внутренней стороны дверями квартир, стиль был скорее Средиземноморский, чем Индустриально-советский. Рядом с каждой дверью находился настенный светильник, продольно-срезанный цилиндр из полированной нержавеющей стали отбрасывал свет на потолок. Чтобы ни сделал Пак для ИДВР, должно быть он преуспел; в Северной Корее, квартиры такого качества были забронированы для политических звезд. Это была роскошь, северокорейский стиль.

Фишер уже хотел дотянуться до перил и вдруг остановился.

Камеры. Он отстранился и снова лег плашмя.

"Почти совершил ошибку, Сэм".

Наблюдая ранее за домом Пака, он видел швейцара за столом в вестибюле. Судя по мерцающему отблеску в очках швейцара, тот смотрел в небольшой, невидимый телевизор. Но какой? Обычный или видеонаблюдения, или оба?

Он вытащил из кармана улучшенный "ДАПРой" айфон и пролистал до папки с изображениями, ввел пароль, и вызвал чертеж здания Пака. Он был неполным, частично додуманным и наспех собранным Гримсдоттир при помощи сочетания из различных источников: спутниковых изображений, туристических фотографий, карт электросети, похожих зданий в других частях

страны ... Она использовала все это, чтобы предоставить Фишеру, хотя бы общие черты того, с чем он столкнется.

Глядя на чертеж, он предположил, что прямо за стеной у спины находится лифт. Сэм посмотрел вверх. Стена, толщиной три метра (типичная для шахты лифта), простиралась до самой крыши. Если в здании есть камеры, то, скорее всего, он обнаружит их на каждом этаже, направленных на лифт.

Снова выждав, пока куряга пройдет мимо, Фишер поднялся на корточки, вытянул руки, схватился за перила, подтянулся, осмотрел коридор на наличие камер и, ничего не увидев, перекатился через перила на пол, прижался стене шахты лифта и начал отступать в угол.

Сначала Сэм услышал жужжание камеры, а затем увидел ее. Он остановился и замер.

Задолго до Третьего Эшелона, Фишер разбирался с огромным количеством камер, используя только уши и правильное время. Несмотря на то, что двигатели камер издавали тихий звук, они имели отличную акустическую особенность, главным образом, во время диапазонных остановок — мест, в которых вращающаяся камера достигает максимального поворота влево или вправо. Именно в этот момент, когда двигатель меняет направление движения камеры, сосредоточенный слух воспринимает едва слышимое растяжение мотора. Этот звук и слушал Фишер, когда замер, прижавшись спиной к стене и прикрыв глаза ...

Здесь ... здесь ... здесь ... здесь. Двенадцать секунд от остановки до остановки. Не имело значения, была ли она правой или левой. Так как больше видеокамер в коридоре не было, то она, вероятно, откалибрована на полный поворот так, чтобы обозревать концы коридора по всей длине. Именно в этом моменте слепое пятно было наиболее доступным. Станьте прямо под креплением камеры и вы — невидимка.

Фишер выжидал, прислушиваясь и считая, затем вышел из-за стены и стал под креплением. Камера, которая поворачивалась вправо, изменила направление и начала возвращаться. Фишер посмотрел влево и сосчитал двери. Номер квартиры Пака был девятый — третья дверь. Сложность заключается в том, чтобы достичь двери и вовремя зайти внутрь, пока камера завершит полный поворот.

Внезапно, решение Фишера было сделано за него. Дверь открылась, и из нее вышел Пак.

38

ПАК, стараясь не упустить мешки мусора из рук, отклонился в сторону квартиры, пытаясь закрыть дверь.

Фишер взглянул вверх. Камера была направлена четко на Пака. Остановилась и начала поворот в другом направлении. Фишер отсчитал пару секунд, затем оттолкнулся от стены и побежал, пригнувшись, прямо на Пака. Он преодолел расстояние менее чем за три секунды, но в последний момент, либо ощутив присутствие Фишера, либо услышав его приближение, Пак обернулся к тому лицом.

Фишер был абсолютно прав, догадываясь о физической форме и подготовке парня. В мгновение ока, Пак, все еще удерживая мешки с мусором, резко нанес прямой удар ногой. Он был идеально точным и успешно исполненным, удар, который мог с легкостью сломать шею или раздробить череп. Однако Фишер, отметив небольшое смещение веса на заднюю ногу, был готов к удару. Двигаясь на бегу, он опустил плечо, перевернулся под ногой, ухватил за поднявшуюся пятку правой рукой, затем поднялся и ударил Паку прямо в подбородок резким джебом. Потрясенный, Пак отшатнулся в квартиру. Фишер, не давая шанса отреагировать, продолжал давить: поднимая ногу Пака, пока тот не упал в сторону, съезжая спиной по стене и приземляясь на пол. Фишер крутанул ногу Пака, переворачивая его на живот, опустился на колено, и ударил его голову о пол, затем еще и еще раз. Пак обмяк.

Фишер снова схватил его за ногу, развернул тело и оттащил дальше в квартиру, затем закрыл дверь. Сэм вытащил пару пластиковых наручников из скрытого отделения в подкладке куртки и связал Паку руки и лодыжки, потащил его в гостиную, положил лицом вниз, затем поднял кофейный столик и поставил над его телом. Сэм нашел вазу с узким основанием и установил ее на стол. Простейшая система оповещения позволит Фишеру за несколько секунд заметить, когда Пак придет в сознание и начнет дергаться. Теперь уже зная, насколько опасным был кореец, Фишер не собирался давать ему ни малейшего преимущества.

Он быстро обыскал однокомнатную квартиру Пака и никого не обнаружил. Однако в ванной он нашел портрет Пака, сидящего с женщиной и двумя маленькими девочками. Многим северокорейским политическим деятелям предоставляли две резиденции: рабочая квартира в Пхеньяне для повседневной работы и загородные дома для выходных. Это, предположил Фишер, была семья Пака. В ванной он также нашел ноутбук с WiFi, а в тумбочке — пистолет калибра 7,62 в кожаной кобуре рядом с двумя заряженными магазинами. Сэм положил в карман пистолет и магазины и тут его внимание привлек шкаф Пака. Почти сразу он нашел, что искал:

черное кожаное пальто, в которое Пак был одет на платформе Площадки 17. В левом кармане пальто Сэм обнаружил маячок Стюарта. Какое-то время он смотрел на него.

Спасибо, Кэльвин. Он сунул его в карман, взял ноутбук, и вернулся в гостиную.

Он вытащил айфон из кармана и выбрал свойства, пролистал до названия "Иглз" — "Отель "Калифорния" и ввел пароль. Экран сменился похожим на компас янтарно-черным дисплеем со словами **СОЕДИНЕНИЕ>ПОИСК СИГНАЛА**, мерцающими у нижнего края экрана. Следующие десять минут Фишер прочесывал квартиру на аудио и видео устройства. Ничего не найдя, он направился в кухню, нашел английскую версию диетической колы, вернулся в гостиную и сел в кресло в полуметре от головы Пака. Сэм вставил магазин в пистолет, передернул затвор и стал ждать.

Фишер почти допил диет-колу, когда пошевелился Пак. Он застонал, и его веки открылись, затем закрылись, когда он хотел сфокусироваться. Попытался поднесли руки к лицу; костяшки пальцев стукнулись по нижней части кофейного столика с глухим стуком, и ваза покачнулась, но устояла.

— Просто лежи спокойно, — сказал Фишер. — Для нас обоих так проще.

Пак замер. Он завертел глазами и выгнул шею так, что бы видеть Фишера. Вместо типичных: "Кто ты такой?" и "Что тебе нужно?", Пак просто сказал:

— Ты — американец.

Его английский был с небольшим акцентом; Фишер отметил использование сокращений в словах. Пак прошел серьезное обучение языка, которое было ожидаемо от агента ИДВР.

— Да, — сказал Фишер.

— Разве ты не знаешь, где находишься? Живым тебе из города не выбраться. Ты, возможно, даже не выберешься из этого дома.

— Мы, — ответил Фишер.

— Что?

— Живыми из этого города нам не выбраться.

Он поднял пистолет Пака.

— Я гарантирую тебе, если настанет этот час, ты умрешь первым.

— Как ты нашел меня?

— Самые лучшие западные империалистические технологии.

— Зачем ты сюда пришел?

— Сложный вопрос.

"Даже слишком, — подумал Фишер. — Если бы не Омурбай и Манас, то Пак давно бы схлопотал пулю. Но это была не та ситуация, не так ли? Пак нужен был ему живым".

— Я хочу, чтобы ты сказал мне, где Кармен Хейс, и все, что ты знаешь о Манасе: где он, где Омурбай намеревается использовать его, и как нейтрализовать.

Пак снисходительно усмехнулся.

— Я не собираюсь тебе помогать.

— Я так и знал, — сказал Фишер. — И мне сложно будет тебя переубедить. Я прав?

Пак кивнул.

Фишер указал на ноутбук Пака, который был включен на столе сбоку. Из порта, сбоку ноутбука, торчал SD/USB кардридер.

— У тебя довольно хорошо там все зашифровано. К сожалению, недостаточно. Сейчас, я загружаю вирус на жесткий диск. Не буду притворяться, что знаю, как он работает, но вот, что я знаю точно: спустя два часа от данного момента, и каждые два последующих часа, если специально-шифрованное письмо не придет к тебе на электронную почту, вирус активируется.

— Каков твой план? — сказал Пак, самодовольно усмехаясь. — Собираешься уничтожиться мой ноутбук?

— Нет, твою жизнь. Понимаешь ли, ты слишком сильно понадеялся на свою шифровку — слишком много рискованной информации на жестком диске. Этот вирус разместит цифровые следы во все уголки твоей жизни: электронные счета, финансы, расходы; история покажет предателя, доверенный агент ИДВР, который вызвался добровольно шпионить для США и в течение последних трех лет снабжал ЦРУ информацией. Ты можешь не бояться того, что я сделаю с тобой, но я знаю, что твои боссы в ГДБ делают с предателями. Я смотрел видео их методов допроса. Не приятно. Но я уверен, тебе известно об этом.

— Я не верю тебе, — сказал Пак. — Они не поверят.

— Нежелательный риск, — сказал Фишер.

Таковым он и был. Это был не блеф. Наибольшим вкладом ЦРУ в задание Фишера был один из самых ценных агентов, исполнительный секретарь в бухгалтерии Государственного департамента безопасности. Хотя ничего из предоставленной в Лэнгли информации не имело стратегического значения, она дала разведывательному управлению ЦРУ неоценимую возможность взглянуть на административную сторону службы безопасности Северной Кореи, позволяя собрать изнутри сведения более чем о десятке агентов ИДВР: куда они направлялись, как перемещались и через какие банки и компании двигались деньги. Это была головоломка устрашающей сложности, но она окупилась.

Фишер не сказал Паку, что пока тот был без сознания, другая программа на другой SD-карте собрала с жесткого диска ноутбука каждый фрагмент информации в пределах определенного диапазона файловых расширений: пароли и логины для полдюжины интранет-порталов, включая офисную учетную запись Пака от электронной почты. Когда программа завершила

поиск, Фишер загрузил содержимое на свой айфон для зашифрованной передачи данных в Третий Эшелон, где Гримсдоттир и Реддинг, работая в паре, отсортировывали данные.

— Это невозможно, — сказал Пак. — Вы что-нибудь упустите.

Фишер улыбнулся.

— Сомневаюсь. Так случилось, что я работаю с женщиной, которая ужасно хороша в своем деле, и в данный момент ее единственный проект — ты. Я уже упоминал, что она любезно открыла частный счет в "Зиндикус Трайханданcталт" банке Лихтенштейна? У тебя там небольшое состояние. Конечно же, ты его никогда не увидишь, но увидят твои боссы.

Глаза Пака дрогнули, и Фишер впервые увидел в них страх.

— Не совершай ошибки, — продолжал Фишер, — ибо, когда мы с тобой закончим, ты будешь величайшим предателем, которого когда-либо видела твоя страна. Или второй вариант: ты согласишься нам помогать.

Фишер раскинул руки и одарил Пака дружеской улыбкой.

— Тебе решать.

— Откуда мне известно, что могу доверять ...

— Ниоткуда. Сейчас ты можешь рассчитывать лишь на две вещи: первая, что мы можем, и мы сожжем тебя; и вторая, если что-то случится, единственный намек, что ты ведешь с нами двойную игру, и я всажу тебе пулю в голову. Такая вот сделка. Согласен или нет.

Пак закрыл глаза, сделал глубокий вздох, и выдохнул.

— Согласен.

39

— ПРИТОРМОЗИ, — скомандовал Фишер Паку. — Ты не хочешь получить штраф за превышение скорости.

Пак отпустил газ, и машина ("Мерседес 300 Дизель" 1990 года выпуска, которая, как полагал Фишер, была еще одним благом от ИДВР) сбавила скорость до 50 км/ч. Шины отбивали устойчивый ритм по швам расширения шоссе, и затишье убаюкивало Фишера. Он отряхнулся и сосредоточился.

Зная, что отключается от усталости, Фишер предпринял некоторую страховку, если от неизбежности Пак что-нибудь выкинет: тонкими пластиковыми наручниками скрепил основания безымянных пальцев Пака. Другие концы были закреплены вокруг нижней части руля. У него было достаточно длины для управления "Мерседесом", но не более.

Они были в пути уже сорок минут. В боковое зеркало Фишер видел отдаленные огни Пхеньяна, но здесь, всего в десяти километрах от города, стояла кромешная тьма, за исключением небольшого лунного света, который просачивался сквозь низкий покров облаков. Как будто они миновали занавес на восточной окраине столицы, от освещенных небоскребов и уличных фонарей до темноты.

Одним глазом изучая экран айфона, который в данный момент показывал помесь из спутниковой/дорожной карты Северной Кореи, а вторым приглядывая за Паком, Фишер скомандовал ему свернуть влево с двухполосного шоссе на узкую гравийную дорогу, которая привела их к местности с холмами, покрытых вечнозелеными деревьями. Фишер смотрел, как у края экрана айфона бегали координаты широты и долготы, затем остановились и начали мерцать.

— Остановись здесь, — приказал Фишер.

Пак свернул с дороги и выключил зажигание. Фишер взял ключи от машины.

— Я немного пройдусь, — сказал он Паку. — Если сможешь отгрызть себе пальцы до моего возвращения, то ты свободен.

— А ты шутник, — проворчал Пак.

— Мне уже говорили это.

Фишер выбрался наружу, включил фонарик, и начал подъем по склону холма, пока не достиг линии деревьев, здесь он остановился и по экрану айфона определил свое местоположение, затем продолжил путь, следуя звериной тропе выше к деревьям. Спустя шестьдесят секунд он остановился, проверил свое расположение, затем свернул налево, сделал четыре шага и опустился на колени. Сэм смел руками сосновые иголки. Там, наполовину закопанная в землю,

лежала деревянная ручка садовой лопатки. Фишер принялся копать. У него ушло шестьдесят секунд, чтобы выкопать черный рюкзак из "Гор-Тэкс"*. Он про себя усмехнулся.

Привет, старые приятели.

Фишер не спросил, а Ламберт не стал объяснять, но перед отъездом из Вашингтона он дал Фишеру координаты.

— Если потребуется залечь на дно.

Ему не нужно было заглядывать внутрь сумки, чтобы узнать, что она содержала его полное снаряжение для миссии: тактический костюм, гарнитуру, автомат SC-20 и пистолет, его кинжал "Сайкс Фэрбэрн" — все это будет там. Фишеру не нужны были объяснения, каким образом сумка оказалась здесь; у него было сильное предчувствие: вопреки каждому оперативному правилу шпионажа в учебнике, Том Ричардс приказал своим шпионов в бухгалтерии ГДБ, прокатиться по стране.

"Спасибо, кем бы ты ни был", — подумал Фишер.

Он поднял сумку и стал спускаться вниз по тропе.

ДВАДЦАТЬ минут спустя, возвращаясь по главному шоссе, завибрировал блютус Фишера, он нажал кнопку соединения.

— Сэм, это Грим. Уилл и я почти закончили разбирать мусор из ноутбука Пака. Примерно за два месяца до исчезновения Кармен Хейс, Пак установил новый пароль и логин на интранет-портал ГДБ. Адрес портала изменился, а вот привязанная к нему учетная запись электронной почты — нет. Там есть накопления сообщений, которые отвечают всплескам некоторых интересных событий: минометная бомбардировка в Бишкеке, отставка президента Кыргызстана, появление Омурбая, перевозка Кэльвина Стюарта на платформу Площадки 17 ... такого типа. Все связанное с Манасом.

— Что-нибудь стоящее?

— Сообщения зашифрованы, каким-то одноразовым цифровым установочным блокнотом, это означает, что только Пак и тот с кем он переписывался, имеют алгоритм дешифровки, и, скорее всего, он часто изменятся. У меня достаточно сообщений, повторяющихся фраз и ссылок, чтобы начать собирать кусочки воедино с конца, но это займет время. Но вот что тебе нужно знать. Первое: Пак не услышит?

— Нет.

— Значит, просто слушай; не подавай виду. Вся почта Пака, отправляемая через этот портал, проходит через единственную станцию маршрутизации, примерно в шестнадцати километрах

восточнее Пхеньяна. Я отслеживаю вас и полагаю, что он бессмысленно катает тебя. Вы в восьми километрах к юго-востоку от станции маршрутизации и отдаляетесь от нее.

— Понятно.

— И он везет тебя прямо в военную зону.

— Ха.

— Сейчас я смотрю на снимки со спутника. Если вы продолжите двигаться дальше по дороге, вы наткнетесь на контрольно-пропускной пункт, а в километре от вас находятся десятки зенитных установок, бункеров, казарм и радаров. Согласно Лэнгли, вся местность — это убежище для верхушек Трудовой партии Северной Кореи. Это одно из самых охраняемых мест в стране.

— Полезно знать.

— Что собираешься делать?

— Я свяжусь с тобой.

Фишер отключился. Он повернулся в сиденье и направил пистолет Паку в грудь.

— Останови машину.

— Что?

— Ты слышал. Останови машину.

Краем глаза, сквозь лобовое стекло, Фишер увидел проблеск света. Он повернулся. В четырехстах метрах по дороге, включились несколько прожекторов на крыше охранной будки, установленной на шоссе. Свет пронзил лобовое стекло. Фишер прищурился.

Пак резко вдавил в пол педаль газа. Мощный двигатель "Мерседеса" взревел, и машина рванулась вперед. Через мгновение, Пак резко рванул руль влево, машину занесло, и начала скользит по сторонам, вдруг они взмыли в воздух. На секунду, прежде чем снова ринуться вперед, Фишер стал невесомым. Он ударил лбом о приборную панель и все потемнело.

Фишер смутно осознал, что машина остановилась. Он открыл глаза и осмотрелся. "Мерседес" лежал на левом боку, накренившись в сточную канаву. Фишер прикоснулся ко лбу, и рука окрасилась в красный. Рядом без сознания лежал Пак, сидя на сиденье вверху, его голова упиралась в боковое стекло, руки были привязаны к рулю. Дальше по дороге он слышал крики на корейском, затем приближающийся звук двигателя.

"Двигайся, Сэм, не думай. Двигайся!"

Фишер окинул глазами машину в поисках пистолета и заметил его на полу рядом с Паком. Он поднял его. Двумя руками смазал со лба на лицо и шею кровь. Сэм открыл дверь, перекатился на колени и попытался встать, но упал. Он сделал три быстрых вздоха, чтобы прояснить голову,

затем снова попытался и с трудом поднялся. Он глянул влево. Дальше по дороге не более чем в ста метрах, к ним несся автомобиль. Он сунул пистолет спереди за пояс, затем взобрался по насыпи и подбежал к стороне Пака. Он остановился, размахивая руками приближающемуся транспорту, Сэм надеялся, что это был универсальный жест помощи, затем уткнулся в дверь Пака, нащупывая ручку.

Автомобиль, джип с тремя солдатами, которых Фишер уже мог разглядеть, круто остановился. Фары осветили Фишера. Солдаты выбрались с ружьями в руках и окружили его.

— Пак! — закричал Фишер, неразборчиво говоря по-корейски. — Jom do-wa-ju-se-yo!

Помоги мне! Фишер обернулся в четверть профиля к солдатам. Он надеялся, что вид крови вместе с паникой, дадут желаемый эффект.

— Jom do-wa-ju-se-yo! — закричал он снова, дубася дверную ручку и размахивая рукой солдатам.

Один из тройки, вероятно, старший по званию, рявкнул приказ. Фишер уловил кусок:

— ... помогите ...!

Именно этого Фишер и ожидал. Он вытащил из-за пояса пистолет и обернулся. Не обращая внимания на двух ближайших солдат, которые опустили винтовки и выступили вперед, чтобы оказать помощь, и сосредоточился на третьем, державшем ружье наготове. Фишер сделал два выстрела, поражая солдата в живот, отступил влево, прицелился, выстрелил дважды, затем снова, роняя двух солдат на полушаге. Сэм ринулся вперед, по пути отталкивая винтовки и проверяя пульс. Все трое были мертвы. Позади Фишер услышал стон, и голос Пака:

— Тебе все равно туда не добраться.

Фишер обернулся и пошел к машине.

— Через двадцать минут тебя будет разыскивать сотня солдат. Тебе не одолеть. — Сказал Пак.

Он закашлялся, затем отхаркнул слизь и сплюнул на землю.

— Возможно, — ответил Фишер, — но я не склонен воспринимать тебя всерьез. Один вопрос, прежде чем я уйду: человек, который разыскивал Кармен Хейс. Знаешь, о ком я говорю?

Пак нахмурился, а затем кивнул.

— Частный детектив. Ну и что?

— Это ты его поместил в камеру Площадки 17?

— Да.

— Почему?

— Не мог оставить его в живых.

— Но почему именно таким способом? — спросил Фишер.

Он не мог понять, почему это было для него так важно, не мог конкретно назвать причину, ему нужно было это услышать.

— Почему убил его именно так? — пожал плечами Пак. — А почему нет? Мне было любопытно.

Затем лицо Пака сменилось. Глаза уставились на Фишера, и он самодовольно улыбнулся.

— Ты его знал, не так ли?

— Знал. Его звали Питер. Он был моим братом.

Пак засмеялся с издевательским храпом.

— Питер. Да, я посадил его туда. Лично запер дверь.

— Это ты его выпустил?

Пак нахмурился.

— Выпустил? — он засмеялся. — Зачем мне его выпускать?

Должно быть, Питер каким-то образом выбрался, после того как Пак и его люди ушли, нашел спасательный плот, уплыл, надеясь, что его обнаружат. Вероятно, он даже не знал, что умирает.

— Так значит, ты бросил его умирать? — сказал Фишер.

— Он не заслужил лучшего, — ответил Пак. — Он не был мужчиной. Плакал. Умолял и кричал как ...

Фишер поднял пистолет и выстрелил Паку в лоб.

Голова Пака откинулась назад, глаза выпучились, рот застыл на полуслове.

40

ФИШЕР сбавил шаг, спустился вниз по насыпи, и опустился на живот в ручей шириной сантиметров тридцать. Спустя десять секунд конвой из двух джипов и четырех грузовиков прогремел по дороге и исчез за поворотом.

Фишер надавил СВП.

— Статус, — сказал он.

— У меня есть спутниковая поддержка в реальном времени, — сказала Гримсдоттир. — Рядом со мной сидит эксперт по Северной Корее из УВР, его зовут Бен.

— Доброе утро, Бен, — весело сказал Фишер.

— Э-э ... доброе утро, сэр.

— Он объясняет нам увиденное, — сказала Гримсдоттир. — Здесь также Ламберт и Реддинг.

— Сэм, похоже, что прогноз Пака был верен. Они мобилизуют все в этой зоне. Сейчас их компания состоит, возможно, из пятидесяти человек. Положительная сторона в том, что они не организованы. Я полагаю, что твой приемчик у КПП выиграет больше времени, чем мы думали. Мы видим немалое скопление машин вокруг столкновения.

Отправив Пака на тот свет, Фишер быстро сделал ряд вещей: подобрал гильзы, снял с машины агента номер и все документы, освободил его руки от руля и сунул наручники в карман. Переместил мертвых солдат с винтовками обратно в джип, сорвал несколько гранат с их поясов и начал толкать джип вперед, пока он не скатился по насыпи, врезавшись в дверь машины Пака. Затем отошел назад, чтобы посмотреть на свое рукоделие. Довольный, Сэм одел на плечо рюкзак, вытащил гранаты и выдернул чеку, кинул каждую под бензобаки джипа и "Мерседеса". Он был уже в пятидесяти метрах, когда взрыв окрасил небо в оранжевый.

— Рискованная ставка, — сказал Фишер сейчас, — если повезет у них уйдет много времени, чтобы догадаться, что это более чем авария. А если повезет еще сильнее, то они вообще не догадаются, но я на это не рассчитываю.

— Наверное, разумно, — сказал Ламберт. — Ты показал отличное время. Пять километров за двадцать две минуты.

Фишер сделал пяти минутный перерыв, чтобы снять гражданскую одежду, спрятать ее, быстро одеть спецкостюм и снаряжение. С точки зрения тактики, изменение курса имело смысл, а на неосязаемом, но не менее важном уровне, это помогало сменить мысленный настрой. Он бежал, в глубине вражеской территории. Это была его стихия.

— Старею, — сказал Фишер. — Раньше был немного быстрее.

Фишер проверил часы, затем обернулся на восток. Горизонт был окаймлен оранжевым светом, однако над Сэмом небо разрасталось дождевыми тучами. Через пятьдесят минут наступит рассвет. Ему нужно было найти убежище.

— Идеи? — спросил Фишер. — В следующие тридцать минут мне нужно исчезнуть.

— Мы ищем, — сказала Гримсдоттир.

На линии послышался голос Бена.

— Сэр, в четырехстах метрах от вас, к востоку и западу, два полигона для зениток, — сказал он. — Обычно каждая дополнена двенадцатью людьми. Это не закаленные солдаты, но я бы все равно их избегал. На юге, откуда вы пришли, где находится убежище Трудовой партии Северной Кореи и КПП, расположен еще один зенитный полигон, радиолокационная установка и склад припасов. На севере, куда мисс Гримсдоттир говорит мне вы направляетесь, несколько свободных артиллерийских позиций, в основном, перекрытия из мешков с песком в форме полумесяца; казармы, которые, мы полагаем, частично заселены; и заброшенная очистительная станция.

— Как далеко? — спросил Фишер.

— Четыреста метров.

— В данный момент Уилл закачивает на твой ОПСАТ карту в высоком разрешении с пометками, — сказал Ламберт.

Через двадцать секунд она была уже на экране Фишера. Он изучал ее. В трестах метрах к западу от его позиции, на краю сточной канавы, в которой он лежал, была роща, простирающаяся с севера на юг.

— Что это такое? — спросил он.

— Ореховый сад, — ответил Бен. — Он километра на полтора уходит на север, минуя очистительную станцию.

— Местечко в моем стиле, — сказал Фишер. — Выдвигаюсь.

ДВАДЦАТЬЮ минутами позже, пройдя от дерева к дереву через ореховую рощу, Фишер опустился на живот в высокой траве рядом с забором очистительной станции. Он переключил очки в режим НВ, затем в ИВ, осматривая служебные постройки завода и дороги на признаки активности. Станция, которая охватывала приблизительно два с половиной квадратных километра, была спроектирована в L-образной форме, вровень с каждым L-рукавом располагались прямоугольные сборные дома из гофрированного железа, а между ними находился резервуар для фильтрации. К нему подходила возвышающаяся на крестообразных перекладинах платформа, на которой была сточная труба диаметром два метра.

Он не заметил движения или следов проживания. Ни огней, ни машин. Сэм сфокусировался на одном из зданий. Окна были покрыты ровным слоем пыли и грязи. Он изучил землю на

парковочной стоянке и уже хотел убрать зум, как что-то привлекло его внимание: узор на земле.

— Грим, что нам известно о здешней погоде? В особенности о ветровых режимах.

— Погоди, — сказала Гримсдоттир.

Спустя тридцать секунд она снова вернулась.

— В это время года ветра устойчивые; северные; скорость умеренная, примерно тридцать два километра в час.

— В точку, — сказал Фишер.

— Что именно?

— Скажу позже.

Фишер щелкнул переключатель на гарнитуре, связывающий с ОПСАТом.

— Вы видите это? — спросил он.

— Видим, — ответил Ламберт. — Плохое предчувствие насчет этих зданий, Сэм.

— Согласен. В конце концов, они добрались до него. Грим, сколько уже станция заброшена?

— Проверяю ... Предположительно, два года. А что?

— Сточная труба заходит в резервуар для фильтрации ... Интересно, насколько он осушен.

Настала длительная пауза, затем Гримсдоттир сказала:

— Боже. Лучше ты, чем я.

— Ламб?

— Согласен. Это твой лучший выбор, Сэм.

— Хорошо, выдвигаюсь.

СОСТЯЗАЯСЬ с приближающимся рассветом, Фишер преодолел забор и, пригнувшись, побежал через открытое пространство к краю парковочной стоянки, здесь он опустился на корточки. Теперь Сэм видел раздутые ветром полосы на земле стоянки. Однако с подветренных сторон зданий, вдоль их южных стен, полос не было. План, на который Фишер рассчитывал, засел у него в голове.

Он побежал через стоянку к ближайшей длинной стене здания и опустился на лени перед оконным разделителем. Оглянулся через плечо. Идеально. Там, где он прошел по незащищенной от ветра земле, четко вырисовывались следы. В ближайшее время, с приходом рассвета, ветер усилится и, вероятно, сотрет их.

Фишер вытащил из ножен "Сайкс" и рукоятью ударил стекло. Оно разлетелось. Фишер протянул руку в отверстие, открыл окно и поднял его вверх. Влез внутрь, закрыл за собой окно и осмотрелся. В здании все место занимали три отверстия: стальные резервуары, увенчанные мостиком.

Он почти сразу нашел, что хотел. Фишер побежал вперед, нырнул между двумя резервуарами к противоположной стене и присел перед окном. Сэм открыл окно, приподнял его на несколько сантиметров, а затем начал пятиться назад к лестнице, осторожно наступая в свои же следы.

Фишер поднялся по лестнице к мостику и побежал до конца к стене и противоположной лестнице. Там, где мостик встречался со стеной, располагались перила по пояс высотой; над ними жалюзийного типа вентиляция, ведущая наружу.

Фишер взобрался на перила и, балансируя на верхней ступени и с трудом пробирался к отверстию вентиляции. Он расположился рядом с вентиляцией так, чтобы балансировать лицом к стене, затем вытащил из сумки на поясе двухметровую парашютную веревку. Сэм привязал один конец к жалюзи вентиляции, а другой к лодыжке.

Затем он влез в отверстие, перевернулся на спину, полез извиваясь, пока его тело не оказалось снаружи, а ноги внутри. В полуметре над головой находился козырек крыши. Он ухватился руками за край, затем постепенно вытащил ноги из вентиляции и медленно свесил их, пока вентиляционный люк, все еще привязанный к лодыжке, не закрыл вход. Сэм сильно дернул за веревку, убеждаясь, что вентиляция закрылась, затем опустил правую руку и развязал узел.

Он поставил правую руку на крышу, сделал глубокий вздох и подтянулся до уровня крыши. Сэм зацепился пяткой и перелез через край.

"Почти на месте", — Сэм.

Он отошел на двадцать шагов назад, затем побежал вперед и перепрыгнул через проход на следующее здание и продолжил бег, его ботинки стучали по оловянной крыше, пока он не достиг противоположного края и остановился.

Сэм улыбнулся.

"Приятно, когда задуманное осуществляется".

Тремя метрами ниже находилась сточная труба; справа, в девяти метрах она оканчивалась фильтрационным резервуаром. Фишер спрыгнул вниз и направился к входу.

41

Глаза Фишера открылись.

"Грузовики, — подумал он. — Довольно много у них ушло времени".

Скользнув в трубу, он пролез тридцать метров, пока вход не стал отдаленным кругом серого света, затем выбрал менее покрытую нечистотами часть гофрированной трубы, и расположился там. Он снял рюкзак, положил его под голову и сложил руки на груди. Ушло сорок минут, пока адреналиновый гул в конечностях ослаб, и голова перестала думать. Он погрузился в сон.

Сэм перекатился на живот и посмотрел вдоль всей длины трубы на вход. Вокруг отверстия хлыстал порыв ветра, осыпая стороны песком. Он уловил озоновый запах дождя. Сэм проверил часы: семь тридцать.

Сбоку послышался рев двигателей (трех, полагал он), сопровождаемые заносами шин и рявканьем приказов на корейском.

Он выбрал очистительную станцию своим убежищем не только из-за близости, но и потому, что был уверен, корейцы не посчитают это место подходящим для поисков. Важной частью побега и уклонения было предоставление преследователям того, что они хотят.

Прошло две минуты. Тревожные голоса кричали, сопровождаемые еще большим количеством рявкающих приказов. Фишер уловил единственное слово: окно. Мысленно, он увидел солдат, выбивающих дверь здания ... люди взбираются на мостик, обыскать резервуары, кто-то находит открытое окно у противоположной стены комнаты ...

Их жертва была здесь не так давно, и двинулась дальше.

Фишер замер.

С другой стороны трубы он услышал карабкающиеся звуки: руки шлепали по балкам, затем хрюкающие усилия и звук шагов по крыше над головой в направлении отверстия. Послышались отдаленные переговоры нескольких мужских голосов. Фишер выждал, пока шаги отойдут дальше вдоль трубы, затем сместил рюкзак так, чтобы он находился перед лицом. Он выглянул через ремешки.

Через мгновение в отверстии трубы показалось несколько перевернутых физиономий. Голоса эхом отдавались в трубе.

— ... есть что-нибудь?

— Нет ... свет ...

Включился фонарик и секунд десять играл по внутренней части трубы, затем выключился. Снаружи, у земли, командный голос рявкнул вопрос, и один из парней ответил:

— Нет, ничего.

Головы исчезли из виду.

Поиск продолжался еще двадцать минут. А спустя пять минут, как стихли двигатели, Фишер нажал СВП. Он ввел Ламберта и остальных в курс дела, а затем спросил:

— Есть успехи в достоверности того, что я, черт побери, ищу и где мне это найти?

— Мы так полагаем, — ответила Гримсдоттир. — Мы пометили область при помощи кластера электронной почты Пака и станцию маршрутизации, куда они направились. Сейчас изучаем вид сверху. Вернусь, как будет возможность.

На Линии появился Ламберт:

— Как ты там?

— Хорошо. Мне предстоит дрыхнуть весь день. Чего еще человек может желать?

— Целый день дрыхнуть дома в постели или сточной трубе посреди Северной Кореи? — предложил Ламберт.

— Зануда. Как поживает наш друг, Омурбай? Все еще болтает?

— Почти постоянно. Его показывают по всем каналам, весь день, в прямом эфире либо повтор.

— Что-нибудь новое?

— Скорее все то же самое. Хотя ораторство о Манасе увеличилось. А из-за этого народ здесь обеспокоен.

Под "народом" понималось: ЦРУ, президент и совет национальной безопасности.

— Могу представить, — сказал Фишер. — Как продвигается замена двери?

Фишер имел в виду "ДВЕРНОЙ УПОР", оперативное кодовое название плана для борьбы с Омурбаем и Манасом, если Фишер провалит миссию. Пока Сэм летел в Пхеньян, Комитет начальников штабов начал предварительное размещение американских военных активов для борьбы с Кыргызстаном. Ан-64 "Апачи", АН-1 "Кобры", и UH-60 "Черные ястребы" находились в состоянии готовности на воздушной базе Баграма в Афганистане, как и отделения из Семьдесят пятого рейнджерского полка и восемьдесят второй воздушно-десантной дивизии, в это же время в арабском море авианосец "Рейган" занял позицию у пакистанского побережья.

Если Фишер сможет обнаружить расположения, в которые Омурбай планирует внедрить Манас, силы "ДВЕРНОГО УПОРА" отступят в безопасные места. Если, однако, Фишер потерпит неудачу, то задание "ДВЕРНОГО УПОРА" — атаковать войска в Бишкеке и за его пределами, в надежде, изолировать Манас. Конечно же, этот план был разработан на опасном, но неизбежном предположении, что Омурбай будет хранить Манас в столице, и что он еще не

отправил его предварительно размещенным командам по всей стране. Если это было так, то у США было мало надежды остановить Манас.

— Практически на петлях, — ответил Ламберт. — Надеюсь, что все подойдет.

Перевод: "Надеюсь, потребность "ДВЕРНОГО УПОРА" отпадет".

— Немного масла, — ответил Фишер, — и все станет на свои места.

Перевод: "Мы найдем нейтрализатор для Манаса, и все это не потребуется".

ОН спал, на удивление хорошо, целых три часа и проснулся от голоса Гримсдоттир в ухе.

— Сэм, ты там?

— Ага. Вижу сны о ползающих по лицу крысах.

— Может, это не было сном.

— Не порть мне сон, Грим. Что у тебя?

— Первое: я отслеживала аварийные частоты Пхеньяна. Хотя это и не доказательство, но, пока что, никакой активности в квартире Пака. Остатки джипа и "Мерседеса" отбуксировали на общественную стоянку в Намсан-донг. В зоне все еще довольно интенсивны патрули, но радиоболтовня стихает.

— Хорошие новости.

— Далее, мы обнаружили кое-что стоящее. Пусть Бен объяснит.

— Сэм, мы полагаем, что нашли аномалию в местности, примерно в полутора километрах к северо-востоку от вас. Мы долгое время наблюдали за местностью. И мы были уверены, что там что-то есть, мы просто не могли понять что. Мы полагаем, что оно не связано с военным объектом, но помимо этого, понятия не имеем, что это.

— Опиши аномалию.

— Двухполосная вымощенная дорога, проходящая через туннель в холме. Есть одна вещь: последние три часа я наблюдал в режиме реального времени через спутник. Сорок два автомобиля въехало, а выехало с другой стороны всего тридцать восемь.

— Уверен? Не просчитался?

— Нет, сэр.

— Тип автомобилей?

— Бортовые полуприцепы. На самом деле, я оговорился: один из них выехал, но спустя два часа и что-то перевозил.

— Что?

— Оно было под брезентом, но у нас есть представление. Это всего лишь догадка ...

— Отставить догадки, — сказал Фишер.

Бен откашлялся.

— Наиболее подходящая вещь, совпадающая по размерам и форме — циклотрон, один из типов ускорителей частиц ...

— Я знаю, что это такое, Бен. Значит, у нас есть оборудование для физики высоких энергий, которое выезжает из туннеля в никуда. Ладно, что еще?

— Примерно в трехстах метрах к северу от шоссе и туннеля находится нечто похожее на крытую молочную ферму. Мы полагаем, там производят козье молоко и йогурт. Проблема с этой историей в том, что нам не удалось обнаружить какие-либо отходы метана и не видно каких-либо приезжающих или уезжающих уборочных машин. Много автоцистерн, но никаких мусоровозов.

— Нет козьего дерьма, — сказал Фишер.

— Нет дерьма, — повторил Бен.

— Что-нибудь еще?

— Оставил лучшее на закуску. По всей местности — вокруг туннеля и усеянные вокруг козьей фермы растут одиночные кусты. Они естественны для этой местности, но немного отличаются цветом. Конечно же, ЦРУ произвело изучение грунта и орошения по всей стране, поэтому у нас есть отличное представление о том, что должно расти здесь и как хорошо. Эти кусты слишком здоровы. Каким-то образом они получают слишком много влаги.

Фишер поразмыслил какое-то время и ответил:

— Воздух. Замаскированные вентиляционные шахты. Воздух конденсируется и нагревается, когда выходит из-под земли.

— И я так считаю, — сказал Бен.

— Сколько?

— Мы видим четырнадцать. Загружаю на твой ОПСАТ. — сказала Гримсдоттир.

Фишер дождался изображений, затем взглянул на них и сказал:

— Патрули?

— Видимых нет, — сказала Гримсдоттир, — однако ночью все может измениться.

— Верная ставка. Ламб, как продвигается моя эксфил?

Не имея представления, куда заведет его задание в Северной Корее, они оставили эксфильтрацию неловко открытым вопросом. Ни одному оперативнику, не нравится отправляться на вражескую территорию без четкого плана эвакуации. В этом случае, однако, выбора не было.

— Предполагаю, что козья ферма — то, что мы ищем, и я думаю, "Дельта" наш лучший вариант.

Они обозначили возможные сценарии эксфильтрации в алфавитном порядке. "Дельта" был опасен, Фишер понимал это, но Ламберт был прав: он представлял не только лучшую возможность выбраться, но и сделать это быстро.

— В самом деле "Дельта". Кстати, каковы мои правила ведения боя?

— Можно применять оружие, — ответил Ламберт. — На всю катушку. Если тебе потребуется увеличить число трупов, чтобы проникнуть в объект, значит, так тому и быть.

— Насчет времени. Я отказываюсь. Я продолжу наслаждаться своим жилищем, а с наступлением ночи, посмотрим, сможем ли мы разгадать великую тайну козьей фермы.

42

ФИШЕР оставил убежище на очистительной станции в девять тридцать, спустя час после заката, и стал пробираться на север и на запад к шоссейному мосту. Дождь, казавшийся неминуемым, в течение дня так и не прошел, и теперь небо было чистым, за исключением высокого месяца.

Лабиринт разветвленных тропинок, вившихся по местности, не сильно патрулировался, только грузовиком и джипом; пешего патруля не было. Трижды Фишеру приходилось останавливаться, прятаться, и наблюдать за проезжающим джипом или грузовиком, свет фар в незримых руках играл по краям дороги и сквозь деревья. Иногда он слышал, как вдалеке перекрикивались солдаты.

Он начал осознавать, что, будучи осажденным в такой интенсивно охраняемой зоне, есть сокрытое преимущество. Сбоку от главного шоссе, был очень слабый гражданский трафик. Сэм не видел ни фермеров, ни рабочих, ни туристов, поэтому вероятность наткнуться на гражданского, который привлечет внимание властей, была незначительной. Гражданское население походило на Йоркширских терьеров, охраняющих задний двор: в основном безобидные, но при малейшем поводе сразу же бьют тревогу.

В четырехстах метрах от туннеля он добрался до поросшего кустами холмика. Лег на живот, подполз к гребню и осмотрел местность в режимах НВ/ИВ.

Напротив его холма, почти в сотне метрах, на участке мертвой земли, находился покатый земляной пригорок, который метров на четыреста перпендикулярно тянулся с востока на запад. По ее его стороны выходило двухполосное шоссе, о котором упоминали Бен и Гримсдоттир. Оно отлично освещалось по северокорейскому сельскому стандарту при помощи натриевых фонарей каждые несколько сотен метров, чередующиеся с каждой стороны дороги. Для достоверности, он снова проверил ОПСАТ. Это было то самое место. Хотя она и была ниже его поля зрения, за пригорком находилась молочная козья ферма.

Пригорок, который ему нужно было пересечь, чтобы добраться до фермы, был три с половиной метра высотой, основание поросло кустами можжевельника, а верх был увенчан тропинкой. На каждом конце, тропинка, казалось, изгибалась на север вдоль противоположного уклона.

Спустя пять минут с момента его наблюдения, на вершине дальнего восточного края пригорка появился солдат и направился вдоль тропинки. Спустя несколько секунд, еще один солдат появился с западной стороны и также направился по тропинке. Оба мужчины встретились посередине, остановились секунд на тридцать и прошли мимо друг друга. Фишер продолжал смотреть, рассчитывая время на протяжении следующего часа, и за свои усилия получил только

чувство разочарования. Помимо двух солдат, приходящих с каждого направления и разминающихся по центру, время всегда было разным. Дважды он наблюдал, как солдаты исчезали по противоположному склону, чтобы через тридцать секунд возвратиться для обхода вдоль пригорка.

Конечно же, цель случайного времени предназначалась для таких как Фишер: сбить с толку его или другого потенциального нарушителя.

Он кратко рассмотрел свой путь на север или юг, параллельно шоссе, но отбросил эту идею. Северное направление приведет его ближе к убежищу ТПСК, охраняемое более интенсивно. В южном направлении находятся зенитные полигоны и радиолокационные установки, что означает, больше движения. Нет, это был его лучший вариант.

Сначала Фишер должен узнать, что находится между пригорком и козьей фермой. Он вытащил SC-20 и переключился в режим "Всевидящее око". Из всех инструментов в его распоряжении, этот был одним из самых любимых. "Око" представляло собой микрокамеру, встроенную в крошечный парашют из вещества под названием аэрогель.

Состоящий из 90 процентного воздуха, аэрогель мог удерживать вес в четыре тысячи раз превышающий его собственный и поражал воображение: разложенный на плоскости кубический дюйм, что соответствует четырем пятицентовым монетам, положенным одна на другую, способен покрыть поле для американского футбола. "Всевидящее Око" размером с ладонь, и самораскрывающийся парашют из аэрогеля, несмотря на погодные условия, способен держать в воздухе камеру в течение девяноста секунд, давая Фишеру картинку высокого разрешения примерно двух с половиной квадратных километров с высоты птичьего полета.

Новейшее поколение "Ока" было оснащено механизмом самоуничтожения, а-ля "Миссия невыполнима".

Внутренняя часть камеры, покрытая магний-литиевой смесью, воспламенится при нажатии кнопки на экране ОПСАТа Фишера, превращая камеру и парашют из аэрогеля в обугленный, неузнаваемый кусок пластика.

Он воспользовался моментом, чтобы определить направление ветра, поднял SC-20 и нажал спусковой крючок. С тихим звуком, "Око" по дуге взлетело над пригорком в небо. Фишер нажал ОПСАТ, выводя экран "Ока". Перед ним было изображение с высоты четырех сотен метров над пригорком, направленное четко вниз. Ветер был незначительный, дрейфуя с юго-востока на северо-запад медленным прогулочным шагом.

Территория с северной стороны пригорка также была невыразительной: разбросанные деревья, приземистые кустарники и защитные артиллерийские укрытия, расположенные полукругом, каждое в форме полумесяца из сложенных мешков с песком. В пятидесяти метрах от них,

извивающаяся зигзагом дорога вела на север к козьей ферме, где резко сворачивала вправо и оканчивалась нечто похожим на стоянку.

Фишер переключился в режим НВ. В размытом серо-зеленом свете он сразу же различил двух охранников пригорка, оба шли у его основания навстречу друг другу. Севернее их, в сотне метров, еще два солдата курили на перекрытиях из мешков с песком. Больше никого видно не было. На экране ОПСАТа он пролистал меню опций до **ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ КАДРЫ>ИНТЕРВАЛ В ОДНУ СЕКУНДУ>НАЛОЖИТЬ НА КАРТУ**. Сэм нажал **ВЫПОЛНИТЬ**. Вверху над ним "Око" должно было сделать серию из десяти фотографий, передаваемые на ОПСАТ, и, в свою очередь, он мог сравнить ориентиры "Ока" с картой местности, выводя наложенные НВ/стандартные спутниковые изображения.

Он переключился в режим ИВ и повторил процесс, и хотел уже уничтожить камеру, как ее подхватил порыв ветра. Ушло несколько секунд, чтобы внутренний гироскоп камеры стабилизировал изображение, Фишер уловил цветной оттенок. Он развернул "Око" и снова увидел его.

"Привет, дружок... "

Человекоподобная фигура вырисовывалась красными, синими, и зелеными цветами ИВ видения лежала в кустах на животе к северу от артиллерийских позиций, рядом с зигзагообразной дорогой.

"Наблюдательный пост, подумал он, вероятно, снайпер оснащен НВ и радиосвязью с командной станцией. Все, что произойдет на той дороге или пригорке, мгновенно попадет в его перекрестье. Проклятье. Сложная ситуация".

Затем он все обдумал.

"Возможно, все куда проще".

Сэм надавил кнопку самоуничтожения "Ока".

Уже выбрав позицию, он ждал, пока охранники исчезнут по своим северным склонам, затем поднялся и побежал к краю пригорка, где растянулся за кустами можжевельника. Сэм раздвинул ветви, протискиваясь внутрь, и пополз вверх, пока его голова не оказалась в полутора метрах от вершины. Он ждал. Прошло две минуты. Четыре. На пятой минуте, охранники появились на тропинке. Со своего наблюдательного пункта, Фишер видел лишь

головы, когда они проходили мимо друг друга, обменивались несколькими словами, и продолжали свой путь.

Он выждал пока они отойдут на пятьдесят метров и в последний раз проверил ОПСАТ. При помощи стилоса и теплового наложения "Ока", Фишер выбрал свою позицию на карте, затем позицию снайпера. Снабженная комментарием, желтая диагональная линия соединила две точки:

РАССТОЯНИЕ ДО ЦЕЛИ: 180 МЕТРОВ
ПОДЪЕМ/СПУСК: -9 МЕТРОВ

Фишер сделал поправку на ветер. Один метр в секунду, по диагонали слева направо. Он отрегулировал прицел SC-20, полез вверх по склону, пока не поравнялся с вершиной, затем начал очень медленно продвигаться вперед, останавливаясь каждые полметра, и фокусируясь на снайперской позиции. Сэм был на середине пригорка, когда в прицеле НВ показался снайпер. Он лежал на животе в кустах перпендикулярно Фишеру, прильнув щекой к прикладу. Его внимание было направлено на зигзагообразную дорогу.

Фишер приблизил зум, пока голова, плечи и верхняя часть тела не заполнили обзор в прицеле. Он установил перекрестье в точку, чуть ниже подмышки (выстрел в сердце), глубоко вздохнул, сделал паузу и выдохнул. Сэм нажал спусковой крючок. SC-20 издала приглушенный кашляющий звук. В двухстах метрах, стрелок замер, голова упала на винтовку. Фишер отполз по тропинке и спустился по склону, выждал еще семь минут, когда пройдут охранники. Он выполз на тропинку, передвигаясь очень медленно, пока четко не увидел через прицел обоих солдат, сидящих перекрытии из мешков с песком. Сэм определил направление, тот не изменился, и прицелился на парочку. Они сидели рядом, в полуметре друг от друга. Мешки были уложены на высоту грудной клетки, ногами болтая в воздухе. Фишер увидел, что один из них засмеялся, откинув голову назад, в НВ сверкнули белые зубы.

"Сожалею, парни".

Фишер установил перекрестье на центр грудной клетки смеющегося парня и нажал курок. В момент, когда тот падал назад в перекрытие, а его приятель с удивленным выражением протянул к нему руки, Фишер выстрелил снова. Второй парень опрокинулся за мешки с песком. Фишер быстро отполз назад.

43

ФИШЕР лежал на животе совершенно неподвижно, устремив глаза на сапог в полуметре от своего лица. Из всех мест, которые солдат мог справить нужду, он выбрал именно это. На миг Фишер прикрыл глаза, сосредотачиваясь. Медленно, сердцебиение вернулось к нормальному ритму. Солдат расстегнул штаны. Фишер услышал, как жидкость застучала по листьям рядом с его ногой. После мучительно долгих тридцати секунд, охранник застегнулся, поднял, прислоненную к дереву винтовку, развернулся и ушел прочь.

После того, как Сэм прикончил двух солдат на вершине укрепления, было относительно не сложно проскользнуть между охранниками пригорка: он сполз по противоположному склону и побежал к укреплению. Оттуда он пробрался через ряд деревьев у зигзагообразной дороги к краю парковочной стоянки у козьей фермы, где он расположился для наблюдения.

Оба его варианта по достижению входа в комплекс под козьей фермой имели плюсы и минусы. Замаскированные под кусты воздушные вентиляции, привлекали внимание Фишера, их много и легко добраться, но невозможно сказать, куда они его выведут, поэтому он выбрал ферму. Если она была тем, чем казалась, то должен быть служебный вход. Ясное дело, что где-то в туннеле должен быть вход, однако Фишер понимал, что ему не обойти КПП. Оставалась только ферма.

Где-то между скоплением крытых загонов и разнообразных комнат он найдет искомое.

Охранник, недавно помочившийся на него, появился у служебной постройки, которая больше напоминала строительный трейлер, чем сооружение. Справа от трейлера находился козий загон, огороженный зигзагообразной изгородью.

Охранник поднялся по деревянным ступеням трейлера и вошел внутрь. Через окно Фишер увидел свет и услышал голоса на корейском.

"Двое, возможно, трое людей", — предположил он.

Быстрый осмотр оптоволоконной камерой через окно трейлера показал двух мужчин, которые сидели за складным столиком и играли в карты. У каждого был пистолет и прислоненные к стене неподалеку винтовки. На полу в углу комнаты стояла бронзовая настольная лампа для чтения. У стены напротив, прямо под окном, была столешница и раковина.

Фишер вытащил SC-20 из кобуры и щелкнул переключателем на "Ватный шарик".

Еще один любимый инструмент, внешне "Ватный шарик" SC-20 состоял из двух частей: пластикового цилиндра (поддон подкалиберного патрона), длиной около пяти сантиметров и диаметром в два с половиной, и шипастого мягкого резинового шарика размером с марбл. При

выстреле, поддон разлетается, оставляя лишь "Ватный Шарик", и при попадании в твердый объект разбивается внутренняя оболочка с аэрозольным транквилизатором. Эффективный радиус "Ватного шарика" составляет один метр; все живое внутри облака потеряет сознание менее чем через четыре секунды и останется в бессознательном состоянии в течение двадцати-тридцати минут.

Фишер прокрался по ступенькам, левой рукой повернул ручку, и вошел в дверь с SC-20 у плеча. Он захлопнул ногой дверь. В унисон оба мужчины развернулись на стульях. Дальний от Фишера приподнялся.

— Сидеть, — рявкнул Фишер по-корейски.

Мужчина замешкался.

Фишер качнул головой и махнул SC-20.

Мужчина сел.

— Поднимите руки, если говорите по-английски, — спросил Фишер на английском.

Оба подняли руки. Одному из них, младшему сержанту, судя по нашивке на рукаве, было за сорок; второму не более двадцати. Фишер изучал их какое-то время и решил, что ему не по душе вспышка гнева в глазах юнца.

Он выстрелил "Ватным шариком" тому в грудь. Послышался глухой звук. Парень пошатнулся, глаза закатились и он рухнул.

Фишер направил SC-20 на сержанта, который уже поднял руки.

— Пожалуйста ... не стреляйте, — неуклюже сказал он на английском.

— У тебя есть семья, не так ли? — спросил Фишер.

— Да. Семья.

— И тебе скоро в отставку.

— Да. Э-э ... шесть ... э-э ...

— Месяцев.

— Да.

— Сотрудничаешь и будешь жить, чтобы увидеть семью и отставку. В противном случае умрешь в этом трейлере. Тебе понятно?

Выпученные глаза сержанта сказали Фишеру, что он все прекрасно понял.

— Да, да, пожалуйста ...

Фишер прошел вперед и опустился на колено перед раковиной. Открыл дверцы шкафчика, глянул внутрь, затем поднялся и бросил сержанту пластиковые наручники.

— Видишь кронштейн трубы?

Сержант наклонился и посмотрел.

— Да.

— Привяжи парня к нему. Не к трубе, а к кронштейну.

Пока сержант тянул парня к раковине, Фишер подошел к лампе на полу и выключил ее. Он включил фонарик под дулом SC-20, затем проверил работу сержанта и счел ее удовлетворительной.

— Выверни содержимое карманов на стол.

Сержант так и поступил. Фишер перебрал содержимое. Сэм не нашел ключей, однако на обратной стороне удостоверения личности, обнаружил магнитную точку размером с полкопейки. Фишер сунул ее в карман. Он жестом указал сержанту сесть.

— Как тебя зовут?

— Ким. Я — Ким.

— Ким, под этой фермой находится комплекс. Как мне попасть туда?

Ким не решался. Его глаза метались по сторонам.

Фишер переключил селектор SC-20 на ОДИНОЧНЫЕ и стрельнул в стену рядом с головой. Ким почти упал боком со стула.

— Следующая пуля попадет между глаз, — сказал Фишер, постукивая указательным пальцем себе в лоб, затем указывая на Кима. — Ясно?

— Да.

— Где вход?

Ким неясно указал.

— Там.

— Отведи меня.

ОКАЗАВШИСЬ на улице, Ким не свернул к служебным пристройкам, а направился прямиком в козий загон, повернул налево, и остановился перед кладовой, встроенной в стену. Дверца была покрыта шелухой от белой краски, одна щеколда непрочно висела на ржавом шурупе.

После толчка Фишера, Ким открыл дверь камеры. Он протянул руку и смахнул сено с пола, выявляя скрытую ручку в виде кольца. Он потянул за нее. Весь пол камеры поднялся на петлях и зафиксировался в открытом положении. Деревянные ступени спадали в темноту.

Ким качнул головой и указал.

— Вот. Да?

Фишер кивнул, затем махнул SC-20.

— Возвращаемся в трейлер. Пора вздремнуть.

Обеспечив Кима дозой "Ватного шарика" и привязав его к напарнику, Сэм запер трейлер изнутри и вернулся к скрытой лестнице.

Внизу он обнаружил длинный, темный коридор из белой линолеумной плитки на полу и белых стен из шлакоблока. Держа SC-20 наготове, он шел вдоль коридора. Сэм миновал восемь

комнат, пять с одной стороны и три с другой. Во всех было пусто и темно. Ни капельки мебели, ни следов от пыли на полу.

Он подошел к развилке. Налево и направо снова белые стены, белые двери и пустые комнаты. В конце правого коридора он нашел грузовой лифт, ворота открыты настежь. Справа от него, последняя дверь была открыта. Внутри, Фишер обнаружил промышленного размера уничтожитель бумаги, подключенный к сетевой розетке, и лежащую рядом, пустую урну. Он вернулся в коридор. Дверь противоположной стены подпирал белый плакат с красными буквами корейского алфавита. Фишер открыл дверь. У противоположной стороны была лестничная клетка. Сэм спустился на два пролета до площадки и другой двери. За ней находился небольшой коридор, оканчивающийся еще одной дверью. Несмотря на то, что она как и остальные была не заперта, на двери висел засов и подвесной замок, и оба не замкнуты.

Он открыл дверь.

Комната, два с половиной на два с половиной метра, содержала узкую кровать на колесиках, матрац в два сантиметра, рваное шерстяное одеяло из шерсти, прикрученные к стене раковину и туалет, а также стул с жесткой спинкой в углу.

"Камера", — подумал Фишер.

Так как искать было негде, Фишер с помощью "Сайкса" разделил матрац и выбросил пеноматериал на пол. Среди пуха он обнаружил тонкую резиновую вставку из обуви. На тыльной стороне, вдавленное в пену, как полагал Фишер, ногтем было сообщение:

ЕСЛИ ВЫ НАЙДЕТ ЭТО И ВАМ НЕ ВСЕ РАВНО МЕНЯ ЗОВУТ КАРМЕН ХЕЙС
АМЕРИКАНКА
МОИ РОДИТЕЛИ ПРАЙС И ЛОРЕТТА
ХЬЮСТОН ТЕХАС
ПЕРЕДАЙТЕ ИМ Я ЛЮБЛЮ ИХ
РАССКАЖИТЕ ЧТО СО МНОЙ ПРОИЗОШЛО
... КХ

44

АВИАБАЗА МАСАВА, ЯПОНИЯ

НА экране, Ламберт сидел один за столом конференц-комнаты. Гримсдоттир и Реддинг сидели за столом по периметру комнаты, практически в тенях. Экран Фишера, девятнадцати дюймовый компьютерный монитор, стоял на столе перед ним. Предоставленная комната была одним из танков базы, изолированное, звуконепроницаемое место в рубке командующего. Танки постоянно проверялись и промывались на наличие прослушек.

Какое-то время Ламберт переваривал информацию, предоставленную Фишером, затем кивнул.

— Бедная девочка, — сказал он. — Значит, там ничего не было? Вычистили полностью?

— Несколько мусорных ведер, — сказал Фишер. — И ее сообщение. Ничего больше.

"Как давно это произошло? — Подумал Фишер. — Казалось, намного дольше, чем было на самом деле".

Спустя четыре часа после выхода из северокорейского воздушного пространства, Фишер приземлился в Мисаве на принадлежащем АНБ реактивном самолете "Гольфстрим".

Обыскав остальную часть комплекса под фермой, и найдя ее пустой, Фишер выбрался тем же путем, остановился, чтобы кратко проинструктировать Ламберта, а затем направился на север, глубже в сельскую местность и прочь от главных дорог. Перед самым рассветом он обнаружил еще одно убежище — выступающий камень, обросший кустарником; и провел там весь день. С наступлением сумерек Сэм выдвинулся в путь, следуя по карте ОПСАТа, пока не наткнулся на группу железнодорожных путей, идущих с севера на юг.

Через два часа после того, как он разместился у насыпи пути, поезд с углем, который Гримсдоттир сказала ему ожидать, пыхтя, выехал из-за поворота и прошел мимо. Сэм запрыгнул на него, вырыл себе укрытие в одном из вагонов с углем и засыпал себя.

Маршрут поезда извивался на север и восток через сельскую местность девятнадцать километров и в пяти километрах до Пхеньяна Фишер спрыгнул и направился на северо-восток по поросшим вечнозеленой растительностью склонам к югу от города, пока не достиг грунтовой дороги, Сэм пошел вдоль нее на юг до развилки. Он проверил координаты, чтобы убедиться, что он на месте, затем в ожидании присел на корточки.

Спустя час, в три часа ночи, автомобиль ехал по дороге и остановился у развилки. Машина была ранней маркой "Рено".

Фишер сфокусировался на номерном знаке; номер совпадал. Водитель, женщина с ярко-светлыми волосами, вышла из машины и со щелчком открыла капот. Фишер поднялся и пошел в сторону дороги.

Какое-то мгновение женщина просто смотрела на него, а затем кратко кивнула. Она закрыла капот, обошла багажник, где к ней присоединился Фишер. В багажнике находилась черная вещевая сумка. Внутри он обнаружил старые черные туфли, мятые вельветовые брюки коричневого цвета, белую футболку, и синий пиджак из полиэстра.

Пока женщина наблюдала за дорогой, Фишер разделся до нижнего белья и носков, сложил тактический костюм и все снаряжение в вещевой мешок, затем переоделся. Женщина окинула его взглядом, снова кивнула и жестом пригласила сесть в машину.

Она села на место водителя и повернула зажигание.

— Правила, — сказала она.

— Хорошо.

— Если я говорю вам "убирайтесь из машины", вы незамедлительно исполняете безо всяких вопросов. Вам ясно?

— Да.

— Я вернусь в это же место и время завтра ночью.

Фишер кивнул.

Она кивнула в ответ.

— Отлично.

Они ехали в тишине пятнадцать минут, пока не достигли однополосного моста, пересекающего озеро. Она ткнула плечом.

— Здесь.

— Глубоко? — спросил Фишер.

— Пятьдесят, шестьдесят метров. Илистое дно.

Фишер выбрался из машины, открыл багажник, поднес сумку к перилам и бросил за борт.

ДВА часа спустя, вернувшись в Пхеньян, женщина свернула на обочину.

— В двух кварталах на восток есть парк. Сядьте на скамейку напротив фонтана. Через двадцать пять минут кто-нибудь подойдет за вами. Его имя Александру.

— Спасибо, — сказал Фишер и вылез из машины.

Машина удалилась. "Рено" исчез за углом.

РОВНО двадцать пять минут спустя, через кованые ворота парка вошла фигура, сделала круг вокруг фонтана и подошла к Фишеру.

— Я — Александру.

— А я рад вас видеть.

Александру было за шестьдесят, рост полтора метра, лысиной, за исключением полосы седых волос от уха до уха и на лбу. Он улыбнулся.

— Не хотите ли сейчас же отправиться домой?

Вся затея казалась нереальной, и Фишер, настолько привыкший тайком проникать и выбираться из запрещенных территорий, был поражен, насколько это было легко. По причинам, которые, вероятно, он никогда не узнает, Румынское разведывательное управление или иностранная разведка — один из союзников США в Ираке, была в уникальном положении по-прежнему располагать не только посольством в Северной Корее, но и действующим разведывательным аппаратом. План "Дельта" состоял в просьбе союзника оказать услугу без-всяких-вопросов.

Четырьмя часами позже Александру сопровождал его через служебный вход румынского посольства, Фишер, вооруженный румынским дипломатическим паспортом и сопровождаемый заместителем начальника SIE на месте, поднялись на борт реактивного самолета компании "Таром" и взлетели.

Рядом с подлокотником Ламберта засветилась желтая лампочка.

— Время, — сказал он.

Изображение Фишера исчезло, а затем снова появилось, на этот раз показывая по всей длине конференц-стол ситуационной комнаты Белого дома, в дальнем конце под американским флагом сидел президент. Слева и справа были председатели Объединенного комитета начальников штабов в Пентагоне, и ДЦР из штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. Там не было обмена приветствиями, улыбок или светской беседы. Фишер знал, что начальников мог видеть только Ламберт.

— Полковник, я так понимаю, что мы нанесли удар в Северной Корее, — сказал президент.

— Боюсь, что так, господин президент. Наш человек нашел комплекс, но его недавно эвакуировали ... Мы полагаем, вместе с мисс Хейс.

— Из этого следует одно, мистер президент, — сказал ДЦР на экране. — Мы понятия не имеем, куда отправилась эта женщина Хейс или где Манас, согласно УВР и Геологической службе США, уйдут недели, возможно месяцы, чтобы составить план подземных гидрологических пластов в Кыргызстане.

— Что насчет нейтрализатора?

— Доктор Руссо из ХВМНЖ в Ливерморской лаборатории работает над этим, но изменения, которые приходится проводить ей и ее команде, лишь укрепляют клеточное строение грибка и декомпилировать нейтрализатор ... Достаточно сказать, что мы не можем ждать из этого спасение.

— Итак, — президент обратился председателям Объединенного комитета начальников штабов, — это возвращает нас к вам, адмирал.

— "ДВЕРНОЙ УПОР" готов, мистер президент. Через шесть часов после вашего слова, наши войска пересекут границу Кыргызстана. Спустя два часа рейнджеры и восемьдесят вторая воздушно-десантная дивизия будут в Бишкеке. Не могу сказать, сможет ли что-нибудь выбраться из столицы до высадки, но после, ничто не пройдет мимо нашего внимания.

Президент вздохнул, десять секунд смотрел на свои сложенные руки, затем поднял взгляд.

— Действуйте, адмирал. Запускайте "ДВЕРНОЙ УПОР".

ПОСЛЕ окончания совещания, Фишер оставался на линии для обсуждения с Ламбертом, Гримсдоттир и Реддингом. Несколько минут спустя зазвонил мобильный телефон Гримсдоттир. Она ответила, слушала несколько секунд, а затем сказала:

— Как давно ... без сомнений? Ладно ... ладно. Спасибо, Бен, с меня причитается.

Она разъединилась.

— Парень из УВР? — спросил Ламберт.

Она кивнула.— Я рискнула. И риск только что оправдался. Сэм, после того, как ты обнаружил козью ферму покинутой, я догадалась, что они перевезли Кармен в тот момент, когда появились те полуприцепы. Вероятно, они вычистили целое место одним махом.

— Согласен, — сказал Фишер.

— Итак, полагая, что Кармен не была в тот момент в Кыргызстане, я догадалась, что она была на пути туда, и я начала перебирать варианты. Омурбай не городская личность. Всю жизнь он жил и сражался в сельской местности, просто каким-то образом не вяжется, что он спрячет ее в Бишкеке. Поэтому остается вопрос: где?

— В прошлом, когда он захватил страну, он открыл тюрьму в горах Тянь-Шань, примерно в трехстах двадцати километрах к востоку от Бишкека, и стал сваливать туда всех своих инсинуаторов. Когда его изгнали, тюрьму закрыли. — Сказал Реддинг. — Но сейчас она снова функционирует ...

— Точно.

— Национальное управление военно-космической разведки назначило Кыргызстану четыре спутника, так что у меня был Бен, который следил за тюрьмой. Шесть часов спустя, туда прибыл взвод солдат. Похоже, что они снова развернули лавочку.

— Готовятся к очень важному заключенному? — спросил Фишер.

Гримсдоттир улыбнулась и пожала плечами.

Фишер обратился к Ламберту:

— Полковник ...

— Рисковая ставка, — сказал Ламберт.

— Лучше, чем ничего, — сказал Фишер. — Все лучше, чем сиднем сидеть.

— Верно. Хорошо, сиди тихо. Дай нам двадцать минут, достать средство передвижения и мы свяжемся с тобой.

45

ВОЗДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО НАД СЕВЕРНЫМ КЫРГЫЗСТАНОМ

СНОВА Фишер почувствовал "икание" двигателей, затем все стихло, и снова с грохотом они завелись. Пролетая на высоте семи километров, самолет приближался к своему максимальному потолку, и шестидесяти летним двигателям, несмотря на хороший уход, не хватало кислорода. Интерьер самолета походил на музей с брезентовыми сиденьями, многие из которых прогнили, и неприкрытой алюминиевой палубой, которой не доставало доброй четверти своих заклепок, замененных слоями торчащих уголков и потрепанных краев клейкой ленты.

Фишер выглянул в иллюминатор, но ничего не увидел через толстое матовое стекло. Он проверил ОПСАТ; на экране была карта северо-восточного Кыргызстана, на большей части которого преобладал горный хребет Тянь-Шань.

Тянь-Шань, являющийся частью того же гималайского орогенного пояса, что Эверест и К-2, охватывал огромную полосу земли, от пустыни Такла-Макан в приграничном районе Казахстана, Кыргызстана и Синьцзян-Уйгурского региона западного Китая, простирается на юг к горам Памира, и до Синьцзяна, северного Пакистана и горной системы Афганистана — Гиндукуш.

Верная своему слову, Гримсдоттир перезвонила ему через двадцать минут с приказом о выступлении. Фишер собрал снаряжение, зацепил у командующего базы водителя, который отвез его к площадке перед ангаром.

Мисава была пристанищем Тридцать пятого истребительного авиаполка, который летал двумя эскадрильями серии "Блок-50" модели F-16CJ и F-16DJ "Файтинг Фалкон", стоявший полностью подготовленный, в ожидании, когда Фишер выйдет из машины. Двумя минутами позже он был одет и укомплектован на заднем сиденье "Фалкона".

Расстояние от Мисавы до Пешавара (Пакистан, окраина Китая) было чуть менее 10,000 километров, но с конформными топливными баками и скоростью дважды превышающую обычную, пришлось заправляться только один раз в воздухе от КС-135 "Стратотанкер" над Тихим океаном.

Спустя шесть часов после взлета, Фишер приземлился на авиабазе Пешавара, где встретился с командующим базы по персоналу, майором, который отвел его в ангар. Внутри находился транспортный самолет Дуглас DC-3 "Дакота". Списанные из боевого состава авиабазы США в 50-х, первые "Дакоты" были изготовлены в 1935. Откуда появился этот антиквариат, Фишер понятия не имел, и в лучшем случае он смотрел на шестидесятилетний самолет. Он выглядел в

хорошем состоянии, но Сэму не хотелось подходить ближе, чтобы заметить что-нибудь неладное.

— Это он, а? — спросил Фишер.

— Да, сэр, прошу прощения, но наши войска ... в противном случае задействованы.

Фишер понимал. Талибы, которые сражались и укрывались на пересеченной горной местности Афганистана, использовали неразбериху в Кыргызстане, чтобы поднять новые наступления на Кабул, а также трансграничные рейды на северо-западную пакистанскую границу. Подобно американским военным, Пакистан пожалел из-за напряженности в Кыргызстане.

— Он доставит вас в зону сброса, — с улыбкой сказал майор. — Наши спецвойска часто используют его на тренировках. Несмотря на внешний вид, она хорошо оборудована. И я вас уверяю, дверь идеально подходит для прыжков.

Хотя медленно и неуклюже, "Дакота" верно вылетела с ним из воздушного пространства Пакистана, над Таджикистаном, а затем сюда — к южному краю горного хребта Тянь-Шань.

В гарнитуре Фишера раздался голос:

— Сэр, приближаемся к месту.

— Выдвигаюсь.

Фишер отстегнулся и, пригнувшись, пошел к входу в кабину, где опустился на колено между местами пилота и второго пилота. Оба мужчины были офицерами запаса ВВС Пакистана, призванных выполнить свой долг специально для этой миссии.

Второй пилот ткнул пальцем в боковое окно, ободранное от матового покрытия.

— Там, — крикнул он через шум двигателей.

Фишер поднялся и перегнулся через плечо человека. В шести километрах ниже и левее он увидел темно-синий, округлой формы прямоугольник Иссык-Куль, озеро, проходящее через Тянь-Шань примерно на сто девяносто километров с северо-востока на юго-запад. Расположенное на высоте полтора километра, Иссык-Куль одно из самых глубоководных горных озер в мире, примерно от полутора километра до восьмисот метров.

Его место назначение, тайная горная тюрьма Омурбая, находилось в двух километрах от северо-восточного берега озера.

— Можно устроить облет? — спросил Фишер.

— Нет проблем.

СЕМЬ минут спустя, "Дакота" снизилась до двух с половиной километров по широкой спирали, выровняв нос самолета с северной береговой линией, усеянной высокогорной луговой травой вперемешку с выступающими скалами и вечнозелеными деревьями. На внутренней территории, примерно в восьмистах метрах от берега, находился полутора километровый откос, обозначающий начало северных возвышенностей Тянь-Шань. День клонился к вечеру, и солнце

уже скрывалось за некоторыми высокими вершинами, оставляя долины и береговую линию окутанные в туман.
— Два километра, — крикнул пилот.
Фишер поднес бинокль.

"Где же ты ...?"

Внезапно они пронеслись над поросшего деревьями хребта, и внизу Фишер заметил промелькнувшее искусственное сооружение на поляне: темная скала, квадратные формы.
На приборной панели самолета загорелась красная лампочка, сопровождаемая звуковым сигналом. Лампочка была помечена как "ЭЛЕКТРОМАГНИТНАЯ ТРЕВОГА".

"Управление огнем", — подумал Фишер.

— Что, что ... — закричал пилот, поворачивая голову и высматривая, когда наклонился вперед к боковому окну.
Пиканье превратилось в непрерывный вой.
— Зафиксировались! — заорал пилот. — Радар системы управления огнем.
— Там, — крикнул Фишер, указывая через правое окно.
Далеко внизу, где-то в деревьях показался грибовидный свет, а затем потоковый инверсионный след и возрастающий от земли столб дыма, извивающийся в их сторону. В лучах заходящего солнца Фишер увидел отблеск стали.

"Конус ракеты, — подумал он, — слишком поздно".

— Держитесь! — крикнул пилот и рванул штурвал вправо. Фишер упал на колени и обеими руками вцепился в кронштейн сиденья второго пилота, когда "Дакота" накренилась на бок, пикируя в направлении земли.
Это был смелый шаг со стороны пилота, и его единственный шанс, но Фишер, как и пилот, понимал, что этого не достаточно. Осознавая, что у "Дакоты" нет шансов обогнать ракету, пилот принял решение повернуть самолет, надеясь выбраться из поворотного радиуса ракеты. Если бы высота была поменьше, это могло сработать, однако ракета, уже зафиксировавшись на "Дакоте" (либо это была надежная связь радара, либо тепловой след), имела достаточно пространства для маневра. Если не догонит добычу при первом заходе, догонит во втором.

Фишер мысленно переключился. Если они упадут на берег, кто бы ни стрелял в них, прибудет быстро. Если бы удалось совершить аварийную посадку или убраться дальше в горы ...

— Доберетесь до откоса? — крикнул Фишер.

— Что? Зачем ...

— Они последуют за нами.

Пилот, лицо которого сжалось от напряжения, а на шее выпучились сухожилия, кивнул.

— Понятно. Я постараюсь!

Ракета блеснула через ветровое стекло подобно комете, и пилот снова повернул штурвал, на этот раз влево, одновременно со вторым пилотом оттягивая назад и набирая высоту. В восьмистах метрах Фишер увидел гранитную стену откоса, маячившую перед ними. Справа была узкая долина, огражденная заснеженными пиками.

— Вижу! — крикнул пилот, направляя самолет в проход.

Мысленно, Фишер представлял ракету, компьютерный чип которой, уже зафиксировал промах, производя разворот вокруг, и выравниваясь с хвостом "Дакоты".

"Десять секунд, — подумал он. — Не больше. Восемь ... семь ... шесть ... пять ... "

Неосознанно он глянул через плечо.

Хвост "Дакоты" расщеплялся вспышкой света.

46

ФИШЕР остановился, сошел с тропинки и присел на корточки за валуном. Он бежал без остановки сорок минут, однако преодолел всего два километра. Сэм по-прежнему находился высоко на склоне горы, выше линии деревьев, и в шестистах метрах над местом назначения. Он проверил часы: чуть больше часу ночи. Он взглянул вверх, и закружилась голова. Небо было ясным и на этой высоте число обозримых звезд поражало, как будто бы гигантская космическая рука раскидала по черному пространству бриллиантовые хлопья.

На низких высотах горы Тянь-Шань походили на покатого типа высокогорные холмы и долины, покрытые пышным покрывалом зелени с разнообразными полевыми цветами, но здесь наверху, посреди зазубренных гранитных вершин, возвышающихся шпилей и крутых скал, местность Тянь-Шань была самой жестокой, которая встречалась Фишеру. С другой стороны, просто добраться туда было трудноосуществимым и сложным приказом самому себе.

Ракета врезалась в фюзеляж "Дакоты", чуть пониже и позади левого двигателя, срезая крыло и большую часть хвостового отсека. Самолет сразу же опрокинулся, а пилот и помощник старались выровнять уровень, но это было безнадежным делом. Пока "Дакота", дымясь и разваливаясь, летела через откос в долину ниже, пилот приказал Фишеру и помощнику выбираться, а затем через какое-то время последовал за ними, когда "Дакота" капотировала и неслась на гранитный, покрытый льдом шпиль одной из вершин.

Парашют Фишера, парафойл, раскрылся через секунду поле прыжка из самолета, однако пилот и второй пилот, оснащенные устаревшей американской серией круглых парашютов MC1-1C, падали камнем, и не раскрылись вовремя. Планируя над ними, Фишер в ужасе наблюдал, как они неслись вниз и падали, их парашюты лишь частично раскрылись, на шпиль тридцатью метрами ниже места столкновения "Дакоты".

Приземлись, Фишер недолго думал, чтобы отправиться на их поиск, но неохотно отбросил мысль; ни один человек не смог бы выжить после столкновения, не говоря уже о падении по склону горы. Он собрал парафойл, закопал его, мысленно поблагодарил пилотов, и бегом, насколько позволяла местность, отправился в восточном направлении, стараясь увеличить расстояние между собой и самолетом. Тем не менее, кто бы ни сбил "Дакоту", вряд ли направит поисковую группу, но Фишер не хотел рисковать.

Спустя два часа, преодолев шестьсот метров с места аварии, он остановился и осмотрел долину ниже. Он не спешил, высматривая малейшие признаки погони. Сэм ничего не заметил, и он снова отправился в путь, виляя на юг и запад, назад к тюрьме Омурбая.

СЕЙЧАС, в четырех часах пути от места крушения, он вытащил бинокль и осмотрел тропу впереди, которая извивалась вниз по усеянному валунами склону горы до неглубокой лощины, идущей три километра на восток и оканчивающейся у шестидесяти метрового вертикального откоса, который возвышался над горной тюрьмой Омурбая. Насколько Гримсдоттир могла сказать, у тюрьмы не было названия, она располагалась у подножия откоса в четырехстах метрах от озера.

В ухе прозвучал голос.

— Сэм, ты здесь?

— Здесь.

— Отличная слышимость.

— Я в двух с половиной километрах над уровнем моря. Это способствует.

— У меня для тебя некоторая информация. У тюрьмы Омурбая длинная история. На самом деле это укрепленный форпост, который он реконструировал. В 1876 году, когда русские вторглись в Кыргызстан и покорили Кокандское ханство, они понимали, что настанут жесткие времена с многочисленными кланами и военачальниками, поэтому они соорудили такие форпосты по всей стране и гарнизонные войска подавляли восстания и общественные беспорядки.

Фишер видел это. По снимкам со спутника, комплекс походил скорее на кавалерийский форт Дикого запада, чем на тюрьму, с высокими каменными стенами и строениями из грубого кирпича-сырца с соломой. Тем не менее, большинство крыш выглядели новыми, и были сделаны из шифера. Короткие деревянные мостики соединяли все крыши зданий с боевой площадкой, выстроенной вдоль внутренней части каменных стен форта.

Фишер предположил, что во время сражения русские солдаты пролазили через незаметные люки в каждой крыше здания, затем пересекали мостик и занимали оборонительные позиции вдоль стены.

— Вряд ли тебе случайно встретились чертежи места времен Российской Империи, не так ли? — спросил Фишер.

— Некоторым образом, встретились, — ответила Гримсдоттир. — Обнаружены профессором в Праге, которые писал книгу о времени пребывания России в Кыргызстане. Он говорил, что большинство фортов были построены в три уровня: наземный, с похожими на бункер сооружениями, и два подземных уровня, второй — жилые помещения и склады, а нижний — конюшни. В своей книге, он рассказывает о ...

— Ты ее читала? — изумленно спросил Фишер.

— Использовала поиск. Она в электронном формате на веб-сайте университета. Он говорил, что русские любили тактическую уловку, которую применяли на коренных жителях при осаде форта: фланговые атаки кавалерией из потайного прохода ...

— Потайной проход, — сказал Фишер. — Моя любимая фраза.

— Насколько мне известно. В любом случае, если этот форт похож на другие, построенные здесь русскими, туннель будет вести от подземной конюшни и подниматься вверх на тридцать метров — вероятно, сокрыт растущими рядом деревьями. Проход не будет очень большим. Достаточно высокий и широкий для лошади с наездником.

— Я поищу. Хотя, через сто тридцать лет, я не слишком на это рассчитываю.

— Поискать стоит. Хорошо, передаю слово полковнику.

На линии появился Ламберт.

— Сэм, "ДВЕРНОЙ УПОР" идет полным ходом. В данный момент "Апачи" должны атаковать Бишкек.

— Нет ли, случаем, какого-нибудь любопытного бездельника, чтобы послать за мной?

— Прости, нет. Мы и без этого разрываемся. Объединенный комитет уверен, что мы сможем взять Бишкек, но удерживать его длительное время — это другое.

— Понятно, — сказал Фишер. — Я отключаюсь на два часа. Я выйду на связь, когда ... если мы найдем нашу девушку.

— Удачи, — сказал Ламберт.

ДЕВЯНОСТА минут спустя, Фишер бежал, затем перешел на быстрый шаг и остановился, его ботинки хрустели и скользили по щебню. В нескольких сотнях метров впереди находился край скалы. Сэм не спешил, двигаясь от валуна к валуну, пока не оказался менее чем в пятидесяти метрах от края. Он присел на корточки и сделал осмотр в режимах НВ/ИВ. Никто не двигался, и никого не было видно, лишь холодный синий фон камней вперемешку с бледно-желтой, все еще теплой листвой. Он пошел дальше, в метре от края лег на живот и пополз вперед.

Шестьюдесятью метрами ниже, и всего в девяти метрах от откоса располагалась тюрьма Омурбая. Она находилась в неглубокой лощине над озером, окруженная с востока и запада сосновыми лесами. Как и на изображении со спутника, комплекс имел квадратную форму, кирпичные здания располагались по периметру стены, и единственная пятнадцати метровая сторожевая башня возвышалась по центру. Два грузовика оливкового цвета были припаркованы внутри тюрьмы, один рядом со сторожевой башней, другой подпирал одно из зданий.

Третий транспорт, похожий на танк и припаркованный рядом с первым, отвечал на вопрос, над которым размышлял Фишер: что же сбило "Дакоту"?

Это был зенитно-ракетный комплекс SA-13 "Гофер". Оснащенный ракетами "Стрела-10" с системой теплового наведения и дальностью десять километров. У "Дакоты" не было шансов.

За комплексом, в двух километрах к югу, он увидел побережье Иссык-Куль, его поверхность была стеклянно-гладкой и черной, идеальное зеркало для усыпанного звездами неба. Узкая тропинка шла параллельно озеру, пропадая на востоке и западе. Фишер следил за ней, пока не

увидел желаемое: развилку дороги, вьющуюся по склону и оканчивающуюся у фронтальных ворот форта.

Фишер переключил очки в режим ИВ, осмотрел подножие форта, затем приблизил изображение сторожевой башни, пока та не заполнила обзор.

"Вот ты где... "

Сторожевая башня походила на квадратный шест, окруженный деревянными перилами и увенчанный скатной крышей. Фишер смог различить на перилах толщиной с карандаш линии красного и зеленого. Указательный палец. Несколько секунд спустя, палец шевельнулся, скрывшись из виду.

Он проверил остальную часть комплекса. На каждой крыше зданий был дымоход, но только два, стоящих рядом у откоса, показывали тепловые признаки. В других зданиях не разжигали огонь. Означает ли это что-нибудь? Это было сомнительно. Температура колебалась у отметки тридцать пять градусов. Охранники заботились что пленникам (если таковые были) было холодно и скверно? На все это вопрос он не мог дать ответ, пока не окажется внутри.

Сэм отполз от края, поднялся и побежал.

Из-за отсутствия времени и снаряжения для преодоления откоса, Фишер по спутниковой карте ОПСАТа выбрал альтернативный маршрут: узкую, крутую тропинку, которая виляла вниз по восточному хребту откоса. Сэм начал спуск, двигаясь невероятно медленно; неправильное размещение ноги означало не только смертельное падение, но и падающие камни. Кроме того, луна была у него за спиной, поэтому он должен быть осторожен, чтобы не сильно не показывать себя над краем скалы, на случай, если его заметит охранник.

Преодолев две трети пути, он остановился и присел на корточки, втиснувшись в седловину между двумя камнями. Сэм был практически на уровне сторожевой башни, примерно в двухстах метрах. Он скользнул SC-20 из кобуры, включил НВ, и сфокусировался на башне.

Два охранника, один у восточных перил, стоящий спиной и второй у западных перил, лицом к Фишеру. Оба стояли как вкопанные, иногда переминаясь с ноги на ногу и потирая руки от холода.

Фишер взял щепотку пыли и бросил в воздух, измеряя ветер. Почти штиль. Он уменьшал приближение, затем снова увеличивал, проверяя точки прицеливания и установленные смещения, пока не остался доволен их движением. Риск состоял не только в промахе и поднятии тревоги одним из охранников, но и его расположении на открытом пространстве с прикованным вниманием на поражении целей, он мог легко сместить вес на пару сантиметров в неправильном направлении, потерять равновесие и упасть с гребня.

Ламберт любил поговаривать: "От таких ударов не оправиться".

Само по себе, убрать двух охранников было рискованно, но Фишер твердо обдумал свое решение. Если во время спасения Кармен Хейс он поднимет тревогу или преждевременно обнаружат ее исчезновение, то последнее, что ему нужно — двое снайперов в башне, охраняющих их маршрут отступления. Без них у Сэма и Кармен будет больше шансов добраться до ближайшего леса.

Он приближал прицел на первом охраннике, обращенном лицом к Сэму, пока голова не заполнила обзор, уменьшил масштаб, чтобы видеть дальний левый край, расплывчатый силуэт другого парня.

Он поместил перекрестие на переносицу охраннику, спустил курок, затем переместил влево и вниз, снова нажимая курок. Первый парень уже рухнул ниже перил. Второй охранник подогнулся в коленях. Обеспокоенный, что выстрел в голову или в торс могли перебросить парня через перила, Фишер выпустил первую пулю его в поясницу, перебивая позвоночник.

Фишер отрегулировал прицел, положил перекрестие на затылок парню и нажал курок. Голова охранника дернулась вперед, ударилась о перила, затем свалился на бок и скрылся из виду.

Двое убиты.

Он сидел неподвижно, отслеживая через SC-20 взад-вперед комплекс, высматривая признаки, что его выстрелы привлекли внимание. Прошло две минуты. Все было тихо.

Сэм зачехлил SC-20 и продолжил путь.

47

ФИШЕР опустился на ковер из сосновых иголок и принялся очищать небольшой участок до грунта. Он вытащил "Сайкс" и осторожно прощупал землю. Ничего. Передвинулся на пятнадцать сантиметров и снова прощупал. Ничего. Однако Бог любит троицу. В тридцати сантиметрах от первоначального места, кончик ножа царапнул по дереву.

"Будь я проклят", — подумал он.

Каким бы интригующим он не находил кавалерийский тайный проход Гримсдоттир, Фишер не очень-то надеялся, однако он выучил, что никогда не нужно недооценивать все, что говорит Грим, и выделил двадцать минут на поиски прохода.

Мысленно подбросив монетку, он преодолел оставшуюся часть хребта, затем направился на восток в сосновый лес, где пробираясь через деревья, осматривал грунт при помощи ИВ. Он доверился интуиции, и та не подвела. Спустя пятнадцать минут, как он отправился в путь, Сэм обогнул дерево и обнаружил, что находится у края бледно-синих сосновых иголок. Как он и подозревал, если люк существует, то он увидит его через ИВ, поскольку прохладный воздух в туннеле будет просачиваться сквозь выход.

Сэм осторожно убрал иголки по краям люка, который был метр двадцать шириной и метр восемьдесят высотой — едва достаточно места для пешего всадника и шагающей с опущенной головой лошади. Конструкторы туннеля установили люк в склон с небольшим подъемом в земле потому, как предположил Фишер, что угол облегчает вид глиняного ската необходимого лошадям.

Он переключил очки в ЭВ и осмотрел края люка на электрические излучения. Не найдя таковых, Сэм принялся работать "Сайксом", вычищая щели от земли. Закончив, он начал прощупывать пальцами, пока не нашел, что искал. На верхней части люка, Сэм нашел ржавое кольцо, врезанное в дерево. Фишер поднялся, согнул колени, схватил кольцо двумя руками и дернул. К его удивлению, прилагать усилия практически не пришлось; люк открылся на сантиметр со звуком осыпающейся земли. Фишер почувствовал, хлынувший ему в лицо, сильный поток походного воздуха из щели.

Он приподнял люк еще на несколько сантиметров. Нижний край, казалось, развернулся в сторону горы. После этого он понял, что сделали русские конструкторы. Люк, который теперь уже он видел, был поперечно связан двадцати пяти сантиметровой древесиной, и был установлен на уравновешенные дверные петли. Если поднят верхний край, то нижний край

разворачивается вниз, опускаясь под землю, подобно рампе десантного корабля морской пехоты.

"Изобретательно", — подумал он.

Сэм проверил часы. В данный момент войска "ДВЕРНОГО УПОРА" ведут полномасштабное наступление. Полагая, что Омурбай еще ничего не сделал, но атака, вероятней всего, станет стимулом для выпуска Манаса. Не только Фишер молился, чтобы Кармен Хейс была неотъемлемой частью замысла Омурбая. В противном случае, он гнался непонятно за чем.

Он приоткрыл люк еще на метр, залез вниз, переключил очки в режим НВ, затем опустился на живот и прополз под нижним краем. В полутора метрах впереди лежала беспорядочная куча деревянных опор и балок. Туннель обрушился. Но насколько серьезно? Он поднял руку вверх и почувствовал, как прохладный воздух шипит из туннеля. Тот был практически завален, и возможно ли было пробраться через этот лабиринт, Сэм не знал. Он подумал и решил попробовать. Он так далеко зашел, и если его авантюра окупится, то он окажется внутри форта, прямо под ногами у плохих парней.

Сэм полез внутрь.

По запаху и на ощупь, Фишер пробирался через лабиринт, переступая, нагибаясь, и проползая под рухнувшими балками лабиринта. Гигантская паутина пересекала туннель как потертая марлевая сетка, иногда настолько плотная, что приходилось прорезать себе путь ножом. Где-то в темноте он слышал капание воды, и дважды, ему показалось, что уловил бормотание, отдаленные голоса.

Спустя час, согласно ОПСАТу, он преодолел около двадцати пяти метров, это означало, что Сэм приближался или уже был под внешней стеной форта. Он изогнул тело в зазор между разломанной балкой и восточной стеной, и неожиданно обнаружил, что перелез через прочный камень. Фишер осмотрелся. Здесь туннель был шире и выше, примерно три с половиной метра на два с половиной. Туннеля, который достигал пятнадцати метров и оканчивался опущенной рампой, походил на то, что Фишер мог описать как вкопанные в землю и укрепленные камнем конюшни. Он уловил запах чего-то кислого, и ему потребовалось время, чтобы определить его: навоз, гниющее сено. Несмотря на то, что остатки русской кавалерийской конюшни давным-давно поглотила земля, запах остался и не слабый.

Он поднялся на корточки и осмотрел туннель впереди. Ничего. Если профессор из Праги был прав, то над ним был еще один уровень: жилые помещения и склады.

Сэм направился к рампе. Он припал на живот и начал ползти, пока его глаза не поравнялись с земляным полом верхнего этажа. Этот уровень был намного шире, чем конюшни, около

двенадцати метров от стены до стены и тридцать в длину, прикинул Фишер. Из каждой стены выпирало что-то, что Фишер мог описать, как деревянные хижины, каждая шириной три метра и высотой два с половиной и общей стеной с другой хижиной. Выровненные относительно центра располагались сооружения размером с телефонную будку, каждая возвышалась в полутора метрах от земли на ходулях с расположенными спереди ступенями. Уборные, предположил Фишер.

Он насчитал двенадцать дверей для каждого ряда лачуг. Гримсдоттир говорила, что форт был укомплектован 160 людьми, так что выходит по восемь человек на хижину, а остальные — столовые и склады боеприпасов.

Он уже видел фото подобных жилых приспособлений в книгах о Первой мировой войне, где солдаты на протяжении нескольких месяцев подряд жили как кроты в траншеях.

"Фраза «Сардины в банке» не воздает этому месту должное", — подумал Фишер.

Потускневшие масляные лампы, с черными от сажи абажурами, висели на расстоянии двух метров на цепях в потолке. Одна из ламп горела.

В дальнем конце этажа, возле дальней рампы, Сэм увидел одинокую фигуру, стоящую в тусклом свете лампы. Фишер включил НВ. Стоя в тенях напротив мужчины и прислонившись к двери последней лачуги, были еще двое солдат. Все трое разговаривали и курили, вооруженные АК-47.

"Перерыв, или что-то охраняют? — Размышлял Фишер. — Или кого-то?"

Фишер подкрался к центру туннеля, используя уборные в качестве прикрытия, достиг последнего туалета, примерно в шести метрах от солдат. Он обошел его сзади; здесь свет лампы тускло освещал деревянную стену. Фишер лег на живот и выглянул из-за угла. Охранники не шевелились. Сэм поднялся, обошел с другой стороны и увидел каменную рампу, которая состояла их двух ярусов: один уходил влево, и, как он предположил, на нижний уровень. Он увидел сверху просачивающийся свет и услышал бормотание на кыргызском.

Фишер прикрыл глаза, концентрируясь и прислушиваясь.

"Четыре-пять человек", — посудил он.

Внезапно послышалось хлюпанье радиопомех. Командный голос утихомирил другие, затем послышался металлический говор. Фишер напряг слух, но не смог ничего уловить. Как бы там

ни было, это вызвало немедленную реакцию. По рампе бегом спустился солдат, рявкнул приказ троим разговаривающим охранникам, затем убежал обратно. Фишер услышал обрывок:

— ... готов ... ведите ее.

Один из охранников, стоящих у двери, обернулся, отодвинул щеколду, наклонился внутрь и что-то проговорил. Спустя какое-то время, шаркая, вышла маленькая фигура и стала в свете лампы.

"Кармен".

Волосы были короче (они подстригли ее, подумал Фишер), лицо исхудало, но это была она. Фишер на мгновение опешил, не столько ее появлением, сколько тем, что нашел ее. С самого начала исчезновение Кармен Хейс было краеугольным камнем не только путешествия Питера, но и его собственного. Все это время Фишер полагал, что гоняется за призраком, и вот он во плоти.

И затем Кармен сделала нечто, что ошеломило Фишера. Она взглянула на солдата, который освободил ее, и сказала что-то на кыргызском. Хотя Сэм не понял сказанного, не было никакой ошибки во властном тоне ее голоса. Как и в ее взгляде, который принадлежал не сломленному пленнику, а начальнику. Или это было неповиновением?

Солдат кивнул ей и ответил на кыргызском:

— Да.

"Что происходит? — Размышлял Фишер, но он уже догадывался о наиболее вероятном ответе. — Они сломили ее. Сломили волю и одурманили ее разум".

Корейцы и/или Омурбай удерживали Кармен Хейс на протяжении четырех месяцев. Четыре месяца — достаточное время, чтобы сломить любого, внушить иное мышление. Пытками, условиями, наркотиками или сочетанием всего этого, они не только заручились помощью Кармен, но и сделали ее своей союзницей.

В каком-то уголке разума Фишер отказывался в это верить, но вариантов было не много. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы рисковать.

48

ФИШЕР выждал, пока Кармен с тремя солдатами поднялись по рампе, и свернули за угол, исчезнув из виду, затем метнулся вокруг туалета, остановился у висячей лампы и понизил фитиль на минимальное положение, в полуприсяде подбежал к подножию рампы и подкрался к тому месту, где она сворачивала влево. Сэм выглянул из-за угла.

И замер.

В двух метрах, на вершине рампы под каменной аркой стояли двое охранников с АК-47 наготове.

Чрезвычайно медленно, Фишер убрал голову обратно. Вытащил оптоволоконную камеру и сунул ее за угол. За двумя солдатами Фишер увидел просторное помещение с каменным полом и сводчатым, балочным потолком. Несколько флуоресцентных ламп висели на центральной балке, заливая комнату холодным, молочным светом.

Через открытую сарайную перегородку виднелся кузов третьего грузовика. Фишер посмотрел на него в оптику. Это был Урал-4320, старый Советский военный грузовик снабжения: сверхмощный, созданный для горного ландшафта, с шестью колесами, двумя на фронтальной оси и четырьмя на двух тыловых осях. К задней подножке был прикреплен лебёдочный барабан с намотанным на него стальным тросом.

Борт кузова и тент на Урале были распахнуты. Над самым краем свисала на лебедке белая пластиковая цистерна для удобрений в форме эллипса, размерами примерно метр двадцать по ширине и полтора метра по длине, с парой саней снизу, напоминавших тобогганы. Галлонов на триста, прикинул Фишер.

Он насчитал девять полностью вооруженных солдат и Кармен, стоявшую на дозоре чуть поодаль, левее. Пока он наблюдал за ними, двое солдат начали манипулировать лебёдкой, загружая цистерну глубже в кузов грузовика. Внутри цистерны Фишер разглядел коричневато-красную жидкость, тягучую как патока, плескавшуюся по бортам.

"Манас. Хитридиомицета грибковая".

Он отпрянул назад.

"Думай, Сэм ... Думай ... "

Девять солдат, все вооружены. Несмотря на малую опасность, он не хотел рисковать, повредив цистерну. Они так мало знали о хитриодимицетах — сколько живут, потенциал. Лучше обеспечить целостность цистерны. Что оставляло несколько вариантов. Никаких гранат, шальных пуль. И даже если Сэм сможет убрать всех солдат и не умереть в процессе, не повредить цистерну, и не дать кому-либо сделать оповестительный крик или выстрел, снаружи комплекса находилось еще, по крайней мере, два десятка солдат Омурбая, которые сбегутся через секунду.

Уравняем шансы. Подождем более благоприятного момента.

Из-за угла раздался громкий шум и скрип нагруженных амортизаторов грузовика. Фишер снова воспользовался оптоволоконной камерой. Цистерну окончательно загрузили в машину, борт подняли. Подъемник отвели в сторону, и один из солдат (майор, как догадался Фишер), рявкнул какой-то приказ. Солдаты начали забираться в грузовик, пока все восемь не разместились внутри, по четыре на каждой скамье по бокам от цистерны. Офицер закрыл за ними борт и тент, после чего они с Кармен направились к воротам сарая.

Завелся двигатель грузовика, и шлейф сине-серого выхлопного газа вырвался из трубы глушителя.

Фишер, пригнувшись, побежал вперед, пролез под бампером грузовика, огляделся по сторонам.

Он ухватился левой рукой за поперечную тягу кузова, а правой — за вертикальную стойку барабана лебедки, поднял себя от земли и втиснул ноги во внутреннее крыло колеса.

С ревом, двигатель набрал обороты, и грузовик тронулся.

После короткой остановки у ворот, машина свернула влево на грунтовую дорогу и начала спускаться к побережью озера, где свернула вправо, или на запад. Через ступеньку бампера Фишер наблюдал, как форт исчезал в темноте.

ОНИ ехали пятнадцать минут по относительно ровной береговой дороге, затем грузовик внезапно остановился, тормоза тихо взвизгнули. Под крылом ниши колеса, Фишер рассмотрел серую гранитную стену откоса, в двухстах метрах отсюда.

Из-за гула двигателей, Фишер едва различил высокий голос Кармен, а затем последовал голос майора.

"Спор", — предположил Фишер.

Перепалка длилась около тридцати секунд, затем мотор завелся, и грузовик снова тронулся.

Машина проехала еще метров сто, затем свернула вправо к откосу. Снизу, Фишер наблюдал, как грунтовая дорога сменилась параллельными бороздами от грузовика на луговой траве. После еще тридцати метров, он услышал переключение коробки передач и грузовик начал

подниматься по склону. Через некоторое время, Фишер увидел гранитную стену, промелькнувшую сбоку.

"Въезжаем в каньон".

В течение следующих двадцати минут машина извивалась все выше и глубже в горы, натыкаясь и подскакивая на более волнистой и гористой дороге. Наконец-то они замедлились и остановились, затем начали сдавать назад вниз по склону. Вокруг потемнело, Фишер почувствовал запах родниковой воды, плесени и влажной почвы.

"Пещера", — подумал Фишер.

Грузовик проехал приблизительно тридцать метров, и остановился.
Теперь он услышал кое-что иное — бурлящий поток воды.

"Река. Подземная река".

Он ослабил хватку и слегка опустился к земле и посмотрел за бампер. Фары грузовика были все еще включены, излучая белые блики на стены пещеры, но все же было по-прежнему слишком темно. Он переключил очки в режим НВ.
Пещера была небольшой, чуть более среднего домашнего гаража на две машины. Поток был образован из сталактитов и бледно-желтых минеральных отложений, которые сформировались в узкие столбцы, похожие на песочные часы. Ниже галечного склона, позади бампера, Фишер увидел поток воды, черный и вздымающийся в размытом цветовом поле НВ. Река, протекала слева направо и была примерно метровой ширины.

"Вот и все, — осознал Фишер, — конец игры. Кармен Хейс отлично справилась с задачей. Куда бы ни впадала подземная река, в конечном итоге она пересечется с Каспийскими нефтяными месторождениями и, возможно, еще дальше.
Времени больше нет. Нет времени прятаться, нет времени думать. Если Манас выпустят... "

На долю секунды он очистил свой разум, почувствовал, как переключается на первобытную часть: сражайся или беги, убей или умри.

"Не думай.

Действуй.

Любой ценой, останови их здесь".

Со стороны водителя и пассажира он услышал, как открылись, а затем закрылись двери. Шаги захрустели по гравию.

Фишер опустился на землю и откатился в сторону.

49

Он встал на корточки, сорвал с ремней несколько светошумовых гранат, выдернул из обеих чеку, и бросил через заслонку тента грузовика. Известные как M84 светошумовые гранаты не содержат шрапнели, но во время взрыва происходит вспышка яркого света в миллион кандел и звуковой хлопок, превышающий 180 децибел.

В то время как гранаты отскочили от стального кузова, Фишер вытащил SC-20 из кобуры, отступил влево, и поднял ствол.

Майор, очевидно, услышав стук гранат и узнав этот звук, развернулся и побежал обратно в кабину. M84 взорвались. Волна ослепляющего света и звука, вырвались из тента грузовика. Фишер открыл огонь. Пуля угодила майору выше правой лопатки, толкая того вперед. Фишер прицелился, согнул палец на курке ...

— Ублюдок!

Краем глаза, справа от себя, Сэм увидел нечто, направляющееся в его сторону: незначительная фигура, бледное овальное лицо, черные короткие волосы. Фишер начал поворачиваться, но было уже поздно. Кармен Хейс, лицо которой застыло в гримасе ужаса, размахивая руками и выставив ногти, прыгнула ему на спину, кричала, царапалась и кусалась.

Фишер зашатался по сторонам. Он опустил правое плечо, поднял локоть и резко ударил им в лицо Кармен. Ее нос с хрустом сломался. Кровь хлынула в рот и подбородок, но она удержалась, царапая ногтями его лицо. Фишер выпрямился и отбежал назад, сильно ударил ею о стену пещеры. Кармен охнула, но удержалась.

Двигатель грузовика завелся.

Теперь, из салона грузовика не было слышно никаких криков на кыргызском.

Фишер растерялся, эффект гранат истекал.

Он снова ударил Кармен о стену, затем еще раз и еще. Она обмякла и съехала с его спины. Сэм обернулся, переключил селектор SC-20 на "ВАТНЫЙ ШАРИК". Опасаясь, что полная доза подвергнет Кармен с разбитым носом опасности, он выстрелил шариком в землю рядом с ее талией, затем переключил селектор обратно на огонь очередями по два патрона, и развернулся к грузовику. Зажглись задние фары. Грузовик двинулся, ускоряясь вниз по склону к реке.

Задний борт грузовика распахнулся, заслонка тента откинулась назад, и на землю выпрыгнули два солдата, затем третий и четвертый. Фишер снимал по мере их появления, до того, как они подняли бы автоматы, дважды попадая в каждого несколькими пулями: корпус ... голова ... корпус ... голова ... корпус ... голова. Один за другим они падали оземь и скатывались по склону в воду.

Периферийным зрением Фишер заметил, как из тента появилась рука и бросила что-то в его сторону — размером с бейсбольный мяч, овальной формы. Осколочная граната. С глухим звуком она приземлилась в щебень в полуметре спереди и правее него. Смещая SC-20 в левую руку и срывая газовую гранату CS с ремней правой рукой, он ринулся к гранате, которую он уже опознал как русскую РГД-5, и пихнул ее ногой в воду, одновременно швыряя CS через заслонку тента.

Взрыв!

РГД-5 детонировала. Столб воды вырвался из реки. Спустя секунду сработала граната CS, и белый газ вырвался из складок тента. Внутри закашляли и закричали солдаты.

Фишер устремился к задней части грузовика. Он прицелился и выстрелил в заднюю шину, передвинул прицел, выстрелил в переднюю шину. Шипя, шины взорвались. Грузовик продолжал скатываться, скользя вправо и разворачиваясь на пробитых покрышках.

Фишер запрыгнул на задний бампер, через заднюю заслонку. Остальных четверых солдат раскидало по всему кузову, их рвало. Один из них увидел Фишера, выкрикнул что-то по кыргызски и поднял АК. Фишер выстрелил тому в горло, переместился, снова выстрелил, убивая второго, и третьего.

Грузовик дернулся и остановился. Фишер, падая назад, сделал выстрел, пуля прошла выше и правее, промахиваясь в последнего солдата. Фишер плашмя упал на щебень, головой погрузившись в воду. Он рванулся вверх и право, отряхивая головой. Когда зрение восстановилось, он увидел широкий, белой формы овал, скользящий к нему (цистерна, подумал он), и, откатился влево в то время, когда она со скрежетом выкатилась из борта, и упала на землю. Цистерна покачнулась на санях из стороны в сторону, затем перевернулась на правый бок и скользнула в воду.

Задние фары грузовика погасли. Машина въехала по склону на полметра, остановилась. Фары снова зажглись, и грузовик скатился вниз. Бампером ударившись в цистерну, треть которой погрузилась в воду, коричневая жидкость дико плескалась. Колеса грузовика закрутились, пробитые задние шины разворотили грязь и гравий.

В кузове, последний солдат наткнулся на борт. Поднес к груди АК, глянул на Фишера, затем его внимание привлекла цистерна. Вскинул винтовку к плечу, согнув палец на курке.

Фишер поднял SC-20 и сделал три быстрых выстрела. Первый прошел мимо; второй пробурил парню ребра, третий угодил прямо в лоб, чуть выше глаза. Мужчина качнулся в стороны и упал назад в грузовик.

Сэм встал на колени и бросился к кабине, где увидел майора, который колотил руль и, оскалив зубы, выкрикивал проклятия, предположил Фишер. Сэм посмотрел через плечо. Колеса грузовика выплескивали грязную, похожую на петушиный хвост, воду и щебень, которые

градом осыпали потолок пещеры. Цистерна наполовину погрузилась в воду, частично плавая, и покачиваясь на течении воды.

Фишер сделал три прыжка и резко остановился у двери кабины. Краем глаза его заметил майор. Замер. Взглянул на Фишера, замешкался, затем обратился к рулю и втиснул педаль газа. Фишер выпустил два патрона, оба угодили мужчине в ухо. Он качнулся в сторону и исчез из вида.

Фишер побежал вперед, рывком открыл дверь, толкнул тело майора через сиденье на пол со стороны пассажира, и осмотрелся.

"Где он, где он?"

Он схватил ручник, поднял его вверх и зафиксировал. Сэм выключил зажигание и выбрался наружу.

— Ни с места! — раздался женский голос.

Фишер замер. Повернул голову вправо. Возле кузова грузовика, подняв и направив АК-47 в грудь Фишеру, стояла Кармен Хейс.

"Недостаточная доза «Ватного шарика», подумал Фишер.

— Кармен ...

— Заткнись! Ты понимаешь, что натворил? Понимаешь?

Ее глаза дико блестели в тусклом свете, но это был бессмысленный взгляд. Фишер уже видел такой прежде: безжизненный взгляд пленника обстоятельств. Так или иначе, он был уверен, что она пристрелит его.

Он направил SC-20 вниз, слегка убрав с нее ствол, и поднял руку в знак капитуляции.

— Кармен, я нашел ваше послание, — спокойно сказал Фишер.

Она, пошатываясь, шагнула к нему.

— Заткнись! Что? Какое послание?

— Из вашей туфли. Стелька. Послание родителям. Они вас разыскивают.

Долгих десять секунд Кармен таращилась на него.

— Нет. Я не понимаю о чем ...

Она начала пятиться назад, мимо бампера грузовика. Правой пяткой ткнула в цистерну, которая была наполовину в щебне, наполовину в воде. Она отошла влево на пятнадцать сантиметров и принялась тянуть вниз за сторону цистерны.

— Кармен, не ...

— Я сказала, заткнись! — верещала она.

"Один толчок", — подумал Фишер.

Толчок и цистерна отправится в реку.

— Это единственный способ, — сказала Кармен.

Она указала подбородком на цистерну.

— Это единственный способ остановить его.

"Я не хочу стрелять в вас, — подумал Фишер. — Пожалуйста, не заставляйте меня... "

Внезапно она обернулась, отошла назад и направила АК на цистерну.

Фишер выстрелил.

Эпилог

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РИЧМОНДА, ВИРДЖИНИЯ — ЧЕТЫРЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

Фишер остановился у домофона, прикрепленного к кирпичной стене и нажал кнопку вызова. Через трех с половиной метровые черные кованые ворота гравийный проезд резко сворачивал направо к туннелю из кизиловых деревьев. На вершине столба завертелась камера, линзы сфокусировались на его лице.

Спустя какое-то время ответил голос:

— Да?

— Я здесь, чтобы повидаться с Маршей Стентон, — ответил Фишер.

— На который час вам назначено?

— Мистер Флауэрс сказал мне зайти. Полагаю, что я на семь минут раньше.

Как и прежде, это был верный ответ.

— Въезжайте.

Ворота, на гидроприводах, раскрылись и распахнулись. Фишер въехал и направился вниз по аллее. Он преодолел всего три с половиной метра и снова остановился у цепи, натянутой между двумя бетонными столбами, размером с бочку. Несколько мужчин в штатской одежде подошли к его машине, один к окну водителя, другой к пассажирскому. Живот каждого мужчины был перевязан чем-то, напоминающим негабаритную поясную сумку; на самом деле это была кобура, пошитая так, чтобы удерживать смертельное разнообразие пистолетов-пулеметов.

— Удостоверение личности, пожалуйста, — сказал парень у стекла водителя.

Фишер предъявил удостоверение АНБ и передал его. Мужчина какое-то время изучал его, затем лицо Фишера, затем отошел и пробормотал что-то в петличный микрофон. Услышанное через телесного цвета наушник, заставило его кивнуть и протянуть удостоверение обратно Фишеру.

— Не съезжайте с дороги. Она приведет вас на парковку. Вас встретят.

Фишер последовал указаниям, и проехал по трех полосной дороге еще двести метров до появления асфальтированной стоянки, окруженной густыми кустами азалии с ярко-оранжевыми и красными цветами. Справа от него стоял четырехэтажный дом колониального стиля с круглым крыльцом. Человек в белом халате стоял на крыльце; он поднял Фишеру руку. Фишер поднял в ответ.

КАК и во время каждого визита, Фишер нашел ее на задней лужайке, сидящей в адирондакском кресле под плакучей ивой. Рядом с ней, трое уток плыли через пруд, выискивая водяных жучков на поверхности. Он прошел по осторожно подстриженной траве и остановился у кресла.

— Доброе утро.

Мечтая, женщина не слышала, как он подошел. Она обернулась и прикрыла глаза от солнца.

— Доброе утро, Сэм, — ответила Кармен Хейс.

Она указала на столик рядом, на котором стояли шахматы; черно-белые фигуры на доске находились в различных положениях игры.

— Ожидают вас.

— Как бедро? — спросил он.

Она улыбнулась ему.

— Отлично. Лучше с каждым днем. Вам не обязательно спрашивать каждый раз, когда приходите, вы же понимаете.

Фишер пожал плечами и улыбнулся в ответ.

— Меньшее, что я могу для вас сделать.

Как только Сэм выстрелил в нее в пещере, он сразу же мысленно поблагодарил тысячи часов, которые он провел на полигонах и боевых курсах. Пуля SC- 20 угодила именно в то место, куда он хотел: в левое бедро Кармен, в сантиметре от тазового пояса. Попадание развернуло ее, она потеряла равновесие и упала спиной в воду. Дуло АК-47, которое всего секунду назад было направлено на цистерну с удобрениями, выкрутилось вверх, сверкая при ее падении, пули усеяли потолок пещеры.

Фишер ринулся вперед, выбил АК и втащил Кармен по склону, затем перевернул на живот и скрутил ей за спиной руки гибкими шнурами. Не обращая внимания на крики, он нарыл в своем кармане первой помощи шприц-тюбик с морфием и воткнул иголку ей в бедро. Через двадцать секунд крики превратились в хныканье.

Быстро проверив, что люди Омурбая мертвы, он обратил внимание на цистерну, размотал трос лебедки "Урала" и зацепил за сани цистерны.

Затем он залез в кабину и медленно, осторожно, вытащил цистерну из реки на склон, затем остановился и установил тормоз лебедки.

Сэм выпрыгнул наружу и сделал быстрый вызов по ОПСАТу Гримсдоттир и Ламберту, которые сразу же связались с Объединенным комитетом начальников штабов, а те, в свою очередь, услышав, что бессмысленная затея Фишера принесла результаты, выделили транспортный вертолет "Чинук" и несколько ударных "Апачей" из боя в Бишкеке. Девяноста минут спустя, Фишер присоединился к тройке рейнджерского звена, которые обезопасили цистерну и установили оборонительный периметр вокруг входа в пещеру.

Его работа завершена, Фишер пошел обратно в пещеру и сел рядом с Кармен.

Через два часа, даже когда цистерна была готова к транспортировке, образец Манаса уже в воздухе на пути к авиабазе Эндрюс, где был передан доктору Руссо и ее команде из совета директоров ХВМЖ Ливерморской национальной лаборатории им. Э. Лоуренса, и отправлен для изучения в лабораторию.

Как и прогнозировал председатель Объединенного комитета начальников штабов, конфликт за Бишкек был короток, и длился чуть менее шести часов. Даже когда свергнутый экс-президент и его кабинет были доставлены обратно в здание правительства, Омурбай со своими главными последователи пытались сбежать из города и проскользнуть на север в горы, солдаты восемьдесят второго воздушно-десантного взвода уже преградили им путь, возвышаясь над дорогами, ведущими из города. Большинство солдат, сопровождающих Омурбая, сдались без боя, но сам Омурбай и его горстка самых фанатичных приспешников пытались с боем пробиться через блокпост. Их превышали числом и тактикой, кыргызцы сражались до самой смерти, пока не остался один Омурбай. Когда американские солдаты стали наступать, он последней пулей из АК-47 застрелил себя.

ШЕСТЬ часов спустя после сражения, Румынское разведывательное управление, которое помогло Фишеру исчезнуть из Северной Кореи, предоставили ЦРУ еще одну услугу: доставило министру иностранных дел письмо для Ким Чен Ира от президента США, на английском и корейском. Письмо, сформулированное на языке дипломатического протокола, содержало послание:

"У нас в распоряжении грибок хитридиомицеты Омурбая; мы создали нейтрализатор; мы знаем о вашей помощи Омурбаю в свержении правительства Кыргызстана; нам известно, что вы помогали в развитии грибка; также вы намеревались, использовать грибок, чтобы уничтожить Каспийские нефтяные месторождения.

Мы наблюдаем за вами, и если вы будете плохо себя вести, мы все это обнародуем и вырвем вашу же страну из-под вас".

Ответ министра иностранных дел был незамедлительным, многообещающим, и соответствующим:

"Правительство Северной Кореи опровергает любую официальную причастность к событиям в Кыргызстане, и расследует некоторые нестандартные факторы в своих спецслужбах, которые могли несанкционированно контактировать с Болотом Омурбаем".

Президент, ссылаясь на нейтрализатор хитридиомицет, не совсем лгал, а скорее предупреждал.

Четыре дня спустя Ширли Руссо со своей командой начала обратное проектирование грибка Омурбая — Манаса, они произвели и начали производство в массовых количествах легко дисперсный агент, который уничтожал Манас при контакте.

ФИШЕР присел напротив Кармен и изучил доску. Он нахмурился и пробормотал:

— Вы передвинули.

Она засмеялась.

— Нет, не двигала. Просто я выигрываю.

— Ха.

Фишер был рад ее улыбке, которая появилась спустя месяц с тех пор, как она приехала в конспиративную квартиру ЦРУ/частную клинику. Целью которой было лечение физических и ментальных ран, нанесенным офицерам и тайным оперативникам в полевых условиях, клиника так же поработала своей магией над Кармен.

Четыре месяца ее удерживали корейцы, ее систематически угнетали медикаментозной терапией и стрессовым состоянием. Ей по-прежнему снились кошмары, как сказали Фишеру, но они уменьшались, и доктора ожидали ее полного выздоровления. Родители Кармен прилетели из Хьюстона через неделю, после ее поступления и арендовали дом в Ричмонде, так что они легко могли ежедневно ее навещать.

Воспоминания Кармен о ее похищении и заключении были расплывчатыми, как и ее воспоминания о случившемся в пещере. Однако, к огорчению Фишера, она ярко припоминала ее ранение и упорно его этим дразнила.

ОНИ целый час играли в шахматы, пока Фишер не признал поражение и не опрокинул короля.

— Вы выглядите рассерженным, — сказала Кармен.

— Не люблю проигрывать.

— Иногда, мне кажется, что вы не часто проигрываете. Вы же не стрельните в меня?

Фишер устало вздохнул.

— Простите, — ответила Кармен. — Не удержалась. Последний раз, обещаю.

Улыбка сошла, и она наклонилась вперед, положив на его руки свои.

— Я так и не поблагодарила вас.

— За то, что подстрелил? — ответил Фишер. — Рад услужить.

— За то, что спасли меня. Остановили. Привезли домой. Спасибо вам, Сэм.

Фишер улыбнулся.

— Рад услужить.

Они проговорили еще несколько минут, затем Фишер поднялся.

— Простите, мне нужно успеть на самолет.

— Дела? — спросила Кармен.

— Не совсем.

— Куда направляетесь?

— Торонто.

По правде говоря, Фишеру не хотелось ехать, однако он задолжал Кельвину Стюарту. Конечно же, он не мог рассказать что-то значимое вдове, за исключением того, что ее муж был настоящим героем. Все, что он мог сделать с помощью ЦРУ — протянуть ей банковскую книжку с достаточным количеством денег, чтобы ей провести свои золотые годы и отправить детей Стюарта в колледж.

— Тогда, удачной поездки.

— И вам, — ответил Фишер. — Вам сказали, когда возвращаетесь домой?

— Нет. Но когда вы вернетесь, и если меня здесь не будет, то знаете, где меня искать.

— Знаю. До свидания, Кармен.

Фишер развернулся и пошел прочь, затем остановился и оглянулся.

— Продолжайте тренироваться. Я жажду реванша.

Кармен засмеялась.

— Договорились.